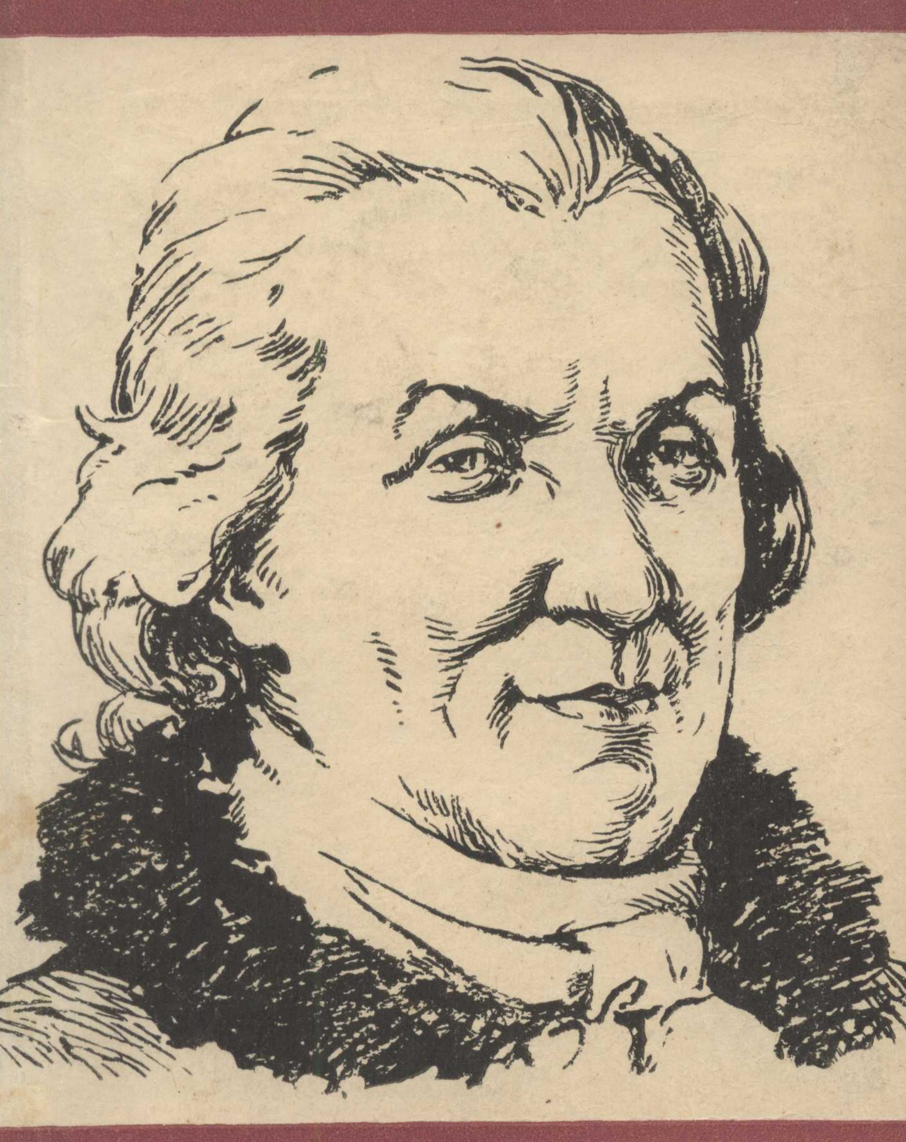
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Западов

ДЕРЖАВИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

Основана в 1933 году М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК
5
[253]

МОСКВА 1958

А. ЗАПАДОВ

ДЕРЖАВИН

●

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

За слова меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

Державин

Слова поэта суть его дела.

Пушкин

Глава I
ПОТОМОК МУРЗЫ БАГРИМА

«Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казане, от благородных родителей, в 1743 году, июля 3 числа». Так на седьмом десятке лет начал диктовать свою автобиографию Державин, назвав ее: «Записка из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина». Перечисляя свои звания и должности, он не упомянул о главном деле всей его жизни — о поэзии, которой верно и преданно служил до конца своих дней. Прежде всего и больше всего Державин был поэтом, сильным, ярким, самобытным, глубоко национальным творцом поэтических произведений немеркнущего значения. Этим он для нас и интересен, потому мы и хотим знать, как он жил, чем был занят, в каких условиях писал свои стихи.

Так думаем мы. Державин считал иначе. Он гордился своей славно пройденной жизненной дорогой, которая привела его, простого солдата, к высшим должностям в государстве, своими стараниями добиться в России строгого соблюдения законов, своей резкостью и прямотой в отношениях с царями и вельможами, уменьем

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

Для Державина служебное поприще было важнее пройденного им поэтического пути, хотя свое место в русской литературе он сознавал хорошо. Нужно ли говорить, что он заблуждался, считая так, и что все административные действия и юридические документы Державина не стоят вместе взятые любого тома его стихотворений?! Пушкин сказал: «Слова поэта суть его дела». Но Державин, целиком еще стоявший на позициях XVIII века, когда литература не была профессиональным занятием и дворянство относилось к ней свысока, очень дорожил своей службой; он подробно рассказал о ней в названной выше «Записке», и мы воспользуемся отчасти его воспоминаниями, повествуя о жизни Державина, о его стихах и о творческом пути.

Он был сложным и трудным, этот путь, и заслуживает того, чтобы о нем знал наш читатель, внимательный и разумный хозяин великого культурного богатства, полученного в наследство от старой России.

Державин верно указал дату своего рождения, а место обозначил неправильно. Он родился не в самой Казани, а в деревне Кормачи (по другим сведениям — Сокуры), в сорока верстах от города.

Род Державиных имел своим предком татарского мурзу по имени Багрим, который покинул Большую Орду для службы князю Василию Темному и принял крещение, получив христианское имя Ильи. Произошло это в XV веке. От сыновей его пошли дворянские фамилии Нарбековых, Акинфовых, Кеглевых. В числе сыновей Дмитрия Ильича Нарбекова был один по прозвищу Держава, несший свою службу в Казани. От него по прямой линии и вел свою родословную наш поэт.

В XVII веке Державины, как это известно по документам, владели немалыми поместьями близ Казани по берегам реки Меши, но потом обеднели. Дед поэта Николай Иванович получил в наследство от отца «крестьян три двора». Сыновья его — Иван, Василий

и Роман состояли на военной службе. Николай Державин был крепкий, кряжистый старик. Он умер восьмидесяти семи лет в 1742 году, лишь немного не дожив до рождения своего знаменитого внука.

Роман Николаевич Державин, отец поэта, начал службу, как полагалось дворянину в царствование Петра I: шестнадцати лет от роду, в 1722 году, был зачислен в Бутырский полк и стал тянуть солдатскую лямку. Вероятно, он хорошо помнил Петра и часто рассказывал о нем своему старшему сыну Гавриле, с которым был очень дружен.

Служба Романа Державина проходила в отдаленных от центра России гарнизонных полках, и он медленно продвигался вверх по служебной лестнице, хотя отличался распорядительностью и обладал опытом в административных делах. Он был женат на своей дальней родственнице и соседке вдове Фекле Андреевне Гориной, урожденной Козловой.

Жили Державины бедно. Отец после раздела с братьями получил клочок земли и десять душ крепостных крестьян. Источником дохода было только государево жалованье. По соседству обитали такие же мелкопоместные дворяне. Они вечно ссорились и судились между собой, сутяжничество разъедало казанскую шляхту. Глухая, глубокая провинция царила вокруг.

На склоне дней Державин, вспоминая юность, писал о своей Казани:

О колыбель моих первоначальных дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой попрежнему всегдашний буду житель?
Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны,
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?

Поэтический вымысел коснулся тут только «наследственных стад», каковых у Державиных по бедности не водилось: нищета стояла такая, что, когда умер отец поэта, не знали, как заплатить пятнадцать рублей оставшегося после него долга...

Гавриил Державин был старшим сыном. После него появились брат Андрей, умерший молодым человеком, и сестра Анна, покинувшая свет в раннем детстве.

Будущий поэт родился хилым ребенком. Чтобы сохранить в нем слабый огонек жизни, согреть, его, по народному обычаю, запекали в хлебе, сажая на лопате в негорячую русскую печь. Такое крестьянское средство помогло — мальчик выжил и стал нормально развиваться. Впоследствии Державин говаривал, что в обстоятельствах его начальных дней был предсказан дальнейший многотрудный путь его жизни, потому что во младенчестве он уже прошел огонь, сидя в русской печи, и воду, когда его окунали в купель по обряду церковного крещения.

На пятом году мальчик научился читать. Его мать, подобно другим женщинам своего круга, не получила никакого образования и с трудом подписывала фамилию на документах, но сына хотела видеть сведущим человеком. Сначала, сажая своего первенца за книгу, Фекла Андреевна подкармливала его сладостями, но вскоре всякое понуждение оказалось излишним: мальчик полюбил чтение. Читал он вслух матери по складам церковные книги — других не бывало ни в доме Державиных, ни у соседей, потому что в столицах издавались они еще редко, в небольшом числе экземпляров и в провинцию не доходили.

Романа Державина по службе перебрасывали с места на место, и семья вслед за ним кочевала по России. Из Казани Державины перебрались в Яранск (ныне Кировской области), оттуда в Ставрополь на Волге, а в 1750 году — в Оренбург. Эти путешествия, столь обычные для семьи военного человека, не давали Державиным прочно обосновать свой быт и наладить хозяйство в родовых деревеньках, но были полезны для будущего поэта. Они развивали впечатлительного мальчика, картины русской природы рано запали ему в душу, встречи с людьми помогали первоначальному образованию. Державин с детства слушал живую народную речь, учился глубоко понимать ее и любить.

Годы шли, и Державиным серьезно приходилось

думать о будущем подраставших детей. По тогдашним законам все дворянские сыновья в семилетнем возрасте должны были представляться губернаторам — на так называемый «первый смотр». Губернатор знакомился с детьми, их имена заносили в особые книги, после чего ребят отпускали, наказав родителям дать им образование. Через пять лет дети должны были вновь являться к губернаторам на «второй смотр». Тут им учиняли небольшой экзамен в науках и опять отпускали на четыре года.

Такой порядок был заведен для русского дворянства Петром I, который требовал, чтобы все дворянские сыновья получали образование и обязательно шли потом на военную службу: всякий другой род занятий считался неприличным для дворянина, его обязанностью было с оружием в руках защищать «престол-отечество». Указы Петра подтверждали его преемники, за выполнением закона следило особое учреждение в Петербурге — герольдия. Созданная Петром герольдия ведала в России служилым сословием и назначала молодых дворян на службу. В этом учреждении велись списки дворян с отметками: «кто из них к делам годится и употребляемы будут, и к каким», «что у кого детей» и т. д.

Когда дворянскому юноше исполнялось шестнадцать лет, он был обязан явиться в герольдию или в герольдмейстерскую контору в Москве. Его или вновь отпускали на четыре года домой, взяв с родителей письменное обязательство, что, кроме арифметики и геометрии, они будут учить сына фортификации, истории и географии, или определяли на службу в один из полков, где начинали взамен сладких родительских забот муштровать по-военному.

По замыслу Петра, все дворяне должны были пройти солдатскую школу, испытать на своей спине тяготы рядовой службы, прежде чем командовать другими. Но богатые и знатные дворяне быстро научились обходить петровский указ. Благодаря своим связям, знакомствам и деньгам они записывали новорожденных младенцев солдатами в гвардейские полки. С течением лет им присваивались унтер-офицерские

звания — капрала, сержанта, потом офицерские — прапорщика, поручика, так что когда такой с пеленок записанный в полк юноша достигал совершеннолетия и являлся для несения действительной службы, то начинал ее уже в обер-офицерских чинах и к двадцати с небольшим годам нередко становился полковником.

Провинциальный армейский офицер Роман Державин, конечно, не мог обеспечить своим детям такую льготу и даже не мечтал о ней. Братья Державины выполнили все, что требовал от них царский указ. «Вольность дворянскую», освобождавшую привилегированное сословие от обязательной службы, установил только Петр III в 1761 году.

Гаврила и Андрей Державины были «явлены» на первый смотр в 1750 году дважды — в Ставрополе на Волге и через месяц в Оренбурге, куда вслед за отцом переехала семья. Смотр проводил оренбургский губернатор И. И. Неплюев, один из сподвижников Петра I, деятельный и видный в ту пору начальник огромного и только что обживавшегося края. По окончании смотра Державиным выдали «пашпорт», в котором говорилось, что «Гавриил по седьмому, а Андрей по шестому году уже начали обучаться своим коштом словесной грамоте и писать, да и впредь де их, ежели время и случай допустит, желает оный отец их по своим же книгам обучать арифметике и прочим указным наукам до указных лет».

Обещать губернатору учить детей было Роману Державину нетрудно, но, когда вернулись домой, пришлось крепко подумать о том, как же это сделать.

Большого выбора Оренбург тут предоставить не мог. Это был молодой город на восточной окраине тогдашней России, и учебных заведений в нем не существовало, за исключением одной частной школы некоего Иосифа Розе. Этот немец заехал в Оренбург не по своей воле: за уголовное преступление, совершенное им в столице, суд приговорил Розе к каторжным работам в Сибири. Но как раз в то время губернатор Неплюев, заботясь о расширении своего города, о развитии в нем торговли и ремесел, добился указа о том, чтобы преступники из купцов и мастеровых

вместо Сибири ссылались в Оренбург. В числе первых поселенцев такого рода попал сюда и Розе. Человек сметливый, он быстро сообразил выгоды своего, казалось бы, весьма печального положения и зажил совсем недурно.

У оренбургских военных и чиновников подрастали дети, которые, как и братья Державины, нуждались в изучении «указных наук». Немецкий язык был родным для Розе, иностранные учителя пользовались почетом у русских дворян, о чем хитрый немец был превосходно осведомлен, и, с разрешения губернатора, Розе открыл в Оренбурге школу для мальчиков и девочек.

Адам Адамыч Вральман, бывший кучер Стародума и главный воспитатель Митрофана Простакова, выведенный Фонвизиным в «Недоросле», должен показаться ученым педагогом по сравнению с каторжником Иосифом Розе. Но, к сожалению, обе эти фигуры типичны для большой группы иностранных учителей, подвизавшихся в России XVIII века. Дворянские семьи, зараженные низкопоклонством перед Западом, без разбору нанимали иноземцев для воспитания детей.

Никто не проверял знаний этих учителей, их педагогической подготовки, нравственных качеств — важно было иметь в доме учителя-иностранца. И великое множество проходимцев обитало в помещичьих домах на таком положении. Нет, стало быть, ничего удивительного в том, что на далекой окраине немец Розе стал признанным «педагогом» и обучал детей всех местных начальников.

Розе был круглым невеждой. Он не знал ни одного грамматического правила и заставлял учеников списывать немецкие прописи и вытверживать их наизусть. Но это еще полбеды. Вдобавок Розе оказался злым и жестоким человеком: он бил и всячески мучил детей, порученных его попечению. И нужно вполне оценить выдержку маленького Державина, которой ему так стало не хватать впоследствии, и тягу его к знаниям, чтобы не удивиться успехам злополучного воспитанника Розе: в этой палочной школе

Державин научился читать, писать и говорить по-немецки, и знание языка ему потом очень пригодилось.

Большие способности проявил Державин к рисованию. Он рисовал в свободное от уроков время чем придется и на чем угодно и страстно желал учиться рисованию. Розе тут, конечно, был совершенно бесполезен, и в целом Оренбурге не нашлось ни учителей, ни пособий. Мальчик срисовывал пером изображения богатырей, картинки лубочной деревянной печати, попадавшие ему в руки, и делал это так часто и столь усердно, что скоро стены его каморки были сплошь оклеены рисунками, расцвеченными чернилами и жженой охрой: других красок в распоряжении художника не имелось.

Три зимы ходил Гаврила Державин в оренбургскую школу Розе и прекратил свое ученье у немца по причине переезда семьи на родину, в Казань. Роман Николаевич, испортивший на службе свое здоровье, стал хлопотать об отставке и с этой целью в конце 1753 года выехал в Москву. Он взял с собой старшего сына, намереваясь определить его в Сухопутный шляхетный кадетский корпус или в артиллерию. Отставку Державин получил «за имеющимися у него болезньми», а в Петербург, где находился корпус, поехать не удалось — не хватило денег на дорогу. Пришлось возвращаться в Казань, куда уже перебралась Фекла Андреевна с младшим сыном.

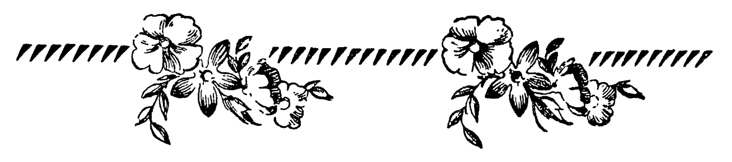
Отец предполагал, скопив денег, выехать с Гаврилой в Петербург на будущий год, но его намерениям не суждено было исполниться: в ноябре 1754 года он умер. Вдова с двумя детьми осталась почти без средств к существованию. Наследственные и пожалованные отцу клочки земли, разбросанные в разных губерниях, не приносили никаких доходов. К тому же, вечно занятый службой, Роман Державин не обращал на хозяйственные дела необходимого внимания, земли его захватывали соседи, а судиться с ними не было ни сил, ни средств — взятки всегда утверждали права богатых обидчиков.

Фекла Андреевна попыталась обратиться к право-

судию. В сопровождении детей, которых некому было поручить, она ходила по передним чиновников и судей, простаивала там долгие часы, но не могла добиться даже того, чтобы ее выслушали. Десятилетний Державин был бессильным свидетелем унижений своей матери, и сердце его горело возмущением. Он никогда не забывал черствости и корыстолюбия людей, назначенных творить справедливый суд, с которыми столкнулся в детстве, и сам во всех случаях вступался за притесняемых вдов и сирот.

Между тем время шло, приближался срок второго смотра, следовало подумать о подготовке к нему. С немецким языком Державин справлялся, но сведений о других предметах из школы Розе не вынес никаких. Чтобы обучить детей арифметике и геометрии, этим важнейшим «указным наукам», мать пригласила учителей, но и они оказались людьми несведущими. У своих новых казанских наставников Державин научился перечерчивать геометрические фигуры без доказательства теорем, а в арифметике были пройдены только первые четыре действия.

В 1757 году, когда Державину исполнилось тринадцать лет, мать отправилась с ним в Москву, в герольдмейстерскую контору, желая представить там, как полагается, сына и потом отвезти его в Петербург, в корпус, что собирался сделать покойный отец. Но дело повернулось совсем по-другому: чиновники московской конторы, поглядев на бедно одетую казанскую вдову, сказали, что она вовсе не дворянка, и сына записывать на смотр не стали. Чтобы доказать свою принадлежность к дворянскому сословию, Фекле Андреевне пришлось немало похлопотать. Дело не обошлось без взяток, поглотивших все захваченные на дальнюю дорогу деньги. О Петербурге и корпусе не приходилось и думать, нужно было спешно возвращаться в Казань, чтобы целый год копить средства на новую поездку.

Глава 2

В КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Неизвестно, удалось бы Державину получить образование в Петербурге и в будущем году, но уезжать не потребовалось: в Казани открылась гимназия.

В начале второй половины XVIII века учебных заведений в России было очень немного. Кроме духовных школ, позднее семинарий, с петровских времен существовали военные училища — морское и артиллерийское, готовившие офицеров для армии и флота. В 1731 году был открыт в Петербурге Сухопутный шляхетный кадетский корпус — привилегированное учебное заведение, из которого выходили офицеры и гражданские администраторы. При Академии наук, основанной в 1726 году, учредили гимназию, и было объявлено об открытии университета, впрочем занятия в нем наладить не удалось.

В 1755 году благодаря трудам и мысли Ломоносова в Москве открылся первый русский университет. Вслед за ним предполагалось учредить в крупных провинциальных городах гимназии для юношества. В этих учебных заведениях молодые люди должны были получать первоначальное образование и подготавливаться для поступления в Московский университет и Петербургскую Академию наук, в то время являвшуюся не только научно-исследовательским, но и учебным центром.

Первой была открыта гимназия в Казани — наибо-

лее крупном и значительном городе на юге и юго-востоке России. Новое учебное заведение состояло в ведении Московского университета. Оттуда же прибыл и директор гимназии — Михаил Иванович Веревкин, человек бойкий и расторопный. Он окончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус и получил назначение мичманом во флот. В корпусе любили литературу, там учились Сумароков, Херасков и другие писатели. Веревкин тоже стал писать. В 1756 году куратор университета И. И. Шувалов перевел его в Москву и сделал чиновником университета, поручив в заведование пожарную команду, — университет в ту пору сам заботился о своей пожарной безопасности.

Веревкин отлично знал иностранные языки и был автором многих литературных произведений. Комедия его «Так и должно» (1773) затрагивает тему, связанную с крестьянской войной. Веревкину принадлежит первая научная биография Ломоносова, приложенная к собранию его сочинений (1784).

Были у Веревкина и другие дарования, делавшие его чрезвычайно приятным в обществе человеком, что ценилось немало и во многом облегчало служебную карьеру. По свидетельству современников, Веревкин необычайно увлекательно рассказывал разные истории, заставляя слушателей смеяться или плакать. И был у него еще один талант — умение показывать карточные фокусы, восхищавшие зрителей. Мудрено ли, что Веревкин, обладая такими разнообразными дарованиями, мог рассчитывать на высокий пост и оказаться главным командиром казанской гимназии?

Приезд директора ускорил открытие гимназии. Был арендован дом, превращенный в учебное помещение, приглашены учителя, завербовано несколько учеников — поначалу родители не торопились с посылкой детей в новую школу.

Семью Державиных гимназия в Казани устраивала наилучшим образом. Обоих — Гаврилу и Андрея — записали в ученики вместе с двенадцатью другими мальчиками, преимущественно детьми офицеров. Но в течение ближайших месяцев число учащихся непре-

рывно возрастало и к августу 1759 года дошло до ста двадцати человек.

Казанская гимназия состояла из двух отделений — для дворян и для разночинцев, сословия в ней не смешивались. Ученики сидели отдельно, но учились по одной и той же программе. Державины попали в дворянское отделение, однако состояние и бытовой уклад семьи ничем не выделяли их из среды разночинцев.

Торжественное открытие гимназии произошло 21 января 1759 года. Начались занятия. В программе значилось много предметов: арифметика, геометрия, фортификация, история, география, закон божий, латинский, немецкий и французский языки, музыка, танцы и фехтование. Как ни странно, русский язык сначала не был включен в учебный план, вероятно потому, что не нашли учителя. Со второго года русский язык стал преподавать учитель латинского языка студент Морев. Один раз в неделю он занимался с учениками правописанием, то есть вел диктовку. Пособиями для учащихся по русскому языку служили книги Ломоносова «Грамматика» и «Риторика». Державин хорошо их знал и очень ценил.

Лучше других предметов было поставлено в гимназии изучение немецкого языка. С преподавателем его Гельтергофом Державину приходилось встречаться и в дальнейшем. Державин переводил с немецкого и писал на этом языке, правда не без ошибок.

Гимназия не давала и не могла дать никаких солидных знаний. Учащиеся получали небольшую общеобразовательную подготовку, необходимую для усвоения университетского курса, также весьма поверхностного. Главное внимание было обращено на иностранные языки и «изящные науки» — танцы, музыку, фехтование и рисование. От выпускников гимназии требовалось, чтобы они могли, не стыдясь, показаться в гостиной, принять участие в развлечениях музыкой и танцами.

Учителей не хватало, подготовка их была недостаточной. Они ссорились между собой, интриговали друг против друга и все вместе — против директора, на которого посылали доносы в Москву. Университет

постоянно задерживал жалованье учителям, что вызывало их недовольство. Веревкин требовал денег, учебных пособий, университетское начальство ссылалось на отсутствие средств и делало замечания ретивому директору.

Веревкин был человеком увлекающимся и изобретательным. Натуру он имел широкую. 26 апреля 1760 года он удивил Казань, пышно отпраздновав годовщину открытия Московского университета — шефа гимназии. После молебна при большом стечении публики в гимназической аудитории ученики и преподаватели читали речи на русском, латинском, французском и немецком языках. Потом был обед на сто с лишним гостей, за ним спектакль — гимназисты разыграли пьесу Мольера «Школа мужей». Праздник продолжался и на следующий день. В загородном губернаторском доме Веревкин собрал до трехсот приглашенных, накормил их ужином и показал фейерверк. Для казанских жителей было поставлено угощение на семнадцать тысяч человек. В толпу гости раскидали мелкой медной монетой — полушками — сорок рублей, ассигнованных Веревкиным. Праздник по тогдашним ценам обошелся не дешево — он стоил 630 рублей.

Державин учился хорошо. По окончании первого полугодия на публичном акте он выступил с краткой речью о пользе наук. Учащихся в России тогда было немного, и отчеты об их успехах публиковались в университетской газете «Московские ведомости». Веревкин послал в «Ведомости» список лучших учеников — и в номере за 10 августа 1759 года Державин среди других имен увидел и свое имя.

Как вспоминает Державин, он оказывал «более способности к наукам, до воображения касающимся», и особенно к рисованию.

Чертежи и рисунки Державина обратили внимание директора и дали ему повод блеснуть способностями учеников и общей постановкой дела в казанской гимназии перед куратором университета, крупным вельможей И. И. Шуваловым. Веревкин приказал ученикам скопировать карты Казанской губернии, ук-

расив их ландшафтами и различными фигурами, начертить геометрические тела и захватил все это с собою при поездке в столицу зимой 1759/60 года. Шувалов с большим одобрением отнесся к этим работам, исполнители же получили поощрение — их записали солдатами в гвардейские полки, соответственно с желанием каждого. Державина зачислили кондуктором инженерного корпуса. Не остался без награды и Веревкин. Он получил назначение товарищем казанского губернатора, сохранив пост директора гимназии.

Ученики поспешили надеть форму гвардейских полков, к которым они были причислены, а Державину сшили мундир инженерного корпуса. С тех пор при торжествах различного рода, часто устраивавшихся Веревкиным в гимназии, Державин исполнял обязанности артиллериста и участвовал в подготовке фейерверков. Стрельба холостыми зарядами в то время составляла непременную часть каждого торжества.

Расходов по гимназии было много, деньги из Москвы нередко задерживались, и потому Веревкин иногда прибегал к мобилизации средств домашними способами сомнительного свойства. По своей новой должности товарища казанского губернатора Веревкин, например, собрал изрядную дань с жителей города Чебоксары. Вот как было дело.

Взяв с собой Державина и несколько старших учеников, Веревкин явился в Чебоксары, чтобы снять план города. Вряд ли он серьезно отнесся к действительной цели поездки — геодезических приборов его экспедиция не имела, а незнание геометрии не позволило никому из членов, в том числе и самому «инженеру» Державину, решать на местности простейшие задачи. Да и не в этом было главное.

По сенатскому указу улицы в городах должны были иметь ширину восемь сажен. Мера эта не соблюдалась, обыватели строились, как хотели, и отдельные дома выступали из общего ранжира. Этим и надумал воспользоваться Веревкин.

Он распорядился соорудить из бревен, скрепив их железными связями и цепями, огромные рамы уставной ширины — восемь сажен. Для перетаскивания этих

рам по улицам нужна была рабочая сила — мальчики-гимназисты не могли поднять такого «прибора» с земли. Веревкин приказал останавливать идущие по Волге суда и сгонять бурлаков в его распоряжение. Эта мера сразу взволновала купечество. Затем бурлаки, предводительствуемые товарищем губернатора и его помощниками, понесли рамы по улицам Чебоксар. Когда рама упиралась в какой-либо дом, шествие останавливалось. В журнал заносились подробные сведения о доме и его хозяевах, а на воротах появлялась надпись мелом «ломать», после чего движение возобновлялось. Так оказались обреченными на слом каменные дома и заводы чебоксарских купцов. Разумеется, хозяева старались задобрить грозного начальника — и всегда успешно. Взятки Веревкину несли и судовладельцы, чьих бурлаков он забирал для переноски рам по городу.

Но этого показалось мало, и Веревкин отдельно занялся кожевенными заводчиками. Вода с кожевенных заводов стекала в Волгу, загрязняя реку. «Отцов города» это обстоятельство отнюдь не смущало, но приезжий администратор увидел тут источник наживы. При большом стечении народа в присутствии чебоксарских чиновников Веревкин взял несколько проб воды и грунта со дна Волги в районе города и выше его, где заводов не было. Через три дня запечатанную посуду при свидетелях вскрыли и без особенных аппаратов, а просто понюхав, убедились в том, что отходы кожевенных предприятий портят воду. Веревкин добился от воеводской канцелярии распоряжения приостановить работу впредь до сенатского указа. Хозяевам грозили крупные убытки. Делать нечего — приходилось поклониться начальству. Веревкин смилостивился, взял деньги — и в Чебоксарах все осталось по-прежнему.

В то время как Веревкин вел свои переговоры с купцами, Державин чертил огромный план города Чебоксары. Масштаб выбрали настолько мелкий, что чертеж нельзя было развернуть в комнате. Державин работал на обширном чердаке купеческого дома. Когда Веревкин успешно окончил свои финансовые опе-

рации в Чебоксарах, в продолжении этой работы нужды не оказалось. Он приказал Державину свернуть неоконченный план «и уклав его под гнетом на телегу, отвезти в Казань».

Вторая летняя экспедиция, проведенная в следующем, 1761 году, носила иной характер, и участие в ней делает честь Державину. И. И. Шувалов поручил Веревкину произвести описание развалин древнего города Болгары, находившегося в 120 верстах от Казани, между Камой и Волгой, и собрать археологические редкости — монеты, посуду и прочее.

Феодальное государство Волжско-Камская Болгария существовало с X до половины XV века на территории нынешней Татарской АССР, северных районов Куйбышевской области и восточных — Чувашской АССР. Главный город Болгары, славившийся как крупный культурный центр, имел много каменных построек; еще в конце XVIII века в Болгарах насчитывалось 44 сохранившихся в довольно хорошем виде здания. Там можно было сделать много интересных находок.

Веревкин поспешил привлечь к этой работе Державина с товарищами и вместе с ними отправился в Болгары. Через несколько дней он возвратился в Казань, оставив на раскопках Державина за старшего и подчинив ему остальных учеников.

Работа увлекла Державина. Он трудился не покладая рук до глубокой осени и успел сделать много. Были найдены глиняные урны с углями, украшения, кольца, монеты, различные предметы быта. Державин зарисовал развалины дворца, каланчи и бани, скопировал надписи на гробницах, составил план древнего города и описание к нему. С богатой добычей вернулся он в Казань. Веревкин приказал готовить материалы для отправки в Москву, переписать и перерисовать все начисто. Но работа вскоре прекратилась.

В начале 1762 года умерла царица Елизавета Петровна. Веревкин спешно выехал в столицу и больше не вернулся в гимназию.

Он был обвинен в злоупотреблениях, — и, как видно, небезосновательно, — в растрате казенных денег

и уволен из гимназии «за непорядочные поступки», хотя остался в должности товарища казанского губернатора. Веревкина сменил присланный из Московского университета магистр Д. В. Савич, при назначении получивший звание экстраординарного профессора, человек ученый и дельный.

Гимназические новшества мало коснулись Державина. Крайне медленно двигавшаяся бюрократическая машина, наконец, сработала, и Державин в феврале 1762 года получил из канцелярии Преображенского полка паспорт, датированный 1760 годом, в котором он числился отпущенным для окончания наук до 1762 года, после чего обязывался явиться в полк. Выходило, что Державин просрочил свой отпуск и должен нести ответственность за неявку на службу. По всей вероятности, И. И. Шувалов забыл о данном Веревкину обещании зачислить Державина в инженерный корпус и поверстал всех гимназистов в гвардейские полки, о чем канцелярия уведомила юношей с двухлетним опозданием. Державин не хотел служить в гвардии, прежде всего по недостатку средств: служба в столице обременительна для молодого человека в материальном отношении, Державин же был попросту беден. Он привык думать о себе как об инженерном офицере, развивал соответствующие склонности, но теперь делать было нечего.

Вступивший на престол Петр III потребовал возвращения в полки всех отпускных дворян: готовился поход в Данию, еще продолжалась Семилетняя война.

В начале февраля Державин оформил свое отчисление из казанской гимназии, курс которой ему окончить так и не удалось.

Впоследствии, оценивая годы своего учения, Державин писал:

«Недостаток мой исповедую в том, что я был воспитан в то время и в тех пределах империи, когда и куда не проникало еще в полной мере просвещение наук не только на умы народа, но и на то состояние, к которому принадлежу. Нас научали тогда: вере — без катехизиса, языкам — без грамматики, числам и измерению — без доказательств, музыке — без нот и то-

му подобное. Книг, кроме духовных, почти не читали, откуда бы можно было почерпнуть глубокие обширные сведения».

Но светские книги в гимназии все же были, и Державин знал их. Он познакомился с собранием сочинений Ломоносова в двух томах, вышедшим третьим изданием в 1757—1759 годах, полюбил его поэзию и стал пробовать свои силы в стихотворстве, подражая прочитанному. Эти первые опыты не сохранились, о них мы знаем только со слов поэта. Читал он и Сумарокова. Трагедии его «Синав и Трувор», «Хорев», «Гамлет», «Артистона» были уже напечатаны отдельными изданиями, и экземпляры их дошли до казанской гимназии. Кроме того, Сумароков издал «Две эпистолы» — свои послания о русском языке и стихотворстве (1748). В 1744 году вышла в свет книжка «Три оды перифрастические псалма 143», своеобразный памятник поэтического соревнования. Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский, наиболее крупные поэты эпохи, поспорили о мастерстве, и каждый решил доказать свое первенство, для чего избрали одинаковый материал, — одно из религиозных песнопений, сто сорок третий псалом. Каждый написал по-своему, результаты были преданы гласности — на суд читателей. Не исключено, что книжку эту Державин мог видеть в Казани.

Наконец со стихами Сумарокова Державин, пусть не зная имени автора, встречался в рукописных сборниках песен-кантов, широко распространенных в XVIII веке, бытовавших тогда и в Казани. Песни Сумарокова, непритязательно, искренне и точно говорившие о любовных чувствах, пользовались огромной популярностью.

Из книг, читанных в казанской гимназии, Державин называет «Телемака», «Аргениду» и «Приключения маркиза Г.» (или Глаголя, как называлась буква «Г» славянской азбуки). Этот шеститомный роман писателя Прево в ту пору был еще не полностью переведен в России с французского языка, но и в незаконченном виде доставлял читателю много увлекательных минут.

Произведение французского писателя Фенелона

«Телемак» (1699) являлось политическим романом. В переводе на русский язык оно было издано в Петербурге в 1747 году. Телемак, сын Одиссея, героя одноименной древнегреческой поэмы, под руководством своего наставника Ментора отправляется на поиски отца, претерпевая множество приключений. Он знакомится с различными формами государственности и системами правления, извлекая поучительные уроки. Общий вывод автора — законы страны превыше всего, короли подвластны им наравне с подданными, и чем лучше законы, тем лучше и правители. Роман, содержавший также резкие выпады против «злых царей», был воспринят во Франции как антиправительственная сатира и подвергался преследованиям. Мысли «Телемака» глубоко запали в душу юноши, видевшего кругом самоуправство и произвол.

Третья книга, которую называет Державин, — «Аргенида», роман шотландского писателя Д. Барклая, переведенный на русский язык Тредиаковским (1751). Этот роман также носил политический характер, автор его защищал монархию, но в то же время давал советы царям, как наиболее разумно и необременительно для народа управлять страной. «Аргенида» пользовалась широкой известностью, многократно издавалась на всех европейских языках и, читая ее, Державин включался в круг политических вопросов, занимавших его современников.

Кроме того, Державин знакомился с петербургскими и московскими журналами, приходившими в гимназию. В годы его ученья их было немного, всего четыре: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764), «Трудолюбивая пчела» (1759), «Праздное время, в пользу употребленное» (1759—1760) и «Полезное увеселение» (1760—1762).

«Ежемесячные сочинения» были ученым журналом Академии наук, и литературные материалы там помещались редко. Все же иногда на страницах журнала печатались стихотворения Тредиаковского, Хераскова, Елагина, Сумарокова. Ломоносов в этом издании не участвовал, и редакция журнала к нему относилась недоброжелательно.

Большим событием в истории русской периодической печати было возникновение частных изданий. В течение более чем полувека правительство держало монополию на печатное слово, и только в конце 1750-х годов в России появляются в качестве издателей частные лица. Первым из них был А. П. Сумароков, в течение 1759 года выпускавший ежемесячно небольшой журнал под названием «Трудолюбивая пчела». В нем он печатал главным образом свои стихи и статьи на различные темы, высмеивая недостатки дворянства, нападая на чиновников, которых он презрительно называл «подьячими», выступая против взяточников, недобросовестных судей и жестоких помещиков. Сумароков считал, что только личные достоинства дворянина могут дать право на высокие должности; его родовитое происхождение, заслуги предков и богатство не должны тут играть никакой роли. «Честь наша не в титлах состоит, — писал в «Трудолюбивой пчеле» Сумароков. — Тот сиятельней, кто сердцем и разумом сияет, тот превосходительней, который других людей достоинством превосходит, и тот болярин, который болеет об отечестве».

Эта мысль, прочитанная в журнале, полюбилась Державину, потому что отвечала его собственным взглядам. Он повторил формулу Сумарокова в одном из ранних своих произведений — в «Оде на знатность» (1774) — и перенес затем в оду «Вельможа» (1794):

Дворянства взводит на степень
Заслуга, честь и добродетель...
Я князь, коль мой сияет дух;
Владелец, коль страстьми владею;
Болярин, коль за всех болею
И всем удобен для услуг.

Журнал «Праздное время, в пользу употребленное» издавался преподавателями и выпускниками Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, того самого, куда Роман Державин мечтал отдать своего старшего сына. Из стен корпуса вышло немало молодых офицеров, искренне любивших поэзию и тративших свой досуг на литературные труды, но крупными дарованиями и оригинальными статьями корпусный журнал

не отличался. В нем большей частью публиковались переводы с иностранных языков. Известную смелость и злободневность журналу придавали только выступления Сумарокова, который печатался там после закрытия «Трудолюбивой пчелы».

Московский университет в 1760 году стал выпускать свой литературный журнал «Полезное увеселение», во главе которого встал М. М. Херасков, служивший в университете. В это время он был уже признанным писателем, автором многих стихов и драматических произведений. Несмотря на обещающее название журнала, веселого в нем было немного: у авторов преобладали религиозные настроения, они развивали мысли о бренности земной жизни, о необходимости нравственного усовершенствования, стихи и статьи на эти темы повторялись из номера в номер. Сатирой журнал пренебрегал, ибо его участники считали, что обличение нимало не помогает борьбе с пороками и гораздо полезнее прославлять добродетель и показывать поучительные примеры.

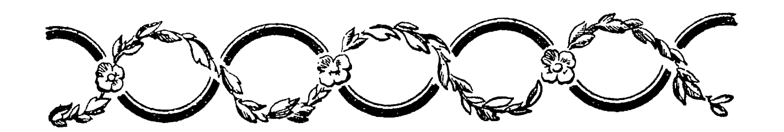
Вот, пожалуй, и все, что знал о современной русской литературе ученик казанской гимназии Державин. Творчество Ломоносова и Сумарокова составило для него предмет подражания. Неуклюжие стихи Тредиаковского эстетического удовольствия вызвать у Державина не могли. Обильная же продукция поэтов «Полезного увеселения» и главы университетского кружка Хераскова, вероятно, внимательно читалась Державиным, однако в собственных стихах он пошел по другому пути.

Но мысли о тщете земного счастья, о смерти, одинаково ожидающей царя и нищего, столь сильно звучавшие на страницах «Полезного увеселения», не оставили равнодушными Державина. С запасом этих литературных впечатлений Державин наблюдал эпизоды крестьянского восстания под руководством Пугачева, откликался на кончину Бибикова. Мысль о смерти постоянно присутствует в стихах Державина, и это сближает его с поэтами школы Хераскова, однако в отличие от них громадное жизнелюбие, деятельный интерес к событиям в окружающем мире всегда сопут-

ствовали Державину. Именно потому и была столь мощной и яркой его поэзия.

По-иному и начинал Державин свою творческую деятельность, идя к ней не от школы, не от салонных кружков, а от песни, от солдатской присказки, от жизненного опыта.

...Сознавая недостатки своего образования, с огромной жаждой знаний, с пробудившимся интересом к поэзии, живописи, музыке Державин выехал в Петербург, снабженный из гимназии аттестатом и «пашпортом» на дорогу. Многого он ждал от перемены своей судьбы.

Глава 3

СОЛДАТ ГВАРДИИ

Восемнадцатилетний Державин приехал в Петербург в марте 1762 года. После захолустных городков, в которых протекало его детство, после восточной пестроты Казани столица поразила юношу особой стройностью городского пейзажа.

Отыскав Преображенский полк, Державин смело спросил дежурного офицера и явился к нему.

— Покажи паспорт, — сказал офицер.

Державин вынул бумагу, присланную ему в Казань из канцелярии Преображенского полка. Там значилось, что он отпущен для учения в гимназии до конца 1761 года, после чего должен явиться в полк.

— О, брат! Просрочил! — воскликнул дежурный, едва взглянув на паспорт. — Вестовой! Веди его на полковой двор, там с ним разберутся.

В полковой канцелярии бывшему гимназисту учинили формальный допрос — кто он таков, откуда, почему скрывался и не явился на службу в срок, как приказано. Державин обиделся несправедливостью подозрений, но, сдерживая горячность характера, отвечал спокойно, без дерзости:

— Не опаздывал я, и почему к Преображенскому полку причислен — не знаю. Средств таких не имею, чтобы в гвардии службу нести. А через директора казанской гимназии господина Веревкина объявлял о своем желании вступить в артиллерийский или ин-

женерный корпус и о принятии в инженерные кондукторы был от него уведомлен. В чем теперь моя вина? Как получил я преображенский паспорт — не умедлил выездом и к вам явился.

Уверенный тон Державина подействовал. Писарь поднял дела. Оказалось, что имя Державина стоит в списке казанских гимназистов, награжденных от Шувалова причислением к Преображенскому полку за прилежность и способность к наукам. Сбоку было помечено: «Отпущен до окончания оных на два года», но Державин об этом сроке извещен не был. Паспорт пролежал в канцелярии до общей команды — вызвать всех отпускных дворян в полки.

Вины за Державиным не нашлось, в просрочке оказалась виноватой полковая канцелярия, и был он зачислен в Преображенский полк рядовым третьей роты. Так как ни квартиры, ни знакомых в Петербурге Державин не имел, то поставили его в казарму вместе с солдатами из крепостных крестьян — сдаточными. Стал он жить в комнате с тремя женатыми и двумя холостыми преображенцами, и унтер-офицер принялся обучать его, запоздавшего, ружейным приемам. Император любил проводить учения гвардии и жадно ловил каждую ошибку.

Молодой гвардейский солдат начал свою службу в сложной для России обстановке.

Императрицу Елизавету Петровну на русском престоле сменил Петр III. Сын брауншвейгского герцога и дочери Петра I Анны Петровны, мальчиком привезенный в Россию, он воспитывался при русском дворе.

Вопрос о престолонаследии очень заботил Елизавету Петровну. Она стремилась избавить русский престол от случайных владетелей. Существовал свергнутый император Иван Антонович, томившийся в ссылке — сначала в Холмогорах и Раненбурге, потом в Шлиссельбургской крепости.

Поэтому бездетной Елизавете и ее приближенным казалось чрезвычайно важным подготовить преемника императрицы на российском престоле.

Но выбор наследника был сделан крайне неудачно. Будущий русский царь Петр III, воспитанный как

прусский солдат, не получил никакого образования, а главное, не любил России и до конца своих дней чувствовал себя иностранцем, презиравшим страну, которой ему было предназначено управлять.

В 1745 году Петра III женили на немецкой принцессе из маленького Ангальт-Цербстского княжества, юной Софии-Фредерике. Четырнадцатилетней девочкой она приехала в Россию, быстро поняла, чего от нее ожидают, как ей нужно себя держать в новых условиях, и сумела угодить императрице. Она принялась изучать русский язык, но всегда говорила на нем с ошибками, а писала плохо, хотя чрезвычайно охотно и много; приняла православную веру и делала вид, что ей нравятся беседы с русскими попами.

Хитрая, властная и сообразительная, Екатерина Алексеевна, как переименовали немецкую принцессу после крещения ее в православную веру, видела ничтожество своего жениха, а потом мужа, наследника русского престола, и старательно обзаводилась приверженцами. Разобравшись в дворцовой обстановке, Екатерина достаточно осторожно, но в то же время уверенно пустилась в придворные интриги и вскоре поняла, что ее значение при дворе усиливается. Занятая своими взаимоотношениями с императрицей, с любовниками — Сергеем Салтыковым, Понятовским, Григорием Орловым, — Екатерина в то же время не упускала возможностей расширять свое образование, много читала и старалась вникнуть в дела международной и внутренней политики, которую проводили сановники Елизаветы Петровны.

Дворянская империя испытывала немалые трудности. В стране было неспокойно. Помещики получили неограниченную власть над крепостными крестьянами: указ 1760 года разрешил им своею волей ссылать крестьян на поселение «за продерзостные поступки». Шли волнения среди монастырских крестьян в Средней России. Крепостные сотнями бежали за рубежи, в Белоруссию и Польшу, искали там спасения от произвола господ — и попадали в новую кабалу. Волновались «работные люди» на заводах и мануфактурах. Наемные и крепостные рабочие жестоко страдали

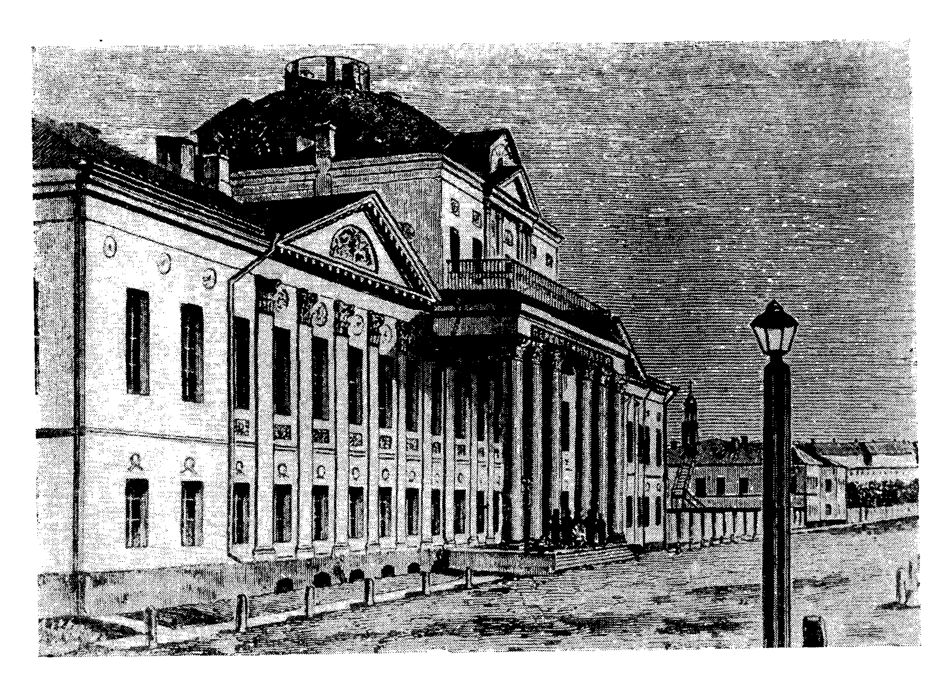
от эксплуатации, от нечеловеческих условий труда и выражали свой протест открытым возмущением.

В 1756 году Россия оказалась втянутой в Семилетнюю войну, выступив вместе с Францией и Австрией против Пруссии и Англии. Русские войска одержали блестящие победы над армией прусского короля Фридриха II при Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе, заняли Берлин, но кровопролитные сражения не привели ни к каким результатам. Командование армии не стремилось к разгрому Пруссии, имея в виду ожидавшуюся перемену правления, — взамен близкой к смерти Елизаветы на престол вступал ярый поклонник прусского короля Петр III, и ссориться с ним генералам не хотелось.

Елизавета Петровна не доверяла своему наследнику и подозревала в интригах его жену, для чего были все основания. Когда в 1754 году у Екатерины родился сын Павел Петрович — он был отобран у матери и взят на воспитание царицей, обрадованной тем, что его рождение упрощает вопрос о престолонаследии в России. Своего мужа Екатерина презирала, Петр Федорович платил ей открытой ненавистью, оба они боялись гнева царицы и с нетерпением ждали, когда болезни сведут ее в могилу.

Обо всем этом Державин не знал в Казани, не успел подробно разузнать сначала и в Петербурге, ибо строевая служба поглотила все его время и внимание.

Сыновья знатных и состоятельных дворян, с колыбели записанные в гвардейские полки, начинали свою службу в офицерских чинах. Державин вступил в гвардию рядовым солдатом и нес все тягости военной муштры наравне со своими товарищами по оружию — крепостными рекрутами. Они служили в то время пожизненно. Крестьянин, в юности взятый в армию, если оставался живым после сражений, в которых ему доводилось участвовать, а пуще всего — после зверских наказаний, мог возвратиться домой только дряхлым стариком. Ежедневно общаясь с солдатами, живя среди них, участвуя в караулах, нарядах, полковых работах, разделяя досуг, Державин близко узнал русского воина, научился его любить и уважать. Тяжелый рат-

Гимназия в Казани.

Властителям и судиям

Восстал всевышний бог да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть сохранять законы
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять

Автограф стихотворения Г. Р. Державина «Властителям судиям».

ный труд простых русских людей, совершавших неслыханные подвиги под знаменами Румянцева, Суворова, Кутузова воспевал потом Державин во многих своих стихотворениях.

Но служить ему в Преображенском полку было тяжело. Император Петр III устраивал беспрерывные фронтовые учения и смотры. Солдаты забавляли его, как игрушки. Требовалась исключительная слаженность строя для парадных маршей. От солдат добивались четкости автоматов. Тех, кто допускал ошибки в равнении и поворотах, нещадно били. Солдат должен был знать множество команд и быстро выполнять их. Уменье зарядить ружье составляло особую науку. Гладкоствольное кремневое ружье суворовских времен заряжалось с дула. Солдат опускал пулю в ствол, забивал ее шомполом, потом сыпал порох на полку замка, кремнем высекал искру и только затем мог прицеливаться и стрелять. Для заряжания ружья подавалось пятнадцать команд, а выполнялось оно в двадцать три приема!

Державин привез в Петербург свои рисунки и описание экспедиции в Болгары. Улучив свободное время, он разыскал своего бывшего директора Веревкина, который свел его к И. И. Шувалову. Вельможа принял Державина благосклонно и направил в Академию художеств к известному художнику и граверу Чемезову. Державин показал ему свои работы и получил одобрение мастера. Но больше за недосугом Державин у Чемезова не бывал — отлучиться из полка не удавалось.

Бессмысленная и жестокая муштра на прусский манер, введенная Петром III в русской армии, ломала и калечила многих людей. Но Державин не согнулся, устоял, и в этом сказались сила его могучей самобытной натуры и твердость характера. По-прежнему он стремился к наукам, желал заниматься любимым искусством, но где и как он мог осуществить эти желания?

Свои первые стихи Державин складывал еще в казанской гимназии, но не показывал их никому. Впоследствии, вспоминая о начале литературного пути,

Державин писал, что он «правила поэзии почерпал из сочинений г. Тредиаковского, а в выражении и штиле старался подражать г. Ломоносову, но не имея такого таланту, как он, в том не успел».

В 1735 году русский поэт и ученый-филолог В. К. Тредиаковский опубликовал свою книгу «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». В ней устанавливались, пусть в неполном и далеко не совершенном виде, новые принципы русского стихосложения, основанные на использовании ударений в словах, на чередовании ударных и неударных слогов, выдвигались начала силлабо-тонической системы стихосложения. М. В. Ломоносов в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739) высказал свои взгляды на русское стихосложение, оспорив ряд утверждений Тредиаковского. Эта критика заставила Тредиаковского пересмотреть страницы своего трактата, признать ямб, трехсложные размеры, мужскую и дактилическую рифмы и совсем отказаться от силлабической системы стиха, с которой он вначале не решался расстаться.

С «Письмом о правилах российского стихотворства» Ломоносова Державин познакомился только тогда, когда уже сложился как поэт: впервые оно было опубликовано во второй книге «Покойного Михайлы Васильевича Ломоносова собрания разных сочинений в стихах и прозе», вышедшей в свет в 1778 году. «Правила поэзии» Державин действительно получил из книги Тредиаковского: в 1752 году Тредиаковский напечатал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» в томе собрания своих сочинений, и этот «способ» являлся учебной книгой, в которой излагались установленные Ломоносовым основы русского стихосложения. Тредиаковский целиком принял его реформу.

Таким образом, Державин учился стихосложению по вполне современной книге. Из нее он мог узнать, чем отличаются стихи от прозы, что такое стопа, мог усвоить размеры русского силлабо-тонического стихосложения — ямб, хорей, дактиль, анапест, получить понятие о рифме, а также о важнейших жанрах поэзии.

Но ни тогда, ни после Державин об этих жанрах, считавшихся законом для поэтов, не думал. И то, что мы знаем о его стихах, написанных в казармах Преображенского полка, лишний раз говорит о своеобразности пути, которым Державин вступил в литературу в отличие от его ровесников-поэтов.

Живя вдесятером в тесной квартире, Державин не мог заниматься в свободное от службы время — негде было разложить бумаги, шумели сожители. Только ночью, выждав, когда все улягутся спать, Державин зажигал огонь и при слабом свете ночника читал книги, русские и немецкие, какие удавалось достать, и набрасывал строки стихов.

Проведав, что новый преображенец — человек грамотный, солдатские жены одолели его просьбами писать письма деревенским родным, и Державин им не отказывал.

Писал он просто, на крестьянский вкус, хорошо ему известный, и письма его нравились заказчикам. Но чем вознаградить труды доброго грамотея и как освободить ему время? Женщины придумали, и скоро их мужья стали выполнять за Державина полковые наряды — ходить в караулы, работать на дворе, ездить за продовольствием, а он сидел с пером в руке, записывая бесконечные бабьи поклоны. Кончив писать письма, Державин брался за свои стихи.

Можно только догадываться о том, какой характер носили стихотворные опыты Державина. Известно, что в первые годы службы написал он стансы, или песенку похвальную Наташе, солдатской дочери, жившей по соседству в казармах. Как рассказывает современник, поэт И. И. Дмитриев, Державин в то время сочинял забористые прибаски — куплеты на счет каждого гвардейского полка, мигом получавшие известность в военной среде. Конечно же, этот вольный жанр не был предусмотрен правилами поэтики, но Державин и не считался с ними.

Крестьянские письма, стихи солдатской дочери, прибаски — вот с чего начинал Державин. То, что так поразило потом в «Фелице» — причудливое сочетание высокой патетики и прозаического быта, — было под-

готовлено всем предшествующим развитием Державина. Строевой солдат, сотоварищ крепостных рекрутов, деливший с ними все тяготы солдатской жизни, Державин всю жизнь был работником; он исполнял свои обязанности на всех должностях, поручавшихся ему, и на занятия поэзией смотрел тоже как на дело, которым нужно заниматься для того, чтобы достичь каких-то полезных результатов.

С 28 июня 1762 года наступило продолжавшееся тридцать четыре года царствование императрицы Екатерины II. Занимавший престол в течение полугода Петр III за этот срок сумел возбудить ненависть дворянства, искусно подогреваемую Екатериной. Он поспешил заключить союз с прусским королем Фридрихом II, заклятым врагом России. Во имя интересов Голштинии — маленького германского княжества — Петр III распорядился готовить войска к походу против Дании. Царь открыто глумился над национальными чувствами русских людей, над их религией и беспробудно пьянствовал. Дворцовый переворот, подготовленный гвардейскими офицерами, возвел на престол Екатерину II, в течение всех долгих лет своего правления охранявшую интересы русского дворянства.

Державин, как и все солдаты Преображенского полка, приняв присягу новой царице, маршировал в Петергоф, где находился двор во главе с императором. Его охрана, голштинские батальоны, не оказали сопротивления, Петр III был арестован, и Державин увидел окруженную гренадерами карету, в которой увозили отрекшегося от престола государя. Через несколько дней он был убит во время пьяной ссоры приверженцами новой царицы.

Екатерина поспешила с коронованием. Гвардия сопровождала ее в Москву.

По окончании официальных церемоний на масленице 1763 года в Москве был устроен грандиозный маскарад «Торжествующая Минерва». Так в греческой мифологии называлась богиня мудрости. Под этим именем прославляли Екатерину.

Подготовка к маскараду шла несколько месяцев, в ней было занято пять тысяч участников — актеров,

музыкантов, танцоров, скоморохов, фокусников, хористов; тексты песен писал Сумароков. Организацией маскарада ведал знаменитый русский актер и режиссер Ф. Г. Волков, и это было последней его театральной работой. Руководя в течение трех дней маскарадным шествием и разъезжая верхом вдоль процессии, ходившей по улицам Москвы, Волков простудился и вскоре умер.

В Москве Державин по-прежнему жил вместе с солдатами, нес все тяготы гарнизонной службы, не имея возможности и времени заниматься. Однажды он решился обратиться с письмом к И. И. Шувалову, в котором напоминал о своем участии в болгарской экспедиции и просил помощи. Письмо он отдал Шувалову на утреннем приеме. Вельможа прочел просьбу и назначил Державину прийти за ответом. Но когда Державин рассказал о своем намерении жившей в Москве тетке, ханжеской и глупой старухе, считавшей Шувалова главным начальником масонов, которые «заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют», еретиком и богохульником, она категорически запретила племяннику иметь какие-либо дела с Шуваловым под угрозой пожаловаться матери. Не желая доставлять ей огорчение, Державин послушался тетки и больше к Шувалову не ходил, расставшись с мечтой о приобщении к наукам.

Довелось Державину испытать в Москве и горечь уязвленного самолюбия. Отбывая полковой наряд, он разносил приказы по офицерским квартирам и однажды явился к прапорщику третьей роты князю Козловскому, который жил в Москве у своего приятеля поэта Василия Ивановича Майкова. Державин знал Козловского как офицера и ценил как поэта. Известное нам литературное наследие Козловского очень невелико, однако Н. И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) отзывается о нем с большой похвалой.

В комнате офицера сидел Майков и слушал новую трагедию Козловского, когда постучал Державин.

— Что у тебя, вестовой? — спросил Козловский,

торопясь вернуться к чтению. — Приказ? Положи на стол.

И он поднес к глазам лист рукописи. Вновь потекли плавные строки шестистопного ямба.

Державин, повернувший налево кругом, остановился у притолоки. Он, столько бессонных ночей просидевший над своими бумагами, впервые в жизни увидел двух настоящих поэтов, вместе читающих стихи. Как он тянулся к таким людям, сколько важного нужно было у них узнать, о стольком рассказать... Державин, завороженный, слушал стихи, забыв обо всем. Вдруг Козловский оторвался от рукописи и заметил солдата.

— Поди, братец служивый, с богом, — сказал он досадливо, — что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь.

Державин перешагнул порог офицерской квартиры. Солдат... И ни одна душа на свете еще не знает, что он тоже сочиняет стихи, что ему доступна радость творчества. Но дай срок — и узнают все!

Впрочем, первые ставшие известными за именем Державина стихи радости автору не принесли. Что ж, жаловаться нечего, виной была собственная проказливость, склонность к сатире.

В 1763 году Державин был произведен в капралы, съездил в отпуск к матери в Казань — и не без приключений: на охоте сильно ранил его кабан. По возвращении в Петербург поселился не со сдаточными солдатами, а со своей братией — дворянами. Для забавы сочинил шуточные стихи насчет одного сослуживца, жену которого любил полковой секретарь. Стихи Державин показал своим приятелям, братьям Неклюдовым, дал переписать, и стали они гулять по полку. Дошло до того, что один офицер на разводе вытащил из кармана по ошибке вместо письменного приказа стихи Державина и передал их принимавшему дежурство поручику. Тот стал читать вслух, вышел смешной анекдот. А из-за него Державин потом четыре года ходил в капралах. Полковой секретарь не забыл обиды и из всех списков на производство в чины аккуратно вычеркивал фамилию непрошеного стихотворца.

В феврале 1767 года Екатерина II собралась ехать в Москву для открытия Комиссии по составлению нового уложения. Императрица объявила, что желает навести порядок в русском законодательстве, и предписала собрать в Москве депутатов от сословий и городов. Были произведены выборы представителей дворянства, купечества, правительственных учреждений, городов, казачьих войск, однодворцев, всего числом пятьсот шестьдесят четыре. Крепостные крестьяне в Комиссию не допускались, но об их тяжелом положении на заседаниях Комиссии заявляли представители других сословий, и в целом деятельность этого собрания депутатов России оставила заметный след в истории русской общественной мысли.

Чтобы обеспечить быстрый проезд царицы с ее огромной свитой из Петербурга в Москву, команды гвардейских полков были расставлены по всем ямским станциям на дороге. Гвардейцы, дожидаясь проезда Екатерины, пьянствовали и играли в карты. Державин, попавший на станцию Валдай, поигрывал тоже, но не забывал и своих литературных занятий.

После проезда императрицы гвардейские команды направились к Москву. Державин отпросился в отпуск и провел с матерью часть лета и осень 1767 года. Возвращался он вместе с младшим братом Андреем, которого взял с собой, чтобы определить его на военную службу.

Доехав до Москвы, Державин надолго здесь задержался. Андрея он отправил в Петербург, где тот был зачислен в бомбардирскую роту Преображенского полка, но прослужил немного, стал хворать и умер в 1770 году.

Перед отъездом в Москву Державин получил от матери деньги на покупку деревеньки в Вятском крае, но так как совершение купчей крепости затянулось, он, чтобы убить время, стал играть в карты. Ему не повезло, он спустил все свои деньги и те, что получил от матери, занял у друзей — и опять все проиграл...

Ночи за карточным столом бежали быстро. Свой отпуск Державин просрочил более чем на полгода, и дело могло бы очень плохо для него обернуться. Но

полковым секретарем в ту пору стал приятель Державина П. В. Неклюдов, и он выручил увлекшегося игрока, распорядившись приписать его для прохождения дальнейшей службы в московскую команду Преображенского полка. Так отлучка Державина из Петербурга приобрела как бы законный вид.

Желая вытащить Державина из омута, куда он по своей неосторожности попал, Неклюдов вскоре еще раз помог ему. Чтобы возвратить Державина в Петербург, он устроил его прикомандирование в Комиссию по составлению нового уложения, с февраля 1768 года продолжавшую свои занятия в столице. Державин получил назначение секретарем в частную Комиссию о разных установлениях, касающихся до лиц, обсуждавшую проекты законов о браке, семье и опеке, но через полгода уволился из Комиссии, съездил в Казань и на обратном пути снова увлекся в Москве карточной игрой.

Только в апреле 1770 года Державин нашел в себе силы стряхнуть затянувшийся угар и уехать в Петербург. Но и в дороге он еще продолжал играть. В Твери он оставил все свои деньги, занял у случайного спутника пятьдесят рублей, и те спустил в новгородском трактире. Остался у него только серебряный рубль, подарок матери.

На станции Тосно стоял карантин — в Москве свирепствовала чума. Две недели приходилось ожидать въезда в Петербург. Державин, стремглав бежавший от своих увлечений, не мог вытерпеть столь долгий срок. Он пустился уговаривать начальника карантина, ссылаясь на то, что не везет с собой никаких вещей. Ему указали на сундук с бумагами. Ни минуты не колеблясь, Державин предал его огню. А там были рукописи — все, что написал за эти годы Державин: сочинения в прозе и стихах, опыты переводов с немецкого.

Освободившись от своего багажа, Державин поскакал в Петербург и, наконец, явился в полк.

Длительная отлучка была документально оформлена его покровителями, и Державин включился в спокойное течение полковой жизни. Он дружил с некото-

рыми офицерами, ценившими его не столько за служебное усердие, сколько за уменье рисовать и писать. Державин копировал пером гравюры и эстампы, и его работы почти не отличались от печатных оригиналов. Но более полезен в полку он стал своими литературными способностями. Державин писал прошения на имя императрицы «для всякого рода людей притесненных, обиженных и бедных». Его привлекали для обработки полковых бумаг и приказных дел, докладов высшему командованию, сочинял он и любовные письма для товарищей, например для своего приятеля П. В. Неклюдова, «когда он был влюблен в девицу Ивашеву, на которой после и женился», — вспоминает Державин.

К 1 января 1772 года пришло долгожданное производство в офицеры. Державин, десять лет ходивший рядовым, капралом и сержантом, получил свой первый офицерский чин — прапорщика.

Звание гвардейского офицера обязывало вести широкий образ жизни, на что требовались средства. Знатной и богатой дворянской молодежи шитье нового преображенского мундира не представлялось серьезным расходом, наличие кареты и лошадей было чем-то само собой разумеющимся. Державин экипировался с большим трудом. Он взял в полку ссуду в счет жалованья и продал свой сержантский мундир. Денег оказалось мало, пришлось занимать, и только после этого Державин мог сшить себе офицерский мундир и сапоги. На карету денег не хватило — Державин взял ее в долг у знакомых.

Однако новый чин, казавшийся столько лет недосягаемой целью, не изменил сколько-нибудь служебного положения Державина. Он хотел отличиться, стремился к действию, но должен был по-прежнему ходить в караулы и дежурить в полку. Случая проявить себя на службе не представлялось. В ожидании его Державин с увлечением занимался поэзией.

Сундучок с бумагами, преданный Державиным очистительному огню в чумном карантине перед въездом в Петербург, разумеется, жалостная потеря для поклонников таланта поэта, однако, хоть и немного, мы

знаем о его тайнах. Наиболее удавшиеся стихи Державин восстановил в памяти и впоследствии записал. В личном архиве поэта сохранились две тетради, куда были внесены его рукой в 1776 году несколько ранних стихотворений и девятнадцать песен.

Стихи молодого Державина писались под влиянием творчества Ломоносова и Сумарокова, поэтов очень не похожих друг на друга, но каждого по-своему Державину близких. Сумароков был приятен любовной лирикой, тонким пониманием сердечных побуждений; Ломоносов поражал воображение одами, мощными картинами титанической борьбы и привлекал своим патриотическим чувством.

Лучшим образцом любовных песен Державина, пожалуй, является «Разлука». Это стихотворение ценил и сам поэт. Весьма строго относясь к своим ранним опытам, он сделал исключение для «Разлуки», напечатал ее в «Московском журнале» (1792, февраль) и включил в свою пьесу «Добрыня» (1808):

Обливаюся слезами,
Скорби не могу снести,
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости!
Руки, грудь, уста и очи
Я целую у тебя.

Не имею больше мочи
Разделить с тобой себя.
Лобызаю, обмираю,
Тебе душу отдаю,
Иль из уст твоих желаю
Выпить душу я твою.

«Песни» Державина — лирические, любовные стихотворения, выражающие чувства близости, разлуки, измены милого или милой. Они изложены еще в наиболее общей форме, как писал свои песни и Сумароков:

Я, лишась судьбой любезного,
С ним утех, веселья, радости,
Среди века бесполезного
Я не рада моей младости.
Пролетай ты, время быстрое,
Быстротой сто крат скорейшею;
Помрачись ты, небо чистое,
Темнотой в глазах густейшею.

Подражал Державин и элегиям Сумарокова, их мрачному пафосу, гибко передававшему душевные страдания человека. Но сразу становилось заметным и различие между поэтами. Элегии Сумарокова носили отвлеченный характер, в них отображалось горестное чувство «вообще». Державин же пишет свои стихи по конкретному поводу. В стихотворении «Раскаяние» Державин с тоской вспоминает о месяцах жизни, проведенных за карточным столом в Москве, и глубоко скорбит о своем падении. Однако обвиняет при этом он не самого себя, а сетует на сборище соблазнов и «лабиринт страстей» — город Москву, как магнит притягивающий молодых людей к развратной жизни. Державин пишет:

Лишил уж ты меня именья моего,
Лишил уж ты меня и счастия всего,
Лишил, я говорю, и — что всего дороже —
(Какая может быть сей злобы злоба строже?)
Невинность разрушил! Я в роскошах забав
Испортил уже мой и непорочный нрав,
Испортил, развратил, в тьму скаредств погрузился, —
Повеса, мот, буян, картежник очутился.

Таким образом, уже в первые годы творчества Державин обращался к фактам своей личной жизни как к предмету поэзии, он принципиально признавал эту возможность и пользовался ею.

В жанре оды Державин шел вслед Ломоносову, но с первых шагов показал и свою самостоятельность. Так в «Оде Екатерине II-й», относящейся к 1767 году, Державин встает в позу независимого поэта, руководимого только истиной. Он демонстративно заявляет:

Вдохни, о истина святая!
Свои мне силы с высоты...
Я Муз с Парнаса не сзываю,
С тобой одной хочу я петь.

Муз сзывал Ломоносов, он стремился «на верх Парнасских гор» (оды 1742, 1746 годов и др.), ему и противоречит Державин:

На что ж на горы горы ставить
И вверх ступать, как исполин?
Я солнцу свет могу ль прибавить,
Умножу ли хоть луч один? —

лукаво спрашивает Державин, опять-таки метя в Ломоносова, и неожиданно для торжественной оды совсем в бытовой, добродушно ругательной интонации восклицает:

Поди ты прочь, витийский гром!

Эта простота, обыденность интонации заметно характеризует первую державинскую оду. Пока это еще не сознательное стремление сталкивать высокие и низкие понятия и слова, но естественное отличие стиля Державина, простого солдата, от принятых одических норм, от обычного классического словоупотребления.

В оде Державина обнаружились новые для этого жанра мотивы, и стало проступать коренное державинское начало, впоследствии столь отличавшее его в кругу современных поэтов.

В печати Державин впервые выступил в 1773 году с переводом и оригинальным стихотворением, напечатанными без имени автора. Во второй книжке сборника «Старина и Новизна», изданной В. Г. Рубаном, Державин поместил один из своих переводов с немецкого и напечатал отдельным изданием в количестве пятидесяти экземпляров оду на бракосочетание великого князя Павла Петровича.

Ода трактует, в сущности, любовную тему, и в ней, несмотря на ломоносовский характер ее основного тона, пробиваются интонации дружеского, семейного свойства. Заметен интерес Державина к картинным описаниям, к звукам и краскам, к фразеологии «высокого стиля»:

Ни молньи в слух мой не дерзают,
Ни понт, ни вихрь, ни лес шуметь...
В пространстве бездны звезд широком,
В эфирной дальности высот...
Молчите, страшны Норда громы,
И свет престаньте потрясать...[1]

Но, подчеркивая «грандиозность» события — женитьбу наследника престола, Державин умеет сказать

[1] Ср. в «Оде 1747 года» Ломоносова:

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет...

о том, что эти полубоги, в сущности, люди, которым свойственны обычные человеческие чувства:

Тут сердце сердцу отвечает,
Корона так же увенчает,
Как то, меня что любишь ты.

Вслед за этим снова идут строфы торжественной оды, которая заключается утверждением в виде риторического вопроса: «Конечно, здесь живет любовь?»

С большой охотой Державин живописует световые эффекты:

В тенях лазурных, быстропарных,
В зорях лиловых, лучезарных
Чудесный радужный чертог.

Или:

Янтарный облак ограждает
Где холмы красные вокруг...
Меж перл кристальны бьют где воды...

Яркие краски, переливы драгоценных камней, чем будет так часто любоваться Державин в своих более поздних стихотворениях, привлекают его внимание уже в оде 1773 года.

Пусть условная и украшенная, природа эта не только декоративна. Она живет и звучит для поэта:

В тенях тут горлиц воздыханье,
В водах там лебедей всклицанье...

Позднее Державин пытался вернуться к этой оде и начал было переделывать ее. Он придавал бо́льшую точность строкам оды, бо́льший смысл сравнениям и освобождал текст от усеченных славянизированных форм, но дальше первой строфы не пошел.

Державин медленно вырабатывал свой слог, литературную манеру, он пробовал силы в различных жанрах, отыскивая свою собственную дорогу в поэзии.

Глава 4

В ОГНЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

В октябре 1773 года в Петербурге были получены первые сведения о волнениях яицких казаков. При дворе им не придали большого веса: народные возмущения вспыхивали то там, то здесь — слишком велики были тяготы крепостного крестьянства, — однако каждый раз войскам удавалось легко справляться с беспорядками. Самозванцы-императоры стали не в диковинку, и их не раз видала екатерининская Россия.

Но вскоре выяснилось, сколь ошибочна была недооценка новой вспышки народного протеста. Повстанцы захватывали степные крепости одну за другой и уже вели правильную осаду Оренбурга. Правительственные войска, выступившие против крестьянских и казачьих отрядов, терпели поражения. Грозное имя Пугачева облетело все уста. Успехи восставших могли открыть им прямую дорогу в центральные губернии, в Москву, а там держись дворянские головы! Сколько их уже полегло на востоке России!

Донской казак Емельян Пугачев, под именем императора Петра Федоровича поднявший восстание против дворян и царицы, был подлинным народным вожаком. Он обладал природным умом, огромной энергией, силой воли и отлично знал жизнь крестьянства и казачества. Работные люди и крепостные уральских заводов горячо поддержали Пугачева. Башкиры, удмурты, татары, киргизы, калмыки — многие тысячи людей уг-

нетенных национальностей царской России присоединились к Пугачеву. Хорошо зная народные нужды, он каждому сумел обещать самое для него важное — уничтожение помещиков, землю «без покупки и без оброку», соль, рыбные ловли, оружие. Воззвания Пугачева и его атаманов, «царские манифесты», содержат, как определил Пушкин, «удивительные образцы народного красноречия, хотя и безграмотного».

В сентябре 1773 года Пугачев, поддержанный яицкими казаками, выступил в свой первый поход. Он двигался вверх по Яику — после восстания эту реку переименовали, она стала называться Уралом — и везде вербовал себе сторонников. Восстание разрасталось с каждым днем.

Екатерина II увидела опасность, грозившую империи, и приняла меры защиты от народного гнева. Нужного ей на роль главнокомандующего человека она нашла в лице генерала А. И. Бибикова. Ему уже приходилось усмирять крестьян на Урале, он действовал против польских повстанцев и пользовался доверием царицы. Недаром именно Бибикову приказала она руководить работами Комиссии по составлению нового уложения в 1767 году. Разговоры о законах своим чередом, а на случай перехода их через край — что ж, сильной руке Бибикова можно было довериться.

Главнокомандующий назначался верховным начальником всех районов, охваченных восстанием. Бибикову поручались также и следственные дела по восстанию, для чего в помощь ему была придана секретная комиссия, в которую вошло несколько гвардейских офицеров.

Приготовления эти быстро перестали быть тайной в Петербурге. Узнал о них и подпоручик Преображенского полка Державин. Узнал — и решил во что бы то ни стало принять участие в экспедиции Бибикова. Подробных сведений о ней он, конечно, не имел, его привлекала самая возможность длительной командировки, которая, что греха таить, могла помочь выдвинуться. Державину опостылели парады и караулы, отнявшие у него одиннадцать лет жизни. В карты он больше не играл, знакомых в городе по-прежнему не имел, — что связывало его с Петербургом? Гвардейская молодежь

пренебрегала службой, ночами резалась за карточным столом, напропалую ухаживала, но такое «маханье» не прельщало Державина. Был он, выслужившийся солдат, неровней в кругу знатных гвардейцев, и каждый петербургский день напоминал ему об этом. Уехать бы самое время! А там будет видно.

Державин пошел к Бибикову. Главнокомандующий выслушал просьбу незнакомого офицера и, хотя штат был укомплектован, согласился зачислить Державина — уроженец Казани, он мог быть полезен своим знанием края. Через три дня Державин выехал из Петербурга в Поволжье.

Он энергично принялся выполнять возложенные на него обязанности. Озабоченный, как ему казалось, спасением государства от угрозы уничтожения со стороны повстанцев, Державин не видел несправедливости своих действий по отношению к угнетенному царизмом народу и не побоялся представить все сделанное им на суд потомков. «Прадедовские нравы» — так назвал Н. Г. Чернышевский статью, посвященную «Запискам» Державина. По уровню развития, по мировоззрению Державин не мог подняться над веком, как это сделал Радищев, гениально понявший смысл крестьянской войны и выступивший с принципиальными теоретическими выводами о праве народа на восстание. Но ведь на это в XVIII веке решился только один Радищев, потому что он был великим мыслителем и революционером.

Однако Державин увидел, что восстание народа вызвано невозможными условиями его существования, злоупотреблением помещичьей властью, разбоем местной администрации. Не думая посягать на основы самодержавного правления, Державин достаточно резко выступил против несоблюдения законов и мучительства народа, что явилось, по его мнению, причиной крестьянской войны.

Он имел полную возможность и сделать и проверить эти свои наблюдения, ибо служба его протекала в особых условиях. Бибиков командировал Державина в дворцовое село Малыковку (ныне город Вольск) на Волге, в ста пятидесяти верстах выше Саратова, чтобы направлять прибывающие войска и вести закупку про-

вианта. Но Державин получил и устное наставление. В случае неуспеха под Оренбургом Пугачев мог броситься в заволжские степи, на реку Иргиз, впадающую в Волгу напротив Малыковки, и здесь его должен был встретить Державин со своим небольшим отрядом.

Выполняя поручения Бибикова, Державин постоянно находился среди народа и отчетливо видел, насколько велико сочувствие к Пугачеву. В иных местах даже духовенство в полном составе с колокольным звоном и молебнами встречало самозванного императора Петра Федоровича. Войска Екатерины II могли разбить армию Пугачева, но что могли они сделать с тянувшимся к нему народом? Нельзя же было в каждом русском крестьянине, в каждом башкире, калмыке, киргизе, татарине видеть государственного преступника и уничтожать его! Начальники смотрели именно так, но Державин с этим согласиться не мог. Он понимал, что народный протест вызван повсеместным разорением и крестьян и рабочего люда, но думал, что в доброй воле правительства эту беду исправить. В одном из писем казанскому губернатору Державин, например, не обинуясь, писал: «Надобно остановить грабительство, или, чтоб сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей... Сколько я мог приметить, это лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому что всякий, кто имеет с ними малейшее дело, грабит их».

В оде на день рождения Екатерины 1774 года Державин говорит об этом в стихах:

> На то ль, на то ль сей только свет,
> Чтоб жили в нем рабы, тираны,
> Друг друга варварством попраны,
> С собою свой носили вред?

Рабы и тираны — таково строение русского государства. Это видел Державин, он знал, что в России «каждый либо тиран, либо жертва», как определил Фонвизин, но был совершенно далек от тех решительных выводов, которые сделал Радищев.

Нужно только установить справедливый порядок,

считает Державин, и в стране наступят «златые дни». Он предлагает императрице:

Так ты всем матерь равна буди.
Враги, монархиня, те ж люди:
Ударь еще и разжени,
Но с тем, чтоб милость к ним пролити...

Разумное, без грабительства и угнетения, управление страной, по мнению Державина, могло предотвратить народные бедствия, утвердить мир и покой:

Тогда ни вран на трупе жить,
Ни волки течь к телам стадами
Не будут, насыщаясь нами,
За снедь царей благодарить:
Не будут жатвы попленении,
Не будут села попаленны,
Не прольет Пугачев кровей.

Государыня не стала «матерью», вельможи и чиновники грабят народ, вынужденный обороняться от их мучительства. Рабы не могут жить в дружбе с тиранами. Далеко не все современные Державину русские писатели понимали и это.

Война против Пугачева шла с переменным успехом. Казалось, разбитый наголову в одном сражении, Пугачев исчезал — и через короткое время снова появлялся во главе большой армии. Летом 1774 года он штурмовал Казань, в августе взял Саратов. Взамен умершего Бибикова и заместившего его Щербатова Екатерина поручила борьбу с Пугачевым графу П. И. Панину, опытному и жестокому военачальнику. Он расставил войска вокруг Москвы и, лишь приняв эту меру предосторожности, отправился на Волгу.

Против повстанцев были собраны крупные военные силы. Пушкин в «Истории Пугачева» пишет: «Еще при жизни Бибикова государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который в то время находился под стенами Силистрии; но граф Румянцев не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова!» По окончании русско-турецкой войны Суворова вызвали в Россию.

3 сентября 1774 года он прибыл в Царицын — ныне город Сталинград, — принял командование, поставил задачи отдельным отрядам и немедленно выступил с одним из них в заволжскую степь, на Узени.

Суворов со свойственной ему быстротой вошел в военную обстановку, сложившуюся в Заволжье, и отметил энергичные действия Державина. В письме к нему 10 сентября Суворов, сообщая о своих планах, писал, что ожидает от Державина «о пребывании, подвигах и успехах ваших частых уведомлений».

Однако новых «подвигов и успехов» не понадобилось. Гибель Пугачева пришла с другой стороны. Богатые илецкие казаки, окружавшие его, увидев безнадежность крестьянской войны против правительства, владевшего регулярной армией, решили спасать свои шкуры. Во главе с предателем Твороговым они задумали арестовать Пугачева и выдать его властям, заслужив тем себе прощение. Искусно изолировав Пугачева от преданных ему людей, казацкие старшины схватили его и, связанного, повезли в Яицкий городок. Крестьянский царь окончил свое недолгое царствование.

Державин, находившийся в заволжских степях на реке Иргизе, сразу же узнал о судьбе Пугачева и сообщил об этом своему начальнику П. С. Потемкину. Нового же главнокомандующего П. И. Панина он вовсе не известил, полагая, что это должен сделать Потемкин. А тот поторопился послать донесение об аресте Пугачева прямо в Петербург, так что главнокомандующий счел себя обойденным в столь важном случае и был сильно рассержен на Державина. Он знал, что Державин отлучился из Саратова накануне занятия города повстанцами, вспомнил жалобы чиновников, с которыми приходилось сталкиваться энергичному и резкому Державину, и публично объявил за своим обеденным столом, что намерен повесить его вместе с Пугачевым.

У Державина потребовали объяснений по поводу различных эпизодов его службы в Заволжье. Он послал подробный отчет. Панин ответил Державину грозным письмом, утверждая, что он не выполнил своих поручений и едва ли не сделал это умышленно.

«Все те места были Пугачевым похищены и разорены, — выговаривал Панин Державину, — для соблюдения которых преступали вы пределы чина и власти, вам порученной, вступаясь в чужие и вам не принадлежащие должности, наставляя и предосуждая людей, имеющих чины выше вашего и практику, в настоящих делах перед вами превосходную, из чего обыкновенно более повреждения в настоящих делах, нежели поправления оным». Панин рекомендовал Державину «умерить пылкости в рассуждениях» и не соваться туда, где его не спрашивают. Впрочем, последняя фраза письма звучала ободрительно. «Все сие, — заключал Панин, — из меня извлекло усердие к людям, имеющим природные дарования, какими творец вселенной вас наградил».

Панин явно не доверял Державину. Обвинения выдвигались очень серьезные.

Прочитав «ордер» главнокомандующего, Державин сейчас же поехал в Симбирск объясняться с Паниным. Сделать это ему было тем легче, что он имел приказание Потемкина явиться в Казань для сдачи отчета.

Подъезжая ранним утром к Симбирску, Державин встретил великое множество всадников с собаками — Панин ехал на охоту. Не желая попадаться на глаза главнокомандующего и его свиты в тулупе, надетом сверху мундира — октябрь стоял холодный — Державин поторопился отъехать в сторону и пропустил графскую охоту.

В Симбирске он узнал, что Панин не раз и не два грозился его повесить заодно с Пугачевым и якобы только дожидается на этот счет повеления государыни. Однако услышанное не изменило намерений Державина, и, дождавшись возвращения главнокомандующего с охоты, он смело отправился к нему.

Державин был допущен к Панину. Выслушав его краткий доклад, Панин спросил:

— Видел ли Пугачева?

— Видел на коне под Петровском, — ответил Державин.

Панин велел привести закованного в кандалы Пугачева. Хотел ли он упрекнуть Державина в нерадении

к службе, показав ему пленника, или просто хвастался редкой добычей? Державин так и не узнал об этом. Панин, посмотрев на Пугачева, приказал его увести и отправился ужинать.

Утром Державин отправился на прием к вельможе. Вместе с группой офицеров он прождал несколько часов. Наконец Панин вышел в утреннем наряде: на нем был широкий атласный шлафрок сероватого цвета и большой французский колпак с розовыми лентами. Он прохаживался по галерее, у стен которой стояли офицеры, никого не удостаивая взглядом. Державин, когда Панин прошел мимо него несколько раз, вдруг решился и, шагнув от стены, остановил гуляющего генерала за руку.

— Я имел несчастие получить вашего сиятельства неудовольственный ордер, — сказал Державин. — Беру смелость объясниться.

Панин с удивлением взглянул на просителя, прервавшего его прогулку, но остановился и велел Державину идти в комнату.

Разговор был долгим. Панин сначала кричал, перечисляя проступки Державина, но потом остыл, выслушал обвиняемого и сменил гнев на милость. Державин был приглашен явиться вечером.

В доме Панина, как водилось при дворе Екатерины, всегда бывал и вечерний прием. Увидев Державина, генерал заговорил с ним, заставил выслушать рассказ о турецкой войне, а после сел играть в карты.

Державину надоело слоняться в покоях вельможи и зевать, глядя на собравшихся. Он подошел к Панину и вновь, как и утром, потянул его за рукав.

— Я еду в Казань, ваше сиятельство, — доложил он, — не будет ли туда распоряжений?

Это было сказано чистосердечно: у Державина действительно накопилось много дел, и задерживаться в Симбирске после объяснения с Паниным он не собирался. Однако Панин вновь обиделся и на этот раз гораздо более серьезно. Он считал, что оказал милость Державину, а тот принял ее как должное и торопится ехать в Казань к Павлу Потемкину, которого Панин терпеть не мог! Каково!

— Нет, приказаний не будет, — сухо ответил он и отвернулся.

Возбудив своим скорым отъездом гнев Панина, Державин в Казани встретился с недовольством Потемкина. Он упрекнул Державина, зачем тот обратился со своим отчетом прямо к Панину, минуя прямых командиров, да еще поехал к нему в Симбирск для объяснений. Потемкин увидел тут неуважение к своей собственной особе, которую ставил весьма высоко, особенно по причине родства с фаворитом императрицы Г. А. Потемкиным, и Державин скоро почувствовал его вражду. Вместо того чтобы откомандировать Державина в Преображенский полк, как это было сделано с другими присланными оттуда офицерами, Потемкин приказал ему вновь ехать на Иргиз искать главаря раскольников старца Филарета.

Державин принялся за сборы, но простудился, тяжело заболел и пролежал всю зиму 1774/75 года. Болезнь расположила его к размышлениям, а подумать следовало о многом.

В Поволжье Державин лицом к лицу столкнулся с океаном народного горя. Он видел, что крестьяне тысячами вставали на зов Пугачева, шли за ним под пули екатерининских солдат, с мужеством отчаяния боролись с сильнейшим врагом. Как же надо было ожесточить народ, чтобы вызвать такую ненависть к власти и каждому ее представителю! И что делать, желая сохранить благополучие России?

Державин искренне считал Пугачева злодеем, посягнувшим на царский престол, но не мог не видеть, что страной нужно управлять по-иному. Подлинным бичом оказалась местная администрация, ее беспощадные поборы и взятки ожесточали народ. Соблюдение законов — вот что Державин счел главным в новых условиях, созданных выступлением Пугачева. Лихоимство и беззаконие должны быть истреблены. О бо́льшем он не помышлял.

Опыт, извлеченный Державиным из крестьянской войны, сделал его ярым врагом всех служебных злоупотреблений, горячим поборником строжайшего выполнения законов. Его волновало и оскорбляло непра-

восудие, где бы он с ним ни встречался. Мощный порыв крестьянского восстания навсегда остался памятным Державину. Близкое участие в событиях крестьянской войны, отличное знание источников и причин народного недовольства не подтолкнули Державина к пониманию характера самодержавного строя, но во многом изменили его взгляды. Державин утвердился в мысли о том, что закон должен быть единым для всех людей, от крестьянина до царя, и долг правительственных учреждений — заботиться о его неукоснительном выполнении.

В немецкой колонии Шафгаузен, где он устроил свою штаб-квартиру, Державин читал немногие книги, преимущественно немецкие, попадавшиеся ему, и в каждой искал ответа на занимавшие его теперь мысли. Так, он прочел книгу графа Тессина «Письма пожилого человека к молодому принцу» и стал переводить ее на русский язык — рассуждения автора показались ему важными.

Тессин был наставником наследного принца Швеции, позже вступившего на престол под именем Густава III. В письмах он изложил свои взгляды на воспитание государей и их обязанности, приводил советы о том, как разумно управлять страной, не ожесточая подданных и не делая их себе врагами. Многое в книге казалось Державину полезным для русских властителей, но перевести ее целиком ему по каким-то причинам так и не удалось. Начал он и другую большую работу — перевод поэмы немецкого писателя Клопштока «Мессиада» — и опять не закончил ее, отвлекаемый службой и, что более существенно, собственным творчеством: Державин написал несколько од, и это было неизмеримо серьезнее всего, что ему до сих пор удавалось сделать.

Позднее, в 1776 году, он напечатал их под названием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года». Своего имени на этой маленькой книжке Державин не выставил. Сборник заключал в себе четыре переведенные прозой с немецкого и четыре оригинальные оды. Все они содержали рассуждения о недостатках общества, были направлены против лести, клеветы, угождения, чванства знатностью рода. Державин затронул в стихах волновавшие его вопросы

о том, как управлять государством, чтобы избежать кровавых жертв и народного возмущения. Он неумолим в своих требованиях чести, справедливости, правосудия.

Емелька с Катилиной — змей;
Разбойник, распренник, грабитель
И царь, невинных утеснитель, —
Равно вселенной всей злодей.

Поставить рядом царя и Емельяна Пугачева, страшного разрушителя дворянского государства, в дни только что подавленного крестьянского восстания было чрезвычайно смелым и даже рискованным шагом. И Державин сделал этот шаг.

Полтора года, проведенные Державиным среди народа, в огне крестьянской войны, оказались для него поистине переломными годами. Он окончательно сложился как поэт, нашел свою тему, свой особый путь, которым пошел в литературе. Мысли о правде, о законности, о долге поэта возвещать истину становятся ведущими в творчестве Державина, так или иначе они звучат в каждом его стихотворении. Слог поэта избавляется от вычурных украшений, делается резким, прямым, иногда грубоватым. Державин не устает разъяснять то, что кажется ему особенно важным. Он учит, наставляет, требует в своих стихах, и оттого многие строки в них звучат публицистически, отдают риторикой, а не поэзией.

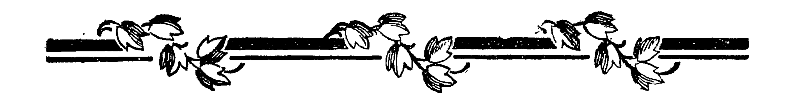
Но Державин и не стремился только к чистой художественности. Поэзия была оружием в его руках, он убеждал, объяснял, наказывал своими стихами, нимало не смущаясь тем, что отдельные строфы его од могли казаться назидательными и скучными. Важно было вновь и вновь утвердить заветную мысль о правде, о законе, одинаково обязательном для главы государства и каждого его подданного, и тут Державин не страшился повторений.

Только в марте 1775 года Державин получил приказ закончить командировку и возвратиться в Москву, но выполнил его не сразу. Он отдыхал в Шафгаузене от волнений предыдущих месяцев, набирал силы после изнурительной болезни и занимался литературным тру-

дом. Державин выехал в июне, в Казани повидался с матерью и к торжеству заключения мира с Турцией — 10 июля 1775 года — вернулся в Преображенский полк.

За время командировки Державина сменились все его прежние начальники. Полком командовал Г. А. Потемкин в звании подполковника (полковником была императрица), но всем распоряжался майор Ф. М. Толстой. Он принял Державина равнодушно, отдал приказ о его возвращении и сразу нарядил в дворцовый караул. Не зная об изменениях в строе, введенных в недавнее время, Державин на разводе подал своему подразделению команду «Вправо заходи». Оказалось, что строевой порядок изменен и нужно командовать: «Левый стой, правый заходи». За разводом из дворца наблюдал фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский, приехавший в Москву на торжества; рота была одета Потемкиным в новые мундиры, а вышел конфуз, строй нарушился.

Державин горячо переживал свои служебные неудачи. Он узнал, что П. И. Панин относится к нему попрежнему враждебно и не скрывает этого при дворе императрицы. Появились и денежные затруднения. Державин поручился в банке за одного из своих приятелей, тот не выплатил долга и скрылся, взыскание было обращено на Державина. Однако он не потерял выдержки и стал искать выхода из положения. Державин обращался к Потемкину раз, и два, и три и, наконец, добился решения: он получил триста душ крестьян в Белоруссии и звание коллежского советника, то есть был выпущен в статскую службу. Жизнь повертывала на новую дорогу.

Глава 5

НА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Державину было тридцать четыре года. Военная служба не удалась. Приходилось вступать в статскую. Звание коллежского советника прокормить не могло, предстояло самому отыскать место. Державин хотел служить, поместная жизнь его не привлекала.

Канцелярскую лямку обычно начинали тянуть с низов, постепенно набираясь опыта. Чин у Державина был немалый, но о гражданской службе понятия он не имел. Требовалось искать знакомства с чиновниками, продвигать себя самому. Случай вскоре представился.

Через своих казанских знакомцев Окуневых, состоявших в родстве с князем Вяземским, Державин был введен в дом этого вельможи и стал его посещать.

Князь Александр Алексеевич Вяземский был одним из наиболее видных и значительных деятелей в течение всего царствования Екатерины II. Двадцать восемь лет он занимал пост генерал-прокурора, соединяя в своих руках управление внутренними делами империи, ее финансами и юстицией и функции государственного контролера.

Когда Державин узнал, что в первом департаменте сената освободилось место одного из чиновников, он обратился к Вяземскому с просьбой назначить его, и тот после небольшой проверки уменья Державина излагать содержание прочитанных бумаг подписал представление.

Должность экзекутора, которую занял Державин в августе 1777 года, была не из важных, но открывала большие виды. Державин стал служащим в высшем правительственном учреждении, пользовался доверием всемогущего генерал-прокурора, познакомился с сенаторами. Однако мирные отношения вскоре нарушились. Державин стал возражать против незаконных распоряжений Вяземского, вмешался в составление бюджета империи, доказав, что генерал-прокурор преуменьшает его доходную часть, и впал в немилость у своих начальников.

Правительствующий сенат, созданный в 1711 году Петром I, чтобы заниматься текущими делами правления страны вместо царя и параллельно с ним, при Екатерине II совсем потерял свое прежнее значение. Императрица предпочитала править самовластно, она не терпела коллегиальных решений, более того — всегда опасалась их. Из ведения сената были изъяты вопросы законодательства, — ими занималась единолично Екатерина, — сенат разделили на шесть департаментов, и в первом из них, во главе которого стоял генерал-прокурор Вяземский, рассматривались вопросы управления Россией, ее финансами и хозяйством. Жизнь в остальных департаментах едва теплилась.

Генерал-прокурору было поручено следить за денежным обращением в стране, регулировать его, рассчитывать выпуск новых денег, наблюдать за сбором прямых и косвенных налогов. На генерал-прокурора возлагались также забота о мирном течении внутренних дел России и ведение национальной политики — он должен был добиваться «соединения в одно всех частей России».

Вяземский был опытным администратором и умел подбирать помощников. Вместе с Державиным служили в сенате А. В. Храповицкий, впоследствии секретарь императрицы, оставивший любопытные «Записки»; О. П. Козодавлев, учившийся в Лейпциге вместе с Радищевым, человек образованный, переводчик и писатель, при Александре I он стал министром внутренних дел; А. С. Хвостов, остроумный и злой эпиграмматист, чьи шутки и каламбуры были всегда на устах сослу-

живцев; А. И. Васильев, будущий государственный казначей и министр финансов при Александре I, и другие.

Довольно скоро Державину удалось создать себе положение в новом для него мире гражданской службы. Поправились и денежные дела. Наступало время подумать о женитьбе. В доме Вяземских ему сватали невесту — родственницу хозяйки, княжну Екатерину Урусову, образованную девицу, поэтессу, но Державин, по его словам, отшутился, сказав: «Она пишет стихи, да и я мараю, то мы все забудем, что и щей сварить некому будет».

Женился Державин на девушке, которую полюбил с первого взгляда. Это была Екатерина Яковлевна Бастидон, дочь камердинера Петра III португальца Якова Бенедикта Бастидона и петербургской вдовы Матрены Дмитриевны, кормилицы наследника престола Павла Петровича. Дочь Екатерина родилась в 1760 году, и, когда Державин ее впервые увидел, ей шел семнадцатый год, а ему тридцать пятый. Встретив Екатерину Яковлевну еще два раза — в театре и в знакомом доме, не перемолвившись даже словом, Державин решил посвататься и со всегдашней своей энергией приступил к делу.

Во дворце устраивали маскарад. Державин отправился туда с приятелем, которого просил оценить его выбор. Узнав под маской девицу Бастидон, Державин так громко закричал: «Вот она!», что мать и дочь на него пристально посмотрели.

Целый вечер друзья следили за избранницей Державина и «увидели знакомство степенное и поступь девушки во всяком случае скромную и благородную, так что при малейшем пристальном на нее незнакомом взгляде лицо ее покрывалось милою розовою стыдливостию», — говорит Державин. При дворе это встречалось не часто. Испорченность нравов была чрезвычайная, и скромность давно вышла из моды.

Подкрепившись одобрением приятеля, Державин пожелал видеть свою красавицу в домашнем быту, и через общего знакомого на следующий же день был представлен семейству Бастидон. Екатерина Яковлевна вязала чулок и лишь иногда с великой скромностью по-

зволяла себе вставить несколько слов в общий разговор. «Любовник жадными очами пожирал все приятности, его обворожившие, — рассказывает Державин,— и осматривал комнату, приборы, одежду и весь быт хозяев, между тем как девка, встретившая их в сенях с сальною свечею в медном подсвечнике, с босыми ногами, тут же подносила им чай; делал примечания свои на образ мыслей матери и дочери, на опрятность и чистоту в платье, особливо последней, и заключил, что хотя они люди простые и небогатые, но честные, благочестивые и хороших нравов и поведения; а притом дочь не без ума и не без ловкости, приятная в обращении, а потому она и не по одному прелестному виду, но и по здравому рассуждению ему понравилась, а более еще тем, что сидела за работою и не была ни минуты праздною, как другие ее сестры, непрестанно говорят, хохочут, кого-либо пересуживают, желая показать остроту свою и уменье жить в большом свете».

Вторая проверка также удалась, и на другой же день Державин переговорил с матерью. Она попросила несколько дней срока, чтобы разузнать что-либо о женихе, и отправилась собирать сведения. Между тем Державин успел увидеться с Екатериной Яковлевной и спросить, известно ли ей о его предложении.

— Матушка сказывала, — ответила девушка.

— Что ж вы думаете?

— От матушки зависит.

— Но если б от вас, могу ли я надеяться?

— Вы мне не противны...

Мать, возвратившаяся из своей разведывательной поездки, застала картину полного согласия и должна была объявить о помолвке. А по окончании великого поста, в апреле 1778 года, была сыграна свадьба.

Этот в несколько дней задуманный и заключенный брак оказался на редкость счастливым. Екатерина Яковлевна была доброй и верной подругой Державина. Жена жила интересами мужа и не раз помогала ему умным советом. Она вошла в поэзию Державина под именем Плениры.

Осенью 1778 года Державин с молодой женою отправился в Казань навестить мать и помочь ей уладить

дела с соседями, с которыми шла судебная тяжба, завязавшаяся еще до рождения поэта. В декабре Державины возвратились в Петербург, и потекли дни, наполненные служебными делами.

В сенате, кроме своих повседневных обязанностей, Державин получал отдельные поручения. Так, при перестройке сенатского здания он вел общий надзор за работами. Большой зал заседаний украшался барельефами. В числе фигур, изображенных на барельефах, была Истина, представленная, как ей и подобает, в нагом виде, причем плита с этим сюжетом оказалась как раз напротив стола сенаторов. Когда генерал-прокурор Вяземский осматривал зал, ему сразу бросилась в глаза обнаженная Истина, и, найдя фигуру слишком вольной, он приказал Державину:

— Вели ее, брат, несколько прикрыть.

Державин придал символическое значение этим словам Вяземского и, рассказывая о случае с барельефом в своих записках, прибавил: «И подлинно, с тех пор стали от часу более прикрывать правду в правительстве, потому что князь Потемкин, будучи человек сильный и властолюбивый, не весьма любил повиноваться законам и делал все по своему своенравию». А через несколько лет ставший при Павле I генерал-прокурором князь А. Б. Куракин приказал выломать этот барельеф, и, по мнению Державина, Истина как бы совсем покинула сенат.

Когда в 1780 году в сенате выделилась экспедиция о государственных доходах, впоследствии развернутая в государственное казначейство, Державин перешел в нее советником расходной части. О финансах он имел представление весьма смутное, но природный ум и настойчивость помогли: вскоре Державин разобрался в делах и стал предлагать то одно, то другое усовершенствование финансовой отчетности.

Генерал-прокурору не нравилась ретивость Державина к службе. Своим вмешательством он нарушал созданную Вяземским систему управления финансами, а его желание искоренить взятки казалось попросту смешным — о чем возмечтал стихотворец! Вяземский знал, что Державин пишет, и очень не одобрял этого. Он

считал, что серьезный чиновник не может заниматься поэзией. Надо либо служить, либо сочинять стихи, а сочетать вместе эти занятия не годится. Он не раз делал замечания Державину, и недаром в стихах поэта часто можно встретить заявления, что он пишет только в свободное от службы время и поэзия не мешает ему быть деятельным советником расходной части.

«Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» не обратили на себя внимания читателей. Державин и сам понимал, что это были еще ученические стихи, и позже не перепечатывал их в сборниках, однако путь, который был там намечен, казался ему правильным. Гражданские темы, мысли о жизни и смерти, о величии добрых человеческих дел, о суетности хвастовства знатной породой, волновавшие Державина в годы крестьянской войны, начинают ставиться им в новых стихах все глубже и уверенней. И стихи эти появляются в столичных журналах — «Санкт-Петербургский вестник» и «Академические известия» в 1778—1780 годах.

Лишь одно из стихотворений Державина этой поры не увидело вовремя света. Ода «Преложение 81 псалма», позднее названная «Властителям и судиям», открывавшая ноябрьскую книжку «Санкт-Петербургского вестника» за 1780 год, подверглась запрещению. Лист с ее текстом был вырван из тиража журнала. И позднее, в 1795 году, эта ода, помещенная Державиным в рукописном томе его стихотворений, поднесенном Екатерине II, вызвала обвинение поэта в революционных замыслах. Такие подозрения, конечно, были неосновательны, Державин нимало не сочувствовал французским якобинцам, но текст оды звучал крамольно и пугал русских правителей.

В своей оде Державин переложил стихами одно из религиозных песнопений — 81 псалом, и выбрал его потому, что именно этот псалом как нельзя лучше передавал настроения самого поэта, как бы выражал его опасения и надежды. В сущности говоря, в оде «Властителям и судиям» Державин в необычайно сильной и сжатой форме изложил мысли и сомнения, возникшие у него в связи с крестьянской войной.

В полный голос он заявил свой протест против произвола и насилия, поощряемых царями, и пригрозил этим лукавым властелинам страшным судом.

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров,
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Но разве цари — и первая между ними русская императрица, о которой не мог не думать Державин, — выполняют свой долг, разве они сохраняют законы и помогают несчастливым и бедным? Нет, в памяти поэта стояло охваченное войной Поволжье, где тысячи голодных крестьян с оружием в руках обрушились на своих притеснителей, мздоимцев и палачей. И он горестно восклицает:

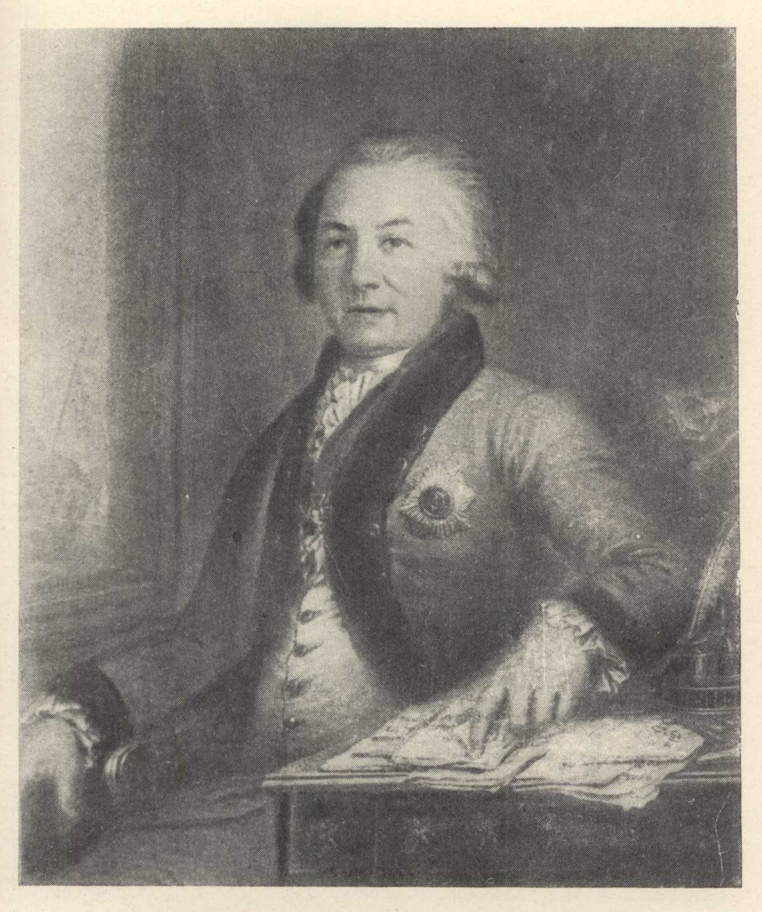
Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Горьким разочарованием звучат строфы оды, обращенные к земным владыкам, прикрывающимся своим неведением о бедствиях народа:

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Земные боги оказались мелкими, лживыми существами, допускающими злодейства и неправду. И надежду отчаяния выражает заключительная строфа оды в ее мольбе:

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

Гавриил Романович Державин.

Портрет работы В. Л. Боровиковского.

Екатерина Яковлевна Державина.

Портрет работы В. Л. Боровиковского.

Ода «На смерть князя Мещерского», написанная в 1779 году, передает размышления Державина о жизни и смерти, навеянные тем, что довелось ему видеть и испытать. Поэта поражает мысль, что все люди на земле одинаково смертны, все исчезнет перед лицом времени:

Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает.

Во имя чего нужно теснить и мучить друг друга, когда и самое высокое положение человека не спасает его от могилы? Смерть уравнивает богатых и бедных:

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны —
И точит лезвие косы.

И мысль о том, что цари и пышные богачи так же доступны смерти, как и простые люди, доставляет поэту некое удовлетворение, успокаивает его, но заставляет тут же подумать о течении собственной жизни.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен:
Желанием честей размучен;
Зовет, я слышу, славы шум.

Эти грустные раздумья, выраженные на редкость легким и точным стихом, заканчиваются твердым решением поэта смириться с мыслью о неизбежной смерти, не гнаться за стяжанием богатств, усмирить волнение страстей и добиваться душевного спокойствия:

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

Державин создает яркие, контрастные образы, сталкивает противоречивые понятия, стиль его приобретает чеканную отделку, многие строки звучат афоризмами и сделались ими:

Глагол времен, металла звон..
Где стол был яств, там гроб стоит...
Сегодня бог, а завтра прах...

«Как страшна его ода «На смерть Мещерского», — писал о Державине Белинский. — Кровь стынет в жилах, волосы, по выражению Шекспира, встают на голове встревоженной ратью, когда в ушах ваших раздается вещий бой *глагола времен,* когда в глазах мерещится ужасный остов смерти с косою в руках!»

Необычайная конкретность, вещность поэзии Державина, уменье его представлять в зрительных образах отвлеченные понятия — «и бледна смерть на всех глядит» — стали отличительной чертой его творчества.

Русские поэты, предшественники Державина, почти совсем не рисовали живую природу. Им, старательно выполнявшим предписания классицистической поэтики, казались неважными различия и оттенки пейзажей, они воспринимали природу как некую отвлеченную данность, состоящую из ряда отдельных и неизменных элементов, не ощущали ее живого и полнокровного единства. Картины природы, появлявшиеся в стихах поэтов-классицистов, носили условный характер и чаще всего служили только общим фоном для рассказа о переживаниях героев. Тредиаковский, например, изображал весну так:

Быстрые текут между тем речки,
Сладко птички по лесам поют;
Трубят звонко пастухи в рожечки,
С гор ключи струю гремящу льют.

Почти в тех же словах писал о весне Сумароков:

Распустилися деревья, на лугах цветы цветут,
Веют тихие зефиры, с гор ключи в долины бьют,
Воспевают сладки песни птички в рощах на кустах,
А пастух в свирель играет, сидя при речных струях.

И это сходство описаний объяснялось, конечно, не заимствованием, а тем, что эти поэты брали только наиболее общие черты каждого явления природы, все частное, особенное считалось случайным, необязательным и, по их мнению, могло только спутать читателя, отвлечь от главной идеи стихотворения.

В одах Ломоносова пейзажи имеют грандиозный, титанический вид и обычно символизируют столкновение борющихся сил, например битвы русской армии с турецкой, знаменуют победы русского оружия:

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром,
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном.

Но там, где обстоятельства не требовали ложного пафоса, Ломоносов умел быть простым и искренним, особенно когда касался картин моря и севера, с детства ему близких:

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов,
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.

В Ломоносове ученый и художник существовали нераздельно. В двух строках он сумел создать картину звездного неба, долгие десятилетия почитавшуюся классической, основав ее на своих научных представлениях:

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна.

Множественность миров, бесконечность вселенной превосходно определены в этой лаконичной и выразительной формуле.

Эти литературные образцы были перед глазами Державина, но, принявшись изображать природу, он прежде всего пожелал сказать о том, что видел, стал говорить о деталях, подробностях, о красках и звуках, постарался передать в стихах не идею предмета, а показать сам предмет. Новизна этого подхода сразу выделила Державина среди современных ему поэтов.

В стихотворении «Ключ» Державин описывает источник в четыре времени суток, для каждого находя особые краски:

Когда в дуги твои сребристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Таков ключ утром. Целая гамма оттенков красного цвета развернута в стихе, поэт видит их яркий контраст с серебристыми, падающими струей водами источника. Богатство и пышность красок, которыми славится державинская поэзия, намечены уже в этом стихотворении переходного периода творчества поэта.

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес,
Лучом кристалл твой загорится,
Вдали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

В своем первом пейзаже Державин уже умеет различать планы, ближний и дальний. При закате солнца берег становится багряным, а лес, находящийся вдали, синеет. Об этом было впервые сказано в русских стихах. И, наконец, ночь:

О! коль ночною темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!

Державин создал в этой строфе картину ночи, ставшую затем столь частой гостьей в произведениях романтической поэзии, и уже наметил ее словарь с выражениями «приятный», «бледный», «дремлющий», «холмы», «тишина».

Впоследствии, оценивая свое раннее творчество, Державин писал, говоря о себе в третьем лице: «Он в выражении и стиле старался подражать г. Ломоносову, но хотев парить, не мог выдерживать постоянно, красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару велелепия и пышности. А для того с 1779 года избрал он совсем другой путь».

Этот путь помогли найти Державину его друзья — Львов, Капнист, Хемницер, талантливые поэты, верные товарищи Державина, старшего из них по возрасту и по силе творческого гения.

Дружеский союз этот сложился во второй половине семидесятых годов, когда Державин обосновался в Петербурге, перейдя в гражданскую службу, но все члены его были и раньше знакомы между собой.

Василий Васильевич Капнист четырнадцатилетним юношей приехал с Украины в Петербург и поступил солдатом в Измайловский полк в 1771 году. Там, учась в полковой школе, он подружился с Николаем Александровичем Львовым, также служившим в этом полку. Через год Капниста перевели сержантом в Преображенский полк, где он встретился с Державиным. Несмотря на большую разницу в возрасте — Державин был старше Капниста на тринадцать лет — литературные интересы помогли их сближению.

Ко времени возвращения Державина в Петербург из Заволжья Капнист уже напечатал свое первое произведение — оду на мир с Турцией 1774 года, сочиненную на французском языке. Вместе с Державиным он начал переписывать оду по-русски, однако работа осталась незавершенной. Державин привез с собой «Читалагайские оды». Он прислушивался к советам своего молодого товарища — человека с образованием и тонким литературным вкусом. Новые стихи, которые стал писать Державин в Петербурге, проходили придирчивую критику Капниста.

Получив первый офицерский чин прапорщика, Капнист в 1775 году вышел в отставку — военная служба его не привлекала. В течение ближайших лет он жил в Петербурге, изредка уезжая в свое украинское поместье Обуховка, а в 1782—1783 годах недолгое время

служил в почтовом департаменте, где распоряжался делами Львов. В эти годы Капнист близко общается с Державиным и вместе с Львовым и Хемницером составляет его дружеский кружок, взявший на себя труд обсуждать и редактировать стихи Державина.

Львов, человек талантливый и разносторонний, обладал незаурядным художественным вкусом, превосходно рисовал, отличался творческой фантазией, изобретал, писал стихи и сочинял музыку. Он был хорошо осведомлен в самых различных областях искусства и ремесел и, несмотря на неизбежный дилетантизм своих разнообразных занятий, в каждом своем начинании достигал осязательных успехов. Так, он разработал способ строить дома из битой глины — и строил их, памятником чего до наших дней остался так называемый Приорат в Гатчинском парке; Львов добывал торф в болотах Новгородской губернии, собирал и издавал народные песни, переводил с греческого Анакреона, писал стихи и пьесы и, наконец, был постоянным и главным судьей в художественных вопросах для всех своих друзей.

Державин очень доверял вкусу и знаниям Львова, хорошо сознававшего величину поэтического дарования своего друга. Львов незаметно развивал вкус Державина, знакомил его с эстетическими теориями, рассказывал о новинках европейской литературы и искусства, за чем он следил постоянно, и делал свои замечания по поводу стихов Державина. Впрочем, тут Державин имел свою твердую точку зрения: то, что он считал хорошим, верно написанным, по существу, он не переменял, несмотря на то, что в этих строках и могли быть разногласия с грамматикой.

В поэтическом творчестве Львова, которому сам он не придавал большого значения, весьма примечательны мотивы народности. Львов любил и собирал произведения народного творчества и осваивал его традиции в своих стихах:

Как бывало ты в темной осени,
Красно солнышко, побежишь от нас,
По тебе мы все сокрушаемся,
Тужим, плачем мы по лучам твоим.

А теперь беги, солнце красное,
На четыре ты на все стороны;
Мы без скуки все рады ждать тебя
До самой весны, до зеленыя.

Опыты Львова в русском тоническом стихосложении, интерес к белым стихам, не имеющим рифм, показывают в нем дальновидного и чуткого поэта. Во вступлении к поэме «Добрыня», названной Львовым «богатырской песнью», он писал:

Анапесты, Спондеи, Дактили
Не аршином нашим мерены;
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны,
И глагол славян обильнейший,
Звучный, сильный, плавный, значущий,
Чтоб в заморскую рамку втискаться,
Принужден ежом жаться, корчиться...

Державин обсуждал с Львовым и свои служебные дела. Львов хорошо ориентировался в петербургских сферах, был близок к вельможе Безбородко, и впоследствии ему случалось оказывать помощь Державину, когда тот по горячности характера попадал в трудные обстоятельства.

Четвертым членом кружка был Иван Иванович Хемницер. Сын немецкого врача, перешедшего на службу России, Хемницер двенадцатилетним мальчиком в 1755 году, прибавив себе в паспорте возраст, добровольцем пошел в солдаты. Прослужив четырнадцать лет, он вышел в отставку поручиком и определился в горное ведомство. В доме своего начальника М. Ф. Соймонова Хемницер встретился с его родственником Львовым и вскоре очень с ним подружился.

Хемницер писал стихи. Львов стал его слушателем и советчиком. Под влиянием друга Хемницер пробует свои силы в басенном жанре и скоро достигает замечательных успехов. До Крылова басни Хемницера, говоря без преувеличения, были лучшими в русской литературе. Написанные простым разговорным языком, без излишней грубости выражений, свойственной, например, притчам Сумарокова, басни Хемницера сатирически откликались на темы современной действи-

тельности, бичевали придворных, чиновников, судей, ставили вопросы морали. Первое издание басен, появившееся в 1779 году без имени автора, быстро разошлось, и через три года понадобилось новое, что не так часто случалось с книгами в то время.

Хемницер писал остро и занимательно. Пример тому — басня «Метафизик». В ней говорится о том, что богатый отец отправил сына учиться за море, где он приучился к ложным умствованиям и стал во всем искать «начало всех начал». Когда этот мнимый ученый возвратился домой, его перестали понимать окружающие, и вот что с ним случилось:

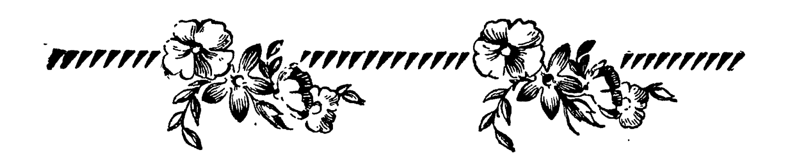
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, который с ним случился,
Скорее бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, рассуждал:
«Какая быть могла падения причина?
Что оступился я, — ученый заключал, —
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое стремленье
Могло произвести воздушное давленье,
С землей и с ямою семи планет сношенье...»
Отец с веревкой прибежал:
«Вот, — говорит, — тебе веревка; ухватися.
Я потащу тебя; смотри, не оборвися».
«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»
Отец хоть был и не учен,
Да от природы был умен.
Вопрос дурацкий оставляя:
«Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
«На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое».
«Да время надобно, — отец ему на то, —
А это, благо, уж готово».
«А время что?»
«А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».
Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи послать?..
Да яма надобна большая!

Жил в Петербурге на Васильевском острове сенатский обер-прокурор Алексей Афанасьевич Дьяков,

отец пятерых красавиц дочерей Анны, Екатерины, Александры, Марии и Дарьи. Друзья-поэты были знакомы с этой милой семьей и часто ее навещали, конечно, не за тем, чтобы слушать сенатские анекдоты, которые рассказывал почтенный обер-прокурор: они влюбились.

Капнист сделал предложение Александре Дьяковой, оно было принято, и в 1779 году отпраздновали свадьбу. Хемницер и Львов ухаживали за Марией Алексеевной с неравным успехом. Отвергнув чувство Хемницера, она выбрала Львова. Но тут встретилось препятствие: родители отказали Львову в руке дочери. Что оставалось делать бедным влюбленным? «Бежать» со Львовым Мария Алексеевна не решилась, однако в надежде на лучшие времена потихоньку с ним обвенчалась. Три года этот брак сохранялся в строгой тайне, и только в 1783 году родители, наконец, дали свое согласие и очень удивились, узнав, что дочь не стала его дожидаться.

Так породнились между собой друзья-поэты. Две сестры счастливо вышли замуж, а что касается третьей, Дарьи, то о ней речь еще будет впереди. Она также не вышла из дружеского кружка, собравшегося вокруг Державина в Петербурге, и впоследствии заняла в нем очень видное место.

Глава 6

«ОДА К ФЕЛИЦЕ» И «СОБЕСЕДНИК»

Весной 1783 года весь Петербург облетело новое слово — «Фелица». Громко говорили о том, что так называется ода, посвященная императрице, шепотом добавляли, что в ней досталось Потемкину, Вяземскому, Нарышкину, братьям Орловым — первым людям при дворе, знаменитым вельможам империи. Хвалили смелого автора, высказывали опасения за него: убережется ли от гнева осмеянных им фаворитов?

— Да где ж списать «Фелицу»?

— Ода напечатана в новом журнале «Собеседник любителей российского слова».

— А кто сочинил оду?

— Татарский мурза. Имени его не объявлено. Сказано, что переведена с арабского языка в 1782 году.

— Неужели с арабского?

Тот, кто брал в руки книжку «Собеседника», мог узнать об авторе побольше, прочитав заглавие оды: «Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым мурзою, издавна проживающим в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге». Однако внизу страницы редакция поместила маленькое примечание: «Хотя имя сочинителя нам и неизвестно, но известно нам то, что сия ода точно сочинена на российском языке».

Автором «Оды к Фелице» был Державин. Написав эти стихи, он сам подивился своей смелости. Правда,

имена Фелицы и Хлора были взяты из нравоучительной сказки, сочиненной императрицей для своего внука Александра, но ведь Державина меньше всего тут занимали поиски «розы без шипов», добродетели. Он хотел в шутливой форме поговорить об очень важных вещах и высказать свое мнение по таким вопросам, о которых его не спрашивали. Как это могло понравиться при дворе? Неизбежны были новые придирки генерал-прокурора Вяземского, служить с которым становилось все труднее, — он терпеть не мог стихов и не раз говорил об этом Державину. Но ода, кажется, точно удалась.

Державин посоветовался с друзьями. Выслушав стихи, и Львов и Капнист в один голос сказали, что оду печатать нельзя, она рассердит вельмож, в ней затронутых, и принесет автору новых могущественных врагов, а их и так у него много. В благоразумии совета сомневаться не приходилось, и Державин запер рукопись в ящике своего бюро.

Год спустя ему, однако, пришлось открыть этот ящик в присутствии приятеля — соседа по квартире и сослуживца — Осипа Петровича Козодавлева. Тот сразу заприметил листы со стихами, пробежал несколько строк и упросил Державина дать ему рукопись хорошенько почитать самому и показать своей тетке, поклоннице поэзии. Под клятвенное обещание, что, кроме нее, никто стихов не увидит, Державин передал рукопись Козодавлеву и верно — вечером получил ее в целости обратно.

Казалось бы, тут и конец анекдоту, как вдруг Державин узнает, что оду читали в доме Ивана Ивановича Шувалова и слушали ее многие знатные гости. Он не успел сообразить, что делать с обманщиком Козодавлевым, пустившим в списках опасную для автора оду, как был позван к Шувалову.

— Оду вашу получил я под великим секретом, — сказал Шувалов, — но за обедом зашел разговор, что нет у нас еще легкой поэзии, подобно той, что во Франции славится. Не вытерпел я и, к вашей чести, прочел тогда вслух первое в таком роде на русском языке сочинение — «Оду к Фелице» — и всех убедил.

Державин в досаде молчал. Шувалов был старинный его благожелатель, и сердиться на него не следовало, но что будет, если ода станет известна при дворе?

А Шувалов продолжал:

— Теперь вашу оду требует к себе князь Потемкин, он узнал уж о ней. Как быть? Отсылать оду придется, так не выкинуть ли те куплеты, кои князя изображают? Гнев его опасен.

Но тут Державин не колебался.

— Ежели это сочинение уже известно стало, — сказал он, — то, когда вы его не пошлете или что-нибудь из него выкинете, князь в самом деле может подумать, что оно на его счет написано; но как оно не что иное, как изображение страстей человеческих, писанное без всякого намеренья, то я подписываю на нем свое имя и прошу отослать к требователю.

На том порешили, и Державин вернулся домой в тревожном состоянии духа. Он попросил Львова, бывшего своим человеком в доме близкого к императрице графа Безбородко, почитать ему между разговорами строфы из оды и выяснить его мнение. Безбородко стихи прослушал, а о мнении своем умолчал, потому что был осторожен и в придворной жизни весьма искушен.

Оставалось ждать, что скажет Потемкин и как примет стихи сама императрица, когда они дойдут до нее, только вот из чьих рук и с какой аттестацией?

Тем временем княгиня Екатерина Романовна Дашкова, только что назначенная царицей президентом Академии наук, вознамерилась издавать литературный журнал и собирала для него статьи. Державин узнал об этом от Козодавлева. Его стихов также просили.

Державин мало писал в этот год, занятый службой. Он собрал несколько стихотворений, напечатанных раньше в «Санкт-Петербургском вестнике», — оды «На смерть Мещерского», «К соседу моему», «На новый 1781 год», «На рождение в Севере порфирородного отрока», «Дифирамб на выздоровление покровителя наук», — исправил их и передал Козодавлеву

для журнала. О «Фелице» Державин не напомнил, уверенный, что Дашкова знает эту оду. Хорошо бы увидеть «Фелицу» в печати... Тогда не только Потемкин, но и публика могла бы о ней судить, что не понравилось одному — найдет признание у многих. Может быть, другими глазами, без предубеждения взглянет на стихи и императрица. Риск большой, но молчание, неизвестность хуже всего.

Дашкова рискнула. «Ода к Фелице» открыла первую книжку журнала «Собеседник любителей российского слова», и ее встретил восторженный прием читателей. Державин сразу же был награжден общим признанием, и те, кто считал себя затронутым в оде, предпочли делать вид, что они не обижаются на поэта. Ведь так свободно и колко он разговаривал не только с ними, а и с самой императрицей.

Имя Фелицы было образовано от латинского слова «felix» — счастливый. Так именовалась царевна в сказке Екатерины II. В виде мурз, приближенных киргиз-кайсацкой царевны, он вывел ее придворных. Иногда называет себя мурзой и автор, подчеркивая свои слабости для того, чтобы оттенить достоинства Фелицы. Поэт обращается к царевне:

Подай, Фелица! наставленье,
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?

Это вопрос риторический, ответа на него не ожидается, да и что мог бы тут сказать Державин? И, оставляя эту тему, он переходит к описанию скромного быта Фелицы и буйных забав ее приближенных. Здесь было рассыпано много сатирических штрихов: Державин изображал прихоти и развлечения знакомых ему вельмож. Потемкин не мог не узнать свой неуравновешенный характер с частыми переходами от душевного подъема к беспричинному унынию и свой роскошный образ жизни в строфах оды:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,

Кружу в химерах мысль мою:
То плен от Персов похищаю,
То стрелы к Туркам обращаю;
То возмечтав, что я Султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.
Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят, —
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Схвачено все было верно, не в бровь, а в самый глаз попадали стихи. Но разве только Потемкина затронул поэт?

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Тут трудно не угадать, в кого метит ода — в Алексея Орлова, любителя молодечества русского, песен, плясок и кулачных боев, в Петра Панина, забывавшего службу ради псовой охоты, в Семена Нарышкина, который первым завел в России роговую музыку. Инструмент в роговом оркестре издавал только одну ноту, простую гамму исполняли восемь музыкантов, каждый по очереди дуя в свой рог. Сколько побоев принимали крепостные артисты, прежде чем разучивали пьесу! Но умел сладить Нарышкин свой оркестр — стройно текли мелодии, сто музыкантов играли, как один человек.

Следом за развлечениями вельмож изображал

Державин домашний быт в небогатом дворянском семействе, и самые обычные, не поэтические слова и понятия включались в строфы «Оды к Фелице»:

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой,
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю:
Полкана и Бову читаю,
За библией, зевая, сплю.

В торжественных одах о государях было принято писать самым высоким слогом, поэты сравнивали их с солнцем, представляли божествами, дарующими своим подданным счастье. Державин, нарушив эту прочную традицию, показал монархиню как частного человека и не произносил при этом никаких пышных слов:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом...
Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой...

Державин просто и уверенно говорил в стихах с императрицей. Он перечислил некоторые ее деяния и похвалил за них, но напомнил, что бывают самодержцы, которые легко проливают народную кровь, и, в сущности, достоинства Екатерины приобрели вид негативный: хорошо уже и то, что она не истребляет людей, как это делают дикие звери:

Поступки снисхожденьем правишь;
Как волк овец, людей не давишь...
Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюдимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.

Высказал Фелице Державин и главную свою мысль: царь должен строго соблюдать законы, единые как для него, так и для простых людей, не забывать о том, что

Царей они подвластны воле,
Но богу правосуду боле,
Живущему в законах их.

Законы — превыше всего, в государстве не может быть места самоуправству. Эта мысль, с огромной силой проведенная Державиным в оде «Властителям и судиям», была повторена им в «Фелице», о ней он и дальше не уставал напоминать владыкам русского трона.

Так, сочетая большую мысль с веселой шуткой, перемежая сатирические строки пафосом, рассыпав в стихотворении множество острых, злободневных намеков, написал Державин свою оду «Фелица», вполне понимая, о чем он позже сказал, что это «такого рода сочинение, какого на нашем языке еще не было». Он не разошелся в оценке оды с установившимся затем мнением. Белинский называет «Фелицу» одним из «лучших созданий Державина. В ней полнота чувства счастливо сочеталась с оригинальностью формы, в которой виден русский ум и слышится русская речь. Несмотря на значительную величину, эта ода проникнута внутренним единством мысли, от начала до конца выдержана в тоне».

С первым отпечатанным листом «Собеседника» Дашкова поехала во дворец. Екатерине оказалось угодным милостиво принять стихи Державина. Ей понравились достоинства Фелицы, посмешили колкие намеки насчет вельможных особ, разбросанные в оде. Говорили, что императрица разослала некоторым своим приближенным экземпляры «Фелицы», подчеркнув строки, относившиеся непосредственно к каждому.

Гласно своего одобрения царица не выразила, но через несколько дней, когда Державин обедал у своего начальника Вяземского, ему вручили принесенный почтальоном конверт с надписью: «Из Оренбурга от киргиз-кайсацкой царевны Державину». Конверт был большой и тяжелый. Вскрыв его, Державин нашел там

золотую с бриллиантами табакерку и пятьсот червонных монет. Он сразу догадался, чей это подарок, и на вопрос Вяземского, за что его так жалуют, ответил, что, вероятно, за оду, напечатанную в «Собеседнике». Пришлось показать и самую оду. Вяземский прочел ее с неудовольствием, презрительно хмыкнул и с тех пор пуще невзлюбил Державина, изводя его бесчисленными придирками и злыми разговорами о том, что все поэты бездельники и служба им не дается. Но Державин сносил нападки генерал-прокурора добродушно, ободренный несомненным успехом своей оды. Екатерина приняла стихи как забавную и тонкую шутку, и вслед за ней Панин, Орлов, Нарышкин и другие не решились считать себя оскорбленными и не мстили автору. Потемкин же вообще ценил Державина и позже не оставлял его своим вниманием.

В «Собеседнике» появились стихи, посвященные «Фелице» и ее автору. Поэт Ермил Костров, верно поняв новаторское значение державинской оды, писал:

Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облаки лететь...
Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды.
Ты простотой умел себя средь нас вознесть!

Простота «забавного русского слога» и ее привлекательность бросались в глаза после «Оды к Фелице» и побуждали поэтов последовать Державину, однако приблизиться к его мастерству никому из современников не удавалось и не удалось.

К участию в журнале «Собеседник любителей российского слова» Дашкова привлекла всех видных писателей. Не пригласили только Николая Ивановича Новикова, издателя славных когда-то журналов «Трутень» и «Живописец». Жгучая сатира его была памятна при дворе, и царица всегда помнила, как спорил издатель «Трутня» с ее журналом «Всякая всячина» и в каждой полемике выходил победителем.

В новом журнале «Собеседник» Екатерина была усердной сотрудницей. Она хотела принять команду над общественным мнением в России, подобно тому

как попыталась сделать это четырнадцать лет назад, в 1769 году, выступив со своей «Всякой всячиной», положившей начало серии еженедельных изданий. Тогда ей помешал Новиков. Теперь помехи она не ждала.

Императрицу многое беспокоило в окружающем. К наследнику престола, ее сыну Павлу Петровичу, тянулись люди, недовольные тяжелым потемкинским режимом, установленным после пугачевской войны. Тревожил рост оппозиционных настроений среди дворянства. Борясь с ними, Екатерина отставила от службы руководителя Иностранной коллегии Никиту Панина и его секретаря Фонвизина, но разговоры в столице только усилились. Следовало отвлечь общественное внимание от этих тем, занять его чем-то новым, серьезно разъяснить значение устойчивой и неограниченной монархической власти и силу ее носительницы — Екатерины II.

И царица взялась за перо. Из номера в номер она печатала в «Собеседнике» свои «Записки касательно российской истории», занявшие половину объема всех шестнадцати книжек журнала, многие сотни страниц убористого текста. Перевирая исторические факты, путая имена и даты, она без устали доказывала, что на Руси испокон веков великие князья творили мир, насаждали правду и прекращали междоусобия, виновниками которых, по ее словам, всегда выступали бояре.

Не ограничиваясь псевдоучеными рассуждениями, Екатерина столь же регулярно помещала «Были и небылицы» — длиннейшие разглагольствования на разнообразные темы с полемическими выпадами против отдельных лиц, что придавало этим написанным варварским языком заметкам некоторый интерес в читательской среде.

Но императрице не удалось подчинить весь журнал своему влиянию. В «Собеседнике» с самого начала была сильна сатирическая струя, чему он обязан был участию Фонвизина, Державина, Княжнина и других передовых писателей, честных людей и патриотов. Особенно смело выступил в журнале Фонвизин, напечатавший там несколько своих сатирических произведений — «Опыт российского сословника» (словаря сино-

нимов), «Поучение, говоренное в духов день иереем Василием», «Челобитная российской Минерве от российских писателей» и, наконец, «Вопросы сочинителю «Былей и небылиц», вызвавшие гневную отповедь державной писательницы. Фонвизин спрашивал автора «Былей и небылиц», зная, что он обращается к государыне: почему в России плохо поставлено законодательство, нет гласного суда, отчего почтенные люди увольняются в отставку, а шуты, шпыни и балагуры входят в большие чины, — словом, коснулся многих политических злободневных тем.

Екатерина распорядилась напечатать в «Собеседнике» эти вопросы вместе со своими ответами на них — грубыми, резкими по форме и неосновательными по существу. На последний вопрос Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?» — Екатерина ответила, что он заключается «в остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». Безукоризненной покорности русских людей самодержавной власти, которую изо всех сил поддерживала церковь, — вот чего хотела добиться Екатерина II от народа после крестьянской войны 1773—1775 годов. Нечего говорить о том, насколько этот провозглашенный императрицей идеал отличался от представлений передовых русских людей о национальном характере и как он далек был от подлинно национальных черт русского народа.

В этой полемике, плохо кончившейся для Фонвизина — его перестали печатать и не позволили издавать задуманный им журнал — Державин выступил на стороне автора «Недоросля». Как бы продолжая его вопросы к сочинителю «Былей и небылиц», Державин в третьей книжке «Собеседника» печатает стихотворение «Модное остроумие» с письмом к издателям журнала. В письме ставится вопрос: «Отчего нахальные и коварные люди с беспримерною удачею достигают до своих желаний, тогда когда скромность и честность везде и у всех ни внимания, ни помощи не обретают?» А в стихах содержался портрет такого удачника — придворного шаркуна, безнравственного и опасного для общества человека, который способен

Душою подличать, а внешностью гордиться,
Казаться богачом, а жить на счет других,
С осанкой важничать в безделицах самих;
Для острого словца шутить и над законом,
Не уважать отцом, ни матерью, ни троном...

Стихи эти были помещены в том же номере журнала, где появились вопросы Фонвизина и ответы Екатерины. Вместе с сердитой репликой императрицы о том, что вопрос по поводу шпыней и балагуров «родился от свободоязычия», журнал опубликовал новый вопрос Державина и его уничтожающую характеристику «Модного остроумия», то есть принятого при дворе образа поведения.

Державин горячо сочувствовал борьбе за общественное признание писателей, которую повел Фонвизин на страницах «Собеседника». Эта тема затрагивала его, ибо с Вяземским после успеха «Фелицы» служить стало совсем тяжело: он насмехался над Державиным в сенате и не уставал повторять, что стихотворцы к службе не годятся.

В четвертой книжке «Собеседника» появилась «Челобитная российской Минерве от российских писателей», подписанная именем Ивана Нельстецова. Челобитную сочинил Фонвизин. Она была направлена против вельмож, враждебно относившихся к русским писателям и считавших их неспособными к государственным делам. Эти именитые невежды вообразили, что «к отправлению дел ни в каких знаниях нужды нет; ибо де мы сами в делах без малейшего в них знания», и постановили «всякие знания, а особливо словесные науки, почитать не иначе, как уголовным делом». Поэтому невежды потребовали: «1. Всех, упражняющихся в словесных науках, к делам не употреблять. 2. Всех таковых, при делах уже находящихся, от дел отрешать».

Шутка открывала горькую правду: от дел отрешен был сам Фонвизин. В 1783 году после смерти Н. И. Панина он покинул службу в Иностранной коллегии и не мог рассчитывать на получение другой. Уход Державина из сенатского департамента был только вопросом

времени — Вяземский не хотел иметь в числе своих сотрудников поэта.

Составитель челобитной от имени служителей российских муз просит их, «яко грамотных людей, повелеть по способностям к делам употреблять». Дворянская литературная интеллигенция в суровые годы потемкинского режима заявляла о своем намерении нести государственные обязанности, хотела быть полезной России. И в постоянном желании Державина продолжать службу нужно прежде всего видеть эту сторону дела: он стремился приносить пользу отечеству и, не колеблясь, вступал в споры со своими начальниками, требуя от них выполнения предписанных законом обязанностей и полного бескорыстия.

В «Собеседнике» Державин напечатал вслед за «Фелицей» и другое свое наиболее значительное произведение — оду «Бог». Начал писать он эту оду в 1780 году, работал над ней несколько лет, переделывая и вновь откладывая написанное, и закончил свой труд весной 1784 года. Эта ода упрочила известность Державина и его поэтическую славу. Она вызвала многочисленные подражания и десятки раз переводилась на иностранные языки.

Стихи на религиозные темы часто встречаются у поэтов XVIII столетия. Ломоносов любил перелагать в звучные строфы псалмы, находя в них картины борьбы с врагами и победы над ними. Трудна была деятельность Ломоносова, тяжел его жизненный путь. Все, что совершил он для блага отечества, для науки, делал он с бою, преодолевая сопротивление недругов в академической среде и придворном мире. В переложениях псалмов Ломоносова звучат социальные мотивы, в них развивается тема природы. Это сильные, требовательные стихи, и Пушкин считал их лучшими у Ломоносова. «Они останутся вечными памятниками русской словесности, — писал он, — по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему».

Безусловно, первое место среди произведений «высокой поэзии» Ломоносова занимают его «Утреннее» и «Вечернее размышление о божием величестве» — два первоклассных стихотворения, очень глубоких по

мыслям и совершенных по своей художественной форме. Ломоносов, естествоиспытатель и поэт, задумывается о величии мира и славит бога — природу. Человек — пылинка в космосе:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне, —

но человек наблюдает, ищет, думает и стремится постичь необъятность вселенной.

Державин не миновал обаяния этой космической поэзии и вольно или невольно откликнулся на нее в своей оде «Бог». И у него на первый план выходит бог-космос, бог-природа, к которому мыслью стремится человек, чьи загадки он старается решить. Державин в ломоносовском духе изображает бесконечность мира, связанность всех явлений природы:

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут;
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой, как нощь пред днем.

Человек — пылинка во вселенной, он ничтожно мал по сравнению с нею, но он могуч своим разумом. Державин с гордостью говорит о силе человеческой мысли, способной

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет

и дерзающей вознестись к непостижимому богу. Человек — частица общей системы мироздания, он занимает среди живых существ свое определенное и очень важное место:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Державин создает выразительную характеристику человека, надолго вошедшую в память поколений:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб, я червь — я бог!

Человек — средоточие вселенной, наиболее совершенное создание на земле, «крайня степень вещества». Он способен постигать тайны природы. Державин необыкновенно высоко оценивает силы и возможности человека. И это чудесное существо должно влачиться по земле в пыли и прахе, проводить свою короткую жизнь в стенании и плаче!

Мысль об этой несправедливости преследовала Державина. Он считал, что люди независимо от их сословной ценности должны наслаждаться бытием. Об этом он говорил в своих стихотворениях, ожидая в конечном счете улучшений от высшего существа, к которому обратился со страстным призывом в оде «Властителям и судиям»:

Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

В оде «Бог» Державин с большим подъемом убеждает себя в существовании этой высшей силы.

Ты есь — природы чин вещает,
Гласит мое так сердце то,
Меня мой разум уверяет —
Ты есь — и я уж не ничто!

Понятие бога помогает Державину объяснить происхождение мира, укрепить дух в борьбе с трудностями жизни и недостатками современного общества:

Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есь и ты!

Взгляды Державина, изложенные в оде «Бог», характеризуют его живейшее желание разобраться в окружающем мире, постичь механизм вселенной. При безусловном признании бога и уважении к нему Державин в своей оде создает философское изображение мира и места в нем человека, как существа, обладающего огромными творческими возможностями и заслуживающего на земле лучшей участи.

Чем шире становилась литературная известность Державина и росло внимание к нему при дворе, тем хуже относился к своему сотруднику генерал-прокурор Вяземский. По общим отзывам современников, это был весьма ограниченный, жестокий и злобный человек, обязанный своим возвышением хитрой лести и уменью выслужиться перед императрицей.

Державин предложил в финансовой экспедиции, чтобы отчеты о суммах, поступающих из различных учреждений — адмиралтейства, провиантской конторы, комиссариата и т. д., поверялись не раз в год, как было принято, а чаще, что должно было сократить злоупотребления. Было известно, что чиновники казенных палат в губерниях задерживали у себя собранные деньги и раздавали их в долг под высокие проценты. Тем временем казна испытывала недостаток в средствах. Сослуживец Державина некий Бутурлин, человек ленивый и не желавший брать на себя лишнюю работу, отрицательно отозвался Вяземскому об этом проекте Державина, и генерал-прокурор, выслушав предложение, отверг его. Державин рассердился и вспылил.

— Пишите же вы сами, коли умеете лучше, — сказал он и вышел из кабинета.

Тогда обиделся генерал-прокурор и через одного из чиновников предложил Державину подать в отставку. Столкновение было улажено с большим трудом после вмешательства княгини Вяземской, которой были известны наговоры Бутурлина и справедливость мнения Державина.

Когда наступило время составлять роспись доходам империи на 1783 год, генерал-прокурор распорядился составлять ее по прошлогоднему образцу, повторив все цифры.

— Как это можно? — сказал Державин управляющему экспедицией. — Ведь прошла новая ревизия, доходы должны увеличиться.

— Так приказал генерал-прокурор.

— Мудрено это приказание, и я не вижу к нему причины.

— Ведомостей нет, из чего сочинить новую табель, — ответил управляющий.

— Неправда, ведомости есть, — возразил Державин и, вернувшись домой, продолжал обдумывать положение.

Он не понимал, отчего надо было скрывать доходы, выявленные после ревизии, и поступления средств от новых налогов. Просмотрев ведомости, присланные из губернии, он убедился в своей правоте. Из бумаг следовало, что государственные доходы растут. Почему же нужно утаивать их?

Державин сказался больным, заперся дома и принялся пересчитывать ведомости. Через две недели работа была окончена. Из новой табели явствовало, что государственный бюджет можно увеличить на восемь миллионов рублей. Такова была сумма новых поступлений.

Он предъявил свою табель генерал-прокурору.

— Я осмелился сочинить правила, из коих изволите увидеть, что можно показать и новое состояние государственной казны, — сказал Державин.

— Вот новый государственный казначей, — с насмешкой ответил Вяземский, — вот умник! Извольте же, сударь, отвечать, когда не будет доставать сумм против табели на новые расходы по указам императрицы.

Державин предложил свою роспись рассмотреть в общей собрании всех экспедиций:

— Ежели я написал бред, тогда меня уж и обвиняйте.

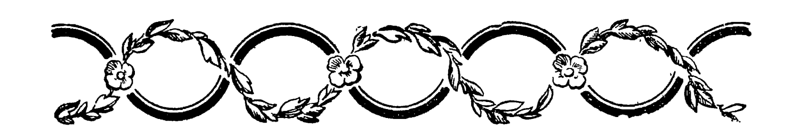
— Хорошо, — сказал Вяземский, — рассмотрите и подайте мне рапорт.

Самая придирчивая критика чиновников не смогла поколебать расчетов Державина. Государственные доходы на 1783 год были незаконно преуменьшены на

8 миллионов рублей. Генерал-прокурор, прочитав акт, должен был с ним согласиться, но Державин после этого не мог уже оставаться в сенате.

Дело заключалось в том, что Вяземский был тонким придворным политиком. Он знал о росте доходов империи, но не показывал их в документах, представляемых царице. Зато когда требовались деньги, а из официальных документов выяснялось, что взять их негде, Вяземский «находил» необходимые средства, обращаясь к не вошедшим в расчет поступлениям и удивляя императрицу своей мнимой изобретательностью. Этот прием помогал Вяземскому сохранять свое положение и усиливать его. Екатерина II не раз отмечала, что у Вяземского бывают наготове деньги для всех возможных случаев и он только не любит их расходовать.

Державин раскрыл эту механику, чем и вызвал против себя недовольство генерал-прокурора, привыкшего неограниченно пользоваться своими правами. Ему вновь было приказано подать в отставку, что он и сделал. 8 декабря 1783 года состоялся указ сената об увольнении Державина от должности, но Вяземский еще два месяца продержал бумагу у себя, и только 15 февраля 1784 года указ утвердила императрица. Ей были известны столкновения Державина с Вяземским и, по своему обыкновению, не желая ожесточать против себя ни одного, ни другого, она уволила Державина от службы в сенате, передав, что «имеет его на замечании. Пусть теперь отдохнет, а как надобно будет, я его позову».

Глава 7
ОЛОНЕЦКИЙ ГУБЕРНАТОР

Державин недолго оставался без службы. В мае 1784 года он получил назначение правителем, то есть губернатором, Олонецкого наместничества. Это было и хорошо и плохо. Хорошо потому, что Державин хотел служить и думал, что может принести пользу своим знанием людей и опытом, накопленным в сенате. Плохо, так как Державин надеялся получить место губернатора у себя на родине, в Казани, — туда он отправил уже свои вещи и мебель, — а его посылали в край пустынный и далекий. В Казань пришлось съездить только на короткий срок в отпуск, и велико было горе Державина, когда он не застал в живых своей матери. Фекла Андреевна скончалась за три дня до приезда сына, и ему оставалось только распорядиться похоронами. Жестоко упрекал себя Державин за то, что, занятый делами, он все откладывал свою поездку, не откликнулся вовремя на настойчивые зовы матери и хоть приехал, да поздно.

Новая должность очень занимала Державина и казалась ему весьма важной. Если искоренить злоупотребления чиновников, полагал он, и строго соблюдать законы, то можно не опасаться народных волнений. И роль губернатора — оберегать правосудие в отдаленных уголках Российского государства, держать в узде хищную ораву приказных.

При воцарении Екатерины II Россия делилась на шестнадцать губерний, как было заведено еще при

Петре I. Каждая из них по своим размерам превышала любое европейское государство, губернаторы не справлялись с огромными областями.

И как только удалось покончить с восстанием Пугачева, в 1775 году было учреждено двадцать четыре новых губерний, а всего их стало сорок, и население в каждой составляло от трехсот до четырехсот тысяч человек. Губернии делились на уезды с населением по двадцать-тридцать тысяч человек. В каждую назначался правитель, губернатор, а над ним ставился наместник государя или генерал-губернатор — полновластный хозяин области. Через несколько лет наместникам подчинили по две-три губернии, так что власть их еще более возросла. В их распоряжение были переданы даже войска, расположенные в границах губерний, и они могли не стесняться в силах при подавлении народного недовольства. Так поняла царская администрация урок, преподанный ей Пугачевым, — усилила власть на местах и крепко вооружила ее.

Новые губернии создавались одна за другой, и самой последней была Олонецкая, куда получил назначение Державин. В нее вошли четыре уезда Петербургской губернии с городами Олонец, Вытегра, Каргополь и Повенец, и три уезда предстояло открыть вновь — Лодейнопольский, Пудожский и Кемский.

В ту пору прекрасный и обильный природными богатствами край, составляющий ныне значительную часть территории Карельской АССР, был редко населен. Непроходимые леса и болота, многие тысячи озер, полное бездорожье, глушь, тишина... Зимой ездить было можно, но когда кончался санный путь, приходилось пользоваться волокушей. Телега не могла пройти олонецкими тропами. Впрочем, кое-куда удавалось проехать водой.

Зато не знал этот далекий край и помещиков. Крепостных помещичьих крестьян за Лодейным Полем и Вытегрой не встречалось вовсе, глубже на север не проникало дворянское землевладение. Олонецкие крестьяне были государственными, платили подати, и лишь часть из них работала на Петровском и Кончезерском заводах.

Вокруг Петровского медеплавильного завода, стоявшего на берегу Онежского озера, понемногу вырос поселок, ставший во второй половине XVIII века уездным городком Петрозаводском. Жителей в нем насчитывалось не более трех тысяч — купцов, мещан, разночинцев, заводских работников. Дворяне Петрозаводском не интересовались, поместий в Олонецком крае не имели, а потому и город этот резко отличался своим обликом от всех городов средней России — это был город без дворян, без первого сословия империи.

Когда Петрозаводск стал центром новой Олонецкой губернии, в городок сейчас же понаехали чиновники. По новому порядку взамен прежних воеводских канцелярий в губерниях вводилось сразу несколько новых учреждений — наместническое правление, губернское правление, казенная палата, приказ общественного призрения, верхний и нижний земский суды. Везде понадобились заседатели, советники, секретари, столоначальники, канцелярские служители, и сонный Петрозаводск, превратившийся в губернский город, оживился и зашумел.

В наместничество, кроме Олонецкой, вошла также Архангельская губерния, во главе со старым русским городом Архангельском, крупным культурным центром Северного края. Но наместник своей резиденцией выбрал Петрозаводск.

Чины высшей губернской администрации обычно набирались из среды генералов и штаб-офицеров, увольнявшихся из военной службы «за болезнями и ранами» и «за дряхлостью». Однако для новых губерний правительство не поскупилось перевести на должности генерал-губернаторов совсем еще не старых военачальников, надеясь на их энергию и твердую руку.

Кадровым военным был и наместник Олонецкой и Архангельской губерний генерал-губернатор Т. И. Тутолмин, непосредственный начальник Державина. Он уже успел побывать вице-губернатором в Твери, губернатором в Екатеринославе и чувствовал себя полновластным хозяином своих новых губерний. Да так оно, собственно, и было. Наместники сидели, как царьки, в своих владениях и любили окружать себя царскими

почестями. Тутолмин к таким почестям и церемониям был весьма склонен, и об этом сразу же узнали в губернии: въезд его в Петрозаводск сопровождался пушечной пальбой, наместника встречали все чиновники и жители города, низко кланяясь и крича «ура».

Наместники имели решительно все права в подвластных им губерниях, кроме права издавать законы или правила для общего руководства. И, как водится, именно этот запретный плод казался особенно сладок. Нет-нет да и покушались наместники на сочинение своих законоположений, пользуясь тем, что до Петербурга далеко и о проказах их там еще не скоро станет известно.

Не избежал этого соблазна и Тутолмин. Обосновавшись в Петрозаводске, он стал командовать по-своему в губернских учреждениях и составил для них «канцелярский обряд» — инструкцию по ведению дел, во многом изменявшую принятые тогда порядки делопроизводства, и притом не в лучшую сторону.

Державин приехал в Петрозаводск в октябре 1784 года. Перед отъездом он отправил туда водой по Неве, Ладожским каналам и Свири свою библиотеку и мебель, которой набралось немало. Державин узнал, что в губернском правлении нет еще ни столов, ни стульев, не надеялся на их скорое получение от казны и потому, не скупясь на расходы и призаняв денег, закупил на свой счет канцелярскую мебель. Вверенные ему учреждения Державин хотел видеть в полной исправности.

В декабре 1784 года в Петрозаводске состоялось открытие Олонецкой губернии. Торжества происходили в доме генерал-губернатора и заняли целую неделю. Гром пушечной стрельбы стоял над городом. Жителям было выставлено угощение, приглашенные собирались на обеды к генерал-губернатору. Наконец все запасы были съедены, выпиты, и губернские учреждения смогли приступить к занятиям.

Державин ожидал, что его труды по управлению губернией будут нелегкими, но не думал, что они окажутся столь тяжелыми, прежде всего по причине отсутствия помощников. Губернские чиновники, прислан-

ные из Петербурга, как на подбор были взяточниками и пьяницами, от них с радостью избавлялись столичные коллегии. Канцелярские служители, набранные на месте, полуграмотные, невежественные люди, требовали неусыпного присмотра, потому что, не успев постигнуть азбуки своего дела, они сразу же научались вымогать у просителей взятки натурой и деньгами. Державин наставлял, наказывал своих подчиненных, но, как ни бился, ничего поделать с ними не мог.

Не видел он желания навести порядок в губернских учреждениях и со стороны генерал-губернатора. Тутолмина мало интересовали гражданские дела. Некоторое внимание обращал он на заводы и на Онежский гребной флот, но губернией занимался редко и невпопад. Однажды, например, он распорядился, чтобы олонецкие крестьяне каждый год вели посадки леса, и предписал губернатору неуклонно следить за выполнением этого приказа. Получив его, Державин немало подивился. Зачем в лесном крае с нетронутыми кладовыми «зеленого золота» сгонять крестьян на лесопосадки? О чем думал генерал-губернатор, давая свой странный приказ?

Оказалось, что Тутолмин ни о чем особенно не думал, а просто переписал одно из своих распоряжений по Екатеринославской губернии. Там, в безлесной стороне, оно оказалось полезным, было замечено и одобрено свыше. И на новом месте службы Тутолмин повторил приказ о лесопосадках, уверенный, что он пригодится и здесь. Свой край наместник знал плохо и изучать не спешил.

Вскоре довелось Державину узнать, что генерал-губернатор облагает население новыми сборами и податями, сверх того что требовалось казенной палатой. Эти поборы, законом не утвержденные, отягощали олонецких крестьян, и Державин не упустил заявить свой протест. Оказалось далее, что Тутолмин вмешивается и в решения уголовной палаты, — Державин получил текст судебного постановления, исправленный его рукою. Какое же он имел на это право?

Державин не потаил своих сомнений от наместника, и отношения между ними сразу испортились. Тутолмин

стал придираться к губернатору и подбивать против него видных губернских чиновников. Дал он знать о своих столкновениях с Державиным и в Петербург, генерал-прокурору Вяземскому, заручившись его поддержкой.

Отказавшись выполнять заведенный Тутолминым «канцелярский обряд», Державин вступил в открытую борьбу с наместником. «Обряд», по мнению Державина, оказался книгой законов, написанных Тутолминым и обязательных для всех олончан. Но что же будет в стране, если каждый генерал-губернатор станет вводить свои законы?!

Державин явился к Тутолмину и после резкого разговора напомнил ему указ 1780 года, запрещавший наместникам заниматься законодательством. Это мог делать сенат, а губернаторам хватало бы дела тщательно исполнять имеющиеся законы, не думая о сочинении новых. Тутолмин сослался на согласие генерал-прокурора, чиновники поддержали наместника, Державин остался в одиночестве — и «обряд» был принят.

Вражда закипела бурно. Тутолмин посетил учреждения, подведомственные губернатору, нашел в них непорядки и учинил Державину жестокий разнос, после чего поспешил в Петербург жаловаться императрице.

Но Державина испугать было трудно.

Едва Тутолмин покинул Петрозаводск, он отправился поверять присутственные места, непосредственно подчиненные генерал-губернатору — казенную, гражданскую, уголовную палаты, — обнаружил множество упущений в делопроизводстве и составил акты, под которыми подписались чиновники. Теперь у Державина было оружие против Тутолмина. Материалы своей ревизии он отправил для сведения наместнику и одновременно с верным человеком послал обширное донесение императрице. Екатерина прочитала эту бумагу, выслушала Тутолмина, но не спешила принять свое решение.

Тем временем ссора между губернскими начальниками захватила петрозаводских чиновников, разбившихся на две группы: большую, стоявшую на стороне губернатора, и маленькую, сочувствовавшую Держа-

Николай Александрович Львов.

Портрет работы Д. Г. Левицкого.

Василий Васильевич Капнист.
Литография В. Ф. Тимма.

вину. Провинциальных жителей очень занимали различные перипетии борьбы между наместником и губернатором, частенько дававшей поводы для пересудов.

Одним из них было, например, начатое против Державина «Дело о медведе», как оно именовалось в казенных бумагах.

У чиновника Аверьянова, жившего в губернаторском доме, был ручной медвежонок, общий забавник. Заседатель верхнего земского суда Молчин, старинный знакомец Державина еще по военной службе, часто бывал у него и играл на дворе с медвежонком. Однажды, когда Молчин отправился на службу, медвежонок увязался за ним и дошел до дверей суда.

Войдя в комнату, Молчин увидел там двух заседателей и в шутку сказал им:

— Идите встречать нового члена суда Михайла Ивановича.

Заседатели переглянулись. Об этом назначении им не было ничего известно. Но Молчин со смехом открыл дверь, впустил в суд медвежонка и стал кормить его хлебом.

Если бы не распря начальников, дело на этом бы и кончилось, однако оно имело нешуточное продолжение. Председателем верхнего земского суда был родной брат генерал-губернатора Н. И. Тутолмин. Заседатели заискивали перед ним и обрадовались случаю устроить неприятность Державину. Когда они стали выгонять медвежонка из суда, Молчин с деланной строгостью сказал:

— Вы будьте осторожны, не повредите зверя. Ведь медведь-то губернаторский.

Этого было достаточно для того, чтобы начать кляузу. Председатель Тутолмин составил акт о чрезвычайном происшествии и подал его по команде брату генерал-губернатору, тот отправил дело в Петербург. Через некоторое время Державин с удивлением узнал, что столица толкует этот эпизод в очень неблагоприятном для него духе. В Петербурге рассказывали, что будто бы Державин для насмешки над судьей Тутолминым, человеком малограмотным, приказал Молчину привести медвежонка в суд, что Молчин поса-

дил зверя в председательское кресло, намазал ему чернилами лапу, и медведь накладывал ее, как подпись, на служебные бумаги, которые подносил ему для скрепы секретарь. Это уже означало неуважение к присутственному месту, проступок важный, и Державина называли его виновником.

Генерал-прокурор Вяземский подхватил историю с медвежонком и с удовольствием рассказывал ее сенаторам, приговаривая:

— Вот, милостивцы, смотрите, что наш умница-стихотворец делает: медведей — председателями!

Наместник потребовал предать Молчина уголовному суду. Державин отказался это сделать. Тогда наместник обратился в сенат с просьбой судить Державина. Были запрошены объяснения, и Державин несколько дней составлял обширную бумагу в сенат, доказывая, что смехотворный случай с медвежонком нельзя толковать как государственное преступление. «Дело о медведе» не имело последствий для Державина, но поволноваться все же заставило изрядно.

Огорченный всеми этими неприятностями, Державин поспешил покинуть Петрозаводск и отправился, по долгу службы, в объезд Олонецкой губернии, на что нужно было положить не мало труда и отваги. О колесном транспорте для поездки думать не приходилось по простой причине отсутствия в крае дорог. Державин совершал свое путешествие пешком, верхом и на лодке.

В июле — сентябре 1785 года он побывал в Пудоже, Повенце, Кеми, Каргополе, Вытегре, везде знакомился с ходом дел в уездных канцеляриях и рассматривал жалобы местных жителей. С собой Державин взял двух чиновников — Эмина и Грибовского и поручил им вести «Поденную записку» с описанием всего виденного. Н. Ф. Эмин, сын известного в XVIII веке писателя Ф. А. Эмина, сам стал впоследствии литератором и сочинил несколько сентиментальных романов. А. М. Грибовский после Петрозаводска, куда он был привезен Державиным, служил затем при Потемкине, приобрел деньги, чины, связи и был статс-секретарем императрицы. Но пока они послушно выполняли поручения

Державина и аккуратно вели «Поденную записку», собирая для нее немало любопытных сведений.

Олонецкая губерния была в то время еще не обмежевана, уезды не имели точных границ, количество населения учитывалось весьма приблизительно. Составленное по приказанию Тутолмина описание Олонецкой губернии, поднесенное им государыне, отличалось большими ошибками. Державин тщательно изучил это описание, оно сохранилось в архиве поэта, и страницы его пестрят замечаниями Державина, своими глазами увидевшего Олонецкий край и населявших его людей.

Личные впечатления Державина весьма расходились с официальными утверждениями. Тутолмин писал, что в Пудоже имеется сто домов, а Державин насчитал их ровно вдвое меньше. И жители Пудожского погоста не только не снабжали хлебом соседей от своего изобилия, как говорилось в описании, а, наоборот, у них занимали хлеб до нового урожая. Державин не находил ни больниц, ни врачей там, где им следовало быть, судя по описанию.

Уточняя и опровергая официальный документ во множестве частностей, Державин резко возразил против вывода описания: «Вообще во всех уездах несравненно более зажиточных крестьян, чем бедных».

«Наоборот, — писал Державин, — можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таковых видал внутри государства... Но должен сказать, сие малое количество зажиточных крестьян и есть причиною, что более бедных. Они, нажив достаточек подрядом, или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабалят долгами почти в вечную работу себе бедных заимщиков, а чрез то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России, ибо при недостатке хлеба и прочих к пропитанию нужных вещей, прибегнуть не к кому, как к богачу, в ближнем селении живущему».

Опытный глаз Державина и знание народной жизни помогли ему приметить то, что было видно еще очень немногим деятелям эпохи — расслоение деревни, выделение кулаков и бедноты. Он понял, что зажиточ-

ные крестьяне богатеют за счет бедных и держат их в жесткой кабале.

Глубоко задела Державина презрительная оценка олонецких крестьян, данная в описании Тутолмина: «Наклонность к обиде, клевете и обману суть предосудительные свойства обитателей сей страны».

Державин хорошо знал, что это неправда, что составители описания сами поддались «наклонности к клевете и обману», возводя напраслину на трудолюбивых и талантливых северян, с которыми он близко познакомился за время своего путешествия по краю. И Державин решительно возражает против этих обвинений:

«Все сие о нравах олончан кажется не очень справедливо. Ежели б они были обманщики и вероломцы, то за занятый долг не работали бы почти вечно у своих заимодавцев, имея на своей стороне законы, их оборонить от того же могущие; не упражнялись бы в промыслах, где нередко требуется устойка и содержание слова; не были бы терпеливы и послушны в случае притеснений и грабительств, чинимых им от старост и прочих начальств и судов, в глухой сей и отдаленной стороне бесстрашно прежде на всякие наглости поступавших. По моему примечанию, я нашел народ сей разумным, расторопным и довольно склонным к мирному и бессорному сожительству. Сие по опыту я утверждаю. Разум их и расторопность известна, можно сказать, целому государству, ибо где олончане по мастерству и промыслу своему незнакомы?»

Как всегда, необычайно живо и восторженно воспринимал Державин могучую красоту своеобразной карельской природы. Поэтические картины теснились в его уме, он запоминал их, чтобы потом оживить в стихах.

Державин и его спутники совершили поездку на водопад Кивач. Под свежим впечатлением в «Поденной записке» появилось его описание:

«В версте от порогов показался на правом берегу дым, который по мере приближения сгущался. Наконец, пристав и взошед на гору, увидели мы пороги сии. Между страшными крутизнами черных гор, состоящих

из темно-синего крупнозернистого гнейса, находится жерло глубиною до восьми сажен; в оное с гор, лежащих к востоку и к полудню, падает с великим шумом вода, при падении разбивается в мелкие брызги наподобие рассыпанной во множестве муки; пары, столбом восстающие, достигают до вершины двадцатипятисаженных сосен и оные омочают... Чернота гор и седина биющей с шумом и пенящейся воды наводят некий приятный ужас и представляют прекрасное зрелище».

Это проза, деловитое перечисление увиденного. Определены на глаз размеры сосен, глубина «жерла» водопада, порода каменистого ложа потока. А вот как зарисовал поразившую его картину Кивача Державин в своей оде «Водопад»:

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.
Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.
Седая пена по брегам
Лежит клубами в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! В твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Поэтическое описание водопада открывает одну из наиболее известных од Державина и настраивает читателя на размышления о славе и чести, о жизни и смерти, о судьбе человеческих деяний в потоке времени. В бездне и мгле небытия исчезают ложная гордость, мнимое великолепие богачей, в памяти поколений остаются подвиги, совершенные на пользу людям, добрые дела:

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы...

Об этом думал Державин, вспоминая через несколько лет водопад Кивач, очаровавший его воображение своей мощной красотой и силой.

Во время объезда губернии Державин получил предписание наместника отправиться дальше на север, к Белому морю, и торжественно открыть в поселке Кемь уездный город.

Новый путь и новые трудности... Державин двинулся в Кемь. Сухим путем туда летом проехать было невозможно. Державин добрался до Сумского острога, поселка на берегу Белого моря, пересел в лодку и сто верст проделал морем. Плавание было рискованным, ибо начались уже осенние бури.

Наконец вот и Кемь. Тутолмин сообщил Державину, что там все подготовлено к открытию города и чиновники уже на местах. Где же они? Где городской магистрат, уездный суд, нижняя земская расправа? Обойти несколько десятков домов было недолго. На расспросы приезжих жители отвечали недоумением: рыбацкий поселок Кемь ровнешенько ничего не знал о выпавшей на его долю чести стать уездным городом и к своей новой роли никак не подготовился.

Однако город Кемь уже существовал в губернских документах, и Державин должен был его торжественно открыть. Не зря же он сотни верст прошел по бездорожью сюда, на берег Белого моря! Но что же можно тут открывать и как это делается?

Державин решил не выдумывать никаких церемоний и ограничиться только молебном и освящением города. Послали за попом, но и тут неудача: уехал на сенокос. Куда? На берегу искать нечего, там покосов нет — значит, уехал на острова. Снарядили лодку на розыски. Лишь через два дня священника нашли на одном из дальних островов и привезли в Кемь. Он отслужил молебен, Державин объявил собравшимся, что селение отныне становится городом Кемь, и священник поспешил обратно на сенокос, а олонецкий губернатор рапортовал в сенат о том, что во владениях Российской империи появился новый уездный город.

Из Кеми Державин хотел проехать в Соловецкий

монастырь, расположенный на острове в семидесяти верстах от берега. Отправились на шестивесельной лодке. На море началось волнение, перешедшее в бурю. Небо заволоклось тучами, прогремел гром, стало совсем темно, и только разряды молний освещали бушевавшее море.

Продолжать путь было невозможно. Лоцман стал править на каменный остров, у которого хотел переждать бурю, иначе лодку могло вынести в открытое море. Но при повороте к острову паруса ослабли, лодка зачерпнула воду и грозила гибелью. Спутники Державина, Эмин и Грибовский, укачавшиеся на волнах и напуганные, лежали без чувств.

Державин не потерял присутствия духа, подбодрял гребцов, и отчаянным напряжением сил они подвели лодку к одному из островков, укрыв ее за камнями. Буря продолжала греметь, но непосредственная опасность миновала. Проведя ночь на мокрых голых камнях, путники наутро поплыли к берегу и кое-как добрались до поселка Онега.

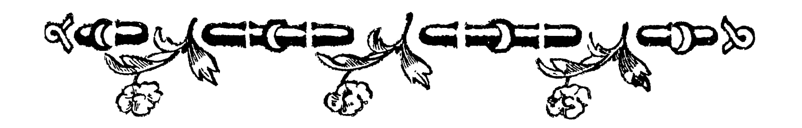
Таково было знакомство Державина с Белым морем. В «Поденной записке» своей экспедиции он не рассказывает об этом эпизоде. Воспоминание о нем отразилось в стихотворении «Буря»:

Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо;
В шуме их надежд я полн...

Из своего путешествия Державин через Каргополь и Вытегру в половине сентября 1785 года возвратился в Петрозаводск. Его ожидали бесчисленные служебные неприятности, подготовленные генерал-губернатором и стоявшими за ним чиновниками. Сделать что-либо полезное для края в таких условиях Державин не мог и думать. Интрига против него поддерживалась в Петербурге генерал-прокурором Вяземским, и бороться с ней в одиночку было трудно. Собственная горячность и раздражительность Державина на каждом шагу портили дело.

Державин решил переменить место службы. Дальше оставаться в Петрозаводске он не мог. При-

ведя в полный порядок дела по губернии, покрыв из своих денег тысячную растрату Грибовского, попрощавшись с немногими петрозаводскими друзьями, Державин выехал в Олонец и Лодейное Поле под предлогом осмотра этих уездов. С дороги он послал Тутолмину рапорт об отпуске и, не возвращаясь более в Петрозаводск, отправился в Петербург. Там Державину довольно легко удалось получить перевод на такую же должность губернатора в другое наместничество — Тамбовское, и он стал готовиться к выезду.

Глава 8

ДЕРЖАВИН В ТАМБОВЕ

Тамбовское наместничество состояло из двух губерний — Рязанской и Тамбовской. Его открыли в 1779 году, и служебная машина там двигалась полным ходом.

По сравнению с Олонецкой губернией Тамбовская имела чуть не втрое меньшую площадь, но плотностью населения превосходила ее в четыре с лишним раза. Это был старый земледельческий край с барщинным крепостным хозяйством, находившимся в руках великого множества мелких помещиков, владельцев десяти, двадцати, сорока крепостных мужиков. Своей промышленностью губерния еще совсем не располагала, промыслы в ней были развиты слабо.

Губернский город Тамбов насчитывал десять тысяч жителей и был далеко не самым большим в губернии. Гораздо крупнее по своему торгово-хозяйственному значению и по числу жителей были такие города, как Козлов (ныне Мичуринск), Моршанск, Липецк и другие. Тамбов среди них занимал только седьмое место.

Когда-то — и не так уж давно, в XVII столетии, — Тамбов строился как пограничная крепость, защищавшая подступы к Москве от крымских татар. С годами он, конечно, утратил свое военное значение, но никакого другого не приобрел и ко времени приезда Державина являл собой вид довольно захолустный.

Впрочем, таким он оставался и спустя полвека после Державина, таким его и показал Лермонтов в поэме «Казначейша», написанной в 1836 году:

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда,
Он прежде город был опальной,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин»
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;
Там зданье лучшее острог.
Короче, славный городок.

Если сказать правду, то каменные будки в Тамбове, и «зданье лучшее», и большой каменный мост на астраханской дороге, и многие другие сооружения в городе были построены Державиным. Сам же он по приезде не застал в Тамбове ни прямых улиц, ни каменных домов, не говоря уже о мостовых и фонарном освещении. Город был сплошь деревянным и ветхим.

Державин выехал из Петербурга в феврале 1785 года после встречи со своим начальником — генерал-губернатором Тамбовского наместничества Гудовичем, от которого получил инструкции.

Наместник, генерал Иван Васильевич Гудович, — впоследствии граф, генерал-фельдмаршал, а в 1812 году главнокомандующий Москвы,—был человеком военным и к гражданским делам склонности не имел. Жил наместник в Рязани, охотился в свое удовольствие и службой занимался мало. Однако нити управления не терял и следил за тем, что делали губернаторы.

Гудович произвел на Державина при встрече очень хорошее впечатление. Ему понравились служебные бумаги, подписанные Гудовичем, «потому что везде ссылается на законы и их одних берет за основание: то чего же мне по моему нраву лучше?» — сообщал он одному из петрозаводских чиновников.

Но, приглядевшись поближе, Державин стал менять свое мнение о Гудовиче и, как у него водилось, громко заговорил о непорядках в управлении наместничеством. Это не могло понравиться генерал-губернатору. Державин стоял на своем и не стеснялся порицать ошибки начальника и его приближенных. Те, в свою очередь, выискивали промахи Державина, и взаимная вражда загорелась.

Вспыльчивый, бурный, неспособный к компромиссам в служебных вопросах Державин, конечно, был немало повинен в резкости этих столкновений с наместником и со всеми губернскими чиновниками. Однако главное заключалось не в характере Державина, как многие думали, а в том, что он работал необычайно добросовестно, не щадя своих сил, руководился прежде всего интересами дела и требовал того же от подчиненных, что не нравилось им, да не подходило и Гудовичу.

Державин не стеснялся ломать установившиеся служебные порядки, для того чтобы ускорить решение оперативных вопросов и с честью выполнить обязанности правителя губернии, которые он, кстати сказать, понимал весьма широко. Чиновники же во главе с Гудовичем предпочитали служить потихоньку, избегать крайностей и обострений, исполнять только то, что можно было сделать без особых усилий, на все другие случаи имея отговорки и отписки, носившие вполне официальный характер.

Державин никогда не мог забыть того, что он увидел и понял в дни пугачевского восстания; произвол и беззаконие властей стали для него злейшими врагами, и он постоянно преследовал их. Именно отсюда идут конфликты Державина с представителями власти в губерниях, которым он мешал на каждом шагу, нарушая спокойное течение службы своими требованиями законности и бескорыстия.

Приняв должность в Тамбове, Державин внимательно ознакомился со всеми губернскими учреждениями, везде побывал, выслушал чиновников, перелистал бумаги. Он сразу же увидел, что дела, особенно в судах, вершились крайне медленно, а решения ча-

сто противоречили законам и указам. Городская тюрьма была переполнена. Арестанты — «колодники» — содержались в земляных ямах, в холоде и голоде, множество людей подолгу томилось в заключении без следствия и суда.

Державин возмущенно доложил об этом наместнику и, не дожидаясь его резолюции, принялся действовать, желая облегчить положение заключенных. Так как строительных материалов отыскать в городе не удалось, Державин приказал разобрать несколько ветхих домов, принадлежавших казне, и построить новые камеры, а в старых произвести ремонт, что и было под его присмотром выполнено.

Приговоры тамбовской уголовной палаты вызвали большое недовольство Державина. «Я примечаю, — писал он Гудовичу, — что обвиняются здесь всегда малые чины, а большие, коих из дел сих изволите увидеть, оправдываются. По мнению моему, закрывать в искании и в приговоре винного, не есть человеколюбие, но напротив, зло, вредящее обществу. Гораздо бы более признал я соболезновательных к преступнику чувствований, ежели бы дело его решалось скорее и он бы под стражею содержался нежестокосердно».

Упрекая судей в медленном вершении дел, Державин советовал им хотя бы раз в жизни заглянуть в тюрьму, куда они отправляют людей, и увидеть, в каких условиях те находятся. Под угрозой строгих наказаний он заставлял суды быстро рассматривать дела и не томить в тюрьмах невинных.

Как и в Петрозаводске, Державин в Тамбове испытывал большие трудности с подбором чиновников. В письмах к знакомым в Петербург и Москву он не раз просил рекомендовать ему служащих, вплоть до переписчиков, копиистов. «Здесь крайняя в сих людях нужда, — писал он, — а особливо ежели бы были хорошего состояния, а более не пьяницы». Но таких чиновников с трудом можно было в то время отыскать и в столичных канцеляриях.

Не годились к службе и многие старшие должностные лица. Их также хотел бы заменить Державин, однако его попытки ни к чему не приводили.

Каждый губернский туз имел каких-либо влиятельных знакомых в окружении наместника или в Петербурге и крепко держался за свое место.

Между собой тамбовские чиновники, как, впрочем, и чиновники во всех других городах, были связаны круговой порукой, покрывали друг друга, вместе обирая казну и просителей, обращавшихся к ним за решением дел. Державин столкнулся тут с системой управления, характерной для всех учреждений и ведомств Российской империи, и напрасно надеялся этот порядок сломать. Так, советник тамбовской уголовной палаты Вельский в свое время был приговорен к каторге за преступления по должности, но вскоре получил помилование и оказался на свободе. Впрочем, ему была запрещена государственная служба. Но и этот запрет он легко обошел. По желанию жены генерал-прокурора княгини Вяземской Бельский был назначен в Тамбов, где сейчас же принялся за прежнее. Он открыто брал взятки с правого и виноватого, что возмущало порой более совестливых его сослуживцев, нерешенные дела годами залеживались в судейских шкафах — и все сходило Вельскому с рук. Кроме Вяземского, ему покровительствовал крупный вельможа Л. А. Нарышкин, близкий приятель императрицы, и потому Вельский безнаказанно бесчинствовал в Тамбове. Снять его с должности Державину не удалось, ему было разрешено применить только «меры словесного воздействия», для такого прожженного мошенника и лихоимца совершенно бесполезные.

Не мало подивился Державин, не найдя в тамбовских кабинетах и судах ни одного сборника законов, ни одного юридического пособия и трактата. Судьи выносили приговоры, не подкрепляя их ссылками на законы, и весы правосудия служили тому, кто больше даст. Державин с ужасом сообщал об этом своим корреспондентам, упрашивая их купить и выслать в Тамбов книги законов. «В здешней губернии, — писал он, — великий недостаток в законах: безызвестно, были ли они когда здесь в употреблении».

По свойственной ему честной наивности Державин думал, что Тамбов, вероятно, был каким-то несчастливым исключением в своем блаженном неведении законов. Напрасно! В таком же состоянии пребывали и все остальные города Российской империи, да и в столицах редкие правители дел поступали, сообразуясь с законами, а больше руководствовались своей корыстью и выгодой.

Книг, просимых Державиным, как и следовало ожидать, друзья его найти не смогли. Прислали ему только «Адмиралтейский регламент» и полковничью инструкцию — документы, к делам тамбовской юстиции никакого отношения не имевшие, творить суд над городскими жителями они не помогали. Так и не удалось Державину поправить «недостаток в законах» на месте его новой службы.

Правитель губернии вовсе не ограничивал свои интересы только судебными учреждениями, он смотрел гораздо шире. Жизнь в Олонецком крае показала Державину выгоду и значение водных путей. Река Цна, на которой расположен Тамбов, была несудоходной. Дороги на Тамбовщине, конечно, существовали, но пользоваться ими удавалось только зимой и летом. Распутица делала их совсем непроезжими. Как подвозить к городу строительные материалы? А их требовалось немало: Державин задумал в Тамбове большие работы. Дело могло бы пойти скорее, если сделать Цну поглубже, чтобы по ней ходили баржи и плоты. Но осуществимо ли это?

В мае 1786 года Державин отправил землемеров по берегу Цны до впадения ее в Мокшу, чтобы изучить берега и водный режим реки. Сам он выезжал в Моршанск, чтобы на месте обсудить проект будущей плотины. Казалось возможным с помощью нескольких плотин и шлюзов превратить Цну в судоходную артерию, а вместе с ней и другие тамбовские реки — Моршу и Мокшу. Свой проект улучшения водных путей Тамбовской губернии Державин представил наместнику, тот послал его генерал-прокурору Вяземскому, но в средствах было отказано, и проект отправился в архив. А в нем содержались дельные предложения.

Приезд Державиных в Тамбов очень оживил жизнь города. Стараниями Екатерины Яковлевны губернаторский дом вскоре превратился в общественный клуб, имевший даже свои кружки, образовательные и самодеятельные. Только кабинет хозяина остался непроницаем для гостей. В остальных комнатах каждый день собиралась молодежь — дети, юноши, девушки. По воскресеньям устраивались балы, по четвергам — концерты, к большим праздникам готовились театральные представления. Кроме написанных Державиным торжественных прологов на открытие в Тамбове театра и народного училища, в доме губернатора и его друзей Ниловых ставились трагедии Сумарокова, комедия Фонвизина «Недоросль», пьесы Мармонтеля.

Для молодежи были устроены классы русской грамматики, арифметики и геометрии, выписан из Петербурга танцмейстер, дававший свои уроки дважды в неделю. Губернаторша, большая искусница, занималась с девушками рисованием и шитьем. Под ее руководством изготовлялись и театральные костюмы. Все эти начинания, как считал Державин, «не токмо служили к одному увеселению, но и к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходительно, что ни одеться, ни войти, ни обращаться, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах».

Театральные представления в частных домах скоро перестали удовлетворять Державина. Он начал постройку тамбовского театра и скомплектовал городской оркестр, чтобы в нужных случаях не просить у богатых помещиков их крепостных музыкантов.

Вскоре после открытия в Тамбове главного народного училища в доме Державина состоялся спектакль. Была поставлена комедия М. И. Веревкина «Так и должно», в которой весьма выразительно выведены фигуры чиновников, плутов и крючкотворов. Спектаклю предшествовал «Пролог», сочиненный Державиным.

«Пролог» имел аллегорический характер. Прежде всего в нем изображался «дикий, темный лес», что, по разъяснению Державина, означало «тогдашнее мало-

образованное тамбовское общество». Некий Пустынник прорубает в лесу просеку — это Петр I прокладывает путь к свету. Затем восходит солнце, под которым подразумевается Екатерина II, и на облаке слетает Гений, вооруженный аспидной доской и грифелем. Он разъясняет цели просвещения и призывает:

Внимай меня, кто б ни был ты таков!
Убогий и богач, подвластный и свободный,
И пахарь, и купец, и раб, и благородный!

Державин указывает, что в этих словах заключался «намек на то, что училище было открыто для всех сословий».

Потом Гений набирает учеников, и являются музы Талия и Мельпомена, выражающие намерение остаться в этом преображенном лесу, где «пишут, кажется, и могут мыслить». Талия заявляет, что она примется обличать «все то, что скаредно, и гнусно, и порочно», в том числе

Безмозглых стихотворцев,
Бесчестных крючкотворцев,
Кащеев, гордецов,
И пьяниц, и мотов,
Господ немилосердных
И мудрецов безверных...
А буду только тех хвалою прославлять,
Кто будет нравами благими удивлять,
Себе и обществу окажется полезен,
Будь барин, будь слуга, но будет мне любезен.

«Пролог» заканчивался торжественным апофеозом и произвел на зрителей большое впечатление: Тамбов впервые знакомился с театральными зрелищами.

Державин открыл в Тамбове типографию, выписав для нее шрифты и печатный станок из Москвы от известного книгоиздателя и замечательного русского просветителя Н. И. Новикова. В типографии стали сразу же печататься не только казенные ведомости, но и книги. Был издан ряд переводов — «Позорище (то есть, зрелище!) природы» Фенелона, «Дух Гельвеция», несколько романов. Переводы принадлежали тамбовским знакомым Державина, преимущественно дамам, и выполнялись с французского языка. Отдельными изда-

ниями вышли некоторые оды Державина. За несколько лет типография выпустила двадцать книг — цифра немалая для провинциального города того времени.

Много забот и трудов положил Державин, чтобы открыть в губернии народные училища. В Тамбове не было ни одного учебного заведения, если не считать гарнизонной школы для солдатских детей, где учили «барабанной науке», умению бить в барабан. Уроки грамоты давал желающим один заштатный пономарь, но выучивал он только чтению — парализованная правая рука не позволяла ему писать. В помещичьих имениях встречались иногда свои Вральманы, иностранные гувернеры, но тамбовские Митрофанушки узнавали от них не больше, чем фонвизинский недоросль.

Бесплатные народные училища в Тамбове и уездных городах, как всякие новшества, были встречены враждебным недоверием среди мещанства и купечества. Из всех уездов писали губернатору одно и то же: «Впредь к изучению в училище отдавать детей мы не намерены. Того ради содержать училища желания нашего не состоит и мы не видим для себя от них пользы».

Но Державин, вооруженный указом правительства об открытии народных училищ, разъяснял, убеждал, приказывал, и новые школы возникали в Козлове, Лебедяни, Елатьме, Моршанске и других уездных городах.

В Тамбове в сентябре 1786 года открылось торжественной церемонией Главное народное училище. Державин написал речь о пользе наук и училищ, которую выучил и прочитал тамбовский житель однодворец Захарьин. Речь, автором которой считали самого Захарьина, очень понравилась, была позже напечатана в Петербурге, и оратор получил награду.

Будничная жизнь тамбовских училищ налаживалась, однако, с трудом — не хватало учителей, не было учебных принадлежностей. Державин на свои деньги выписывал из Москвы аспидные доски, грифели, рейсфедеры и где только мог вербовал учителей, находя их главным образом в духовных семинариях в Рязани и Нижнем Ломове. При объездах губернии Державин

всегда посещал училища, слушал уроки и принимал участие в экзаменах.

В январе 1787 года Тамбовская губерния подверглась сенатской ревизии. Сенаторы осмотрели уездные и губернские учреждения и остались довольны виденным. Рапорт сенаторов, вслед за которым Державин получил орден Владимира третьей степени, был первым и последним одобрением со стороны властей его губернаторской деятельности. Сразу затем для Державина началась полоса тяжелых испытаний. Они обрушились со всех сторон: преследования по службе, сплетни, клевета, судебный процесс, денежные затруднения и неудачи. Нужна была большая стойкость, чтобы пройти через эти испытания и отразить удары многочисленных противников.

Независимый и прямой характер Державина, его нетерпимость к злоупотреблениям, искреннее желание трудиться на пользу государства находились в разительном противоречии с устоявшимся укладом чиновничьего круга в Тамбовском наместничестве, как это было и в Петрозаводске. Наместник Гудович остался недоволен уже самыми первыми шагами тамбовского губернатора, например его заботами об арестантах. Гудович сейчас же донес сенату, что Державин потворствует заключенным и «вместо рабочего дома построил белые тюрьмы». Он оставил без внимания непорядки и растраты, обнаруженные Державиным в казенной палате, и доносил в Петербург, что тамбовский губернатор занимается «по большей части сочинением пустых следствий, газет и тому подобного». Гудович никак не хотел наказывать изобличенных во взятках чиновников, в том числе тамбовского вице-губернатора Ушакова, директора экономии Аничкова — ближайших сотрудников Державина. Они знали об этой поддержке Гудовича и потому продолжали пользоваться своей властью по-прежнему, открыто смеясь над попытками Державина призвать их к порядку.

Державин, и вообще-то не отличавшийся терпением, был крайне раздосадован на чиновников и на генерал-губернатора, а потому еще более склонялся в сторону крайних и скорых мер, в проведении которых ему не

могли бы успеть помешать ни начальник, ни подчиненные. Этим самым он не раз давал повод для упреков в превышении власти, о чем немедленно его противники докладывали в Петербург.

Пользуясь тем, что Державин везде отыскивал и закупал кирпич для городских построек, первый тамбовский богач купец Матвей Бородин предложил губернатору миллион кирпичей. Державин отправил городского архитектора и чиновника строительной комиссии проверить кирпич на складах Бородина. Те доложили, что кирпич на месте и качество его отличное. Державин распорядился произвести покупку, и Бородин получил наличными изрядную сумму. А когда весной поехали за кирпичом, склады оказались пустыми. Бородин подкупил чиновников и вместе с ними обманул казну.

Державин пришел в бешенство. Он требовал предать суду обманщика купца и взяточников из строительной комиссии и писал наместнику: «Ежели сие столь бесстрашное и явное похищение казны в основателе, можно сказать, по здешнему месту многих плутовств, Бородине, по законам строго не накажется, то я безнадежен произвести здесь что-либо полезное: ибо один худой или добрый корень бывает многим себе подобным отраслям причиною».

Однако протесты Державина остались без последствий. Гудович не только не стал преследовать Бородина, но и согласился предоставить этому явному мошеннику винный откуп в Тамбовской губернии на четыре года. По тогдашним правилам откупщик платил в казну определенную сумму и за это имел монопольное право торговать водкой в пределах губернии. Щедро подкупленные Бородиным, чиновники заведомо преуменьшили сумму откупных денег, нанеся убыток казне, как подсчитал Державин, в полмиллиона рублей.

Сдача откупа Бородину была проведена помимо Державина. За его спиной тамбовские чиновники отправили документы в канцелярию наместника и сразу получили его утверждение: деньги Бородина в Рязани значили едва ли не больше, чем в Тамбове. И, несмот-

ря на бурные обращения Державина к наместнику, его предупреждения о недобросовестности Бородина, откуп остался за хитрым купцом.

А когда через год Бородин прогорел, объявил себя банкротом, виновным в убытках казны оказался Державин. Гудович провел через сенат, где его охотно поддержал генерал-прокурор Вяземский, указ о том, чтобы Державин заплатил за Бородина штраф в семнадцать тысяч рублей! Вот что значило для Державина стать неугодным наместнику и петербургскому начальству.

Вскоре вышла и совсем неприятная история. Русская армия, вступившая осенью 1787 года в войну с турками, очень плохо снабжалась продовольствием и фуражом. Главнокомандующий Потемкин отправил своих комиссионеров в хлебородные губернии для закупки провианта. Деньги они должны были получать у губернаторов, о чем состоялся особый указ.

В Тамбовское наместничество за хлебом приехал от Потемкина купец Гарденин. Заключив сделки с помещиками и раздав им авансы, он пришел к Державину за деньгами, намереваясь в Тамбове получить тридцать пять тысяч рублей согласно разнарядке из Петербурга. Эти деньги нужны были немедленно, чтобы успеть купить и отправить хлеб на юг речным путем, дешево и быстро, не упустив полую воду. При задержке расчета помещики могли отказаться от сделок.

Державин со всей серьезностью выслушал Гарденина и заверил, что Тамбовская губерния выплатит свою долю. Но сказать оказалось легче, чем сделать. Финансами распоряжалась казенная палата, председатель палаты вице-губернатор Ушаков — враг Державина — отказал в выдаче требуемой суммы, ссылаясь на то, что денег нет. После строгих настояний Державина Ушаков кое-как выдал семь тысяч рублей и, чтобы прекратить дальнейшие требования, уехал из Тамбова в свою деревню.

Что тут оставалось делать Державину? Писать наместнику, в Рязань — уйдет много дней, армия останется без хлеба. Распорядиться самому? Но ведь какой шум подымут неприятели Державина за такое неслы-

ханное самоуправство! А голодные солдаты? Неужели они должны страдать из-за чиновничьих придирок и нерадения губернатора?

И Державин решился. Он приказал произвести ревизию казенной палаты и опечатать наличные суммы. Как и ожидал Державин, деньги нашлись, и немалые — около двухсот тысяч рублей. Заодно обнаружилось, что чиновники казенной палаты подолгу задерживали перевод денег в Петербург, раздавали их в рост, под проценты, купцам и составляли фальшивые отчеты.

Гарденин получил деньги, расплатился за хлеб и успел отвезти его к сроку в армию, но для Державина настали черные дни. На него обрушился наместник, чиновники казенной палаты жаловались, что он силой заставлял их открывать сундуки и избивал нещадно... Словом, пошла писать губерния — и не в переносном, а в прямом смысле этого слова — донос за доносом на Державина.

Губернские злыдни не пощадили и жену Державина, кроткую Екатерину Яковлевну. Ей тоже приписали буйный характер; словесную перепалку с женой председателя гражданской палаты изобразили в виде драки с увечьями. Муж мнимой пострадавшей послал жалобу на Державина самой императрице, уверяя, что Екатерина Яковлевна избивает чиновниц по наущению мужа. И эта бумага была подшита в сенате к «делу» Державина, час от часу разбухавшему все толще и толще. Даже генерал-губернатор Гудович прислал особую жалобу на оскорбление Державиным: тот, дескать, силой заставлял начальника идти в правление решать дела и выговаривал ему за леность к службе.

В августе 1788 года сенат изложил Державину в указе все его грехи и потребовал объяснения. Державин хотел отправиться в Петербург — ему не позволили. От должности губернатора Гудович его освободил, не дожидаясь сенатского приговора. Тамбовские чиновники сторонились Державина как зачумленного. Никто не приходил к Державиным, и их никуда не приглашали. Обстановка бойкота окружила опального губернатора, повинного только в том, что он для общей пользы пытался ускорить течение служебных дел

и решал вопросы по существу, без канцелярских отписок.

Петербургские друзья Державина, которым он часто писал в эти тревожные недели, осуждали его поведение, находили безрассудным, советовали соблюдать покорность и жить со всеми в мире, но помочь не обещали. Зато не было недостатка в пожеланиях терпеливо сносить невзгоды и ожидать, пока отпадут ложные обвинения.

Однако тучи над головой Державина все сгущались. В декабре 1788 года сенат по решению Екатерины II отдал бывшего тамбовского губернатора под суд за служебные проступки и обязал его явиться в Москву.

Державин не обольщал себя розовыми надеждами. Он вполне отдавал себе отчет в том, что стал поперек дороги видным в империи вельможам и что за разоблачение их плутней мог не ждать себе пощады. «С сильным не борись, с богатым не судись», — повторял он пословицу, когда вспоминал, что суд сената целиком подчинен воле генерал-прокурора Вяземского, его злейшего неприятеля. Однако Державин не складывал оружия. Он собирал справки по своему делу, писал разъяснения и по каждому пункту обвинения готовился дать обстоятельный и правдивый ответ. В открытой схватке с Вяземским ему мог бы помочь Потемкин — ведь он особо благодарил Державина за успех закупок Гарденина, за присланный в Дунайскую армию хлеб. Но Потемкин не торопился выезжать с юга.

Гудовичу и Вяземскому Державин, отрешенный от должности и отданный под суд, перестал казаться опасным противником. Следствие могло тянуться годами, с приговором не стоило спешить — судебная волокита измотала бы непокорного поэта-губернатора хуже всякого наказания. И московские сенаторы, начав слушать бумаги по делу Державина, с недели на неделю переносили свои заседания, выбрав благовидный предлог — болезнь сенатора князя Волконского.

Терпению Державина скоро пришел конец. После очередного откладывания он отправился к князю Вол-

конскому, кстати говоря, родственнику генерал-прокурора, не без умысла затягивавшему дело, и начистоту с ним объяснился.

— Вы, слава богу, князь, уже здоровы, — сказал Державин, — но в сенат выезжать не изволите, хотя там мое дело уже с полгода единственно за неприсутствием вашим не докладывается. Вы делаете это мне притеснение из угождения только князю Вяземскому, но и я могу обратиться к государыне, раскрыв причины неприязни ко мне генерал-прокурора. Я знаю о нем многое. Вяземский раздает жалованье и пенсионы кому захочет, не ожидая именных указов, утаивает государственные доходы, чтобы в нужную минуту заявить о наличии денег, в то время как все уверены, что их нет. Я все крючки и норы знаю, где умышленно скрываются государственные средства, назначенные для перевода за границу, а ими пользуются частные лица, прислуживающие Вяземскому. Хоть десять лет буду под следствием, но представлю нелживую картину худого его казной управления.

Обо всем этом Державин и раньше говорил и писал, почему и навлек немилость генерал-прокурора. Волконский, услышав столь резкие речи, перепугался, обещал ускорить разбирательство и действительно стал появляться в сенате.

Тем временем Потемкин в ореоле покорителя Очакова, героя победоносной русско-турецкой войны, прибыл в Петербург. Державин написал ему и императрице и принялся ожесточенно отражать обвинения, сыпавшиеся на него в сенатском суде. Ему удалось дать ответ по всем пунктам, показать правильность своих действий, и сенат в июне 1789 года вынес Державину оправдательный приговор, чему причиной была не столько очевидная правота Державина, сколько расположение к нему Потемкина, ставшее широко известным. Бороться с влиянием Потемкина Вяземский не осмелился и нехотя уступил.

Вслед за благополучным окончанием судебного процесса Державин стал улаживать свои денежные дела, добился сложения штрафа в семнадцать тысяч за Бородина и отвел другие претензии, возникшие во

время следствия. Но его тяготила неопределенность служебного положения. Если он оправдан — значит должен получить свое место или принять новое назначение. Однако ничто не показывало, что его хотят вернуть к делу.

Тогда Державин обратился к императрице. Он благодарил за правосудие и выражал желание объяснить ей, что произошло в Тамбовском наместничестве и почему без всякой вины ему пришлось побывать под судом.

Как-никак при всей своей строптивости и неуменье жить в ладу с начальниками, Державин был автором «Фелицы», известным поэтом — и Екатерина скрепя сердце согласилась его принять. Ей не могли не казаться чудачеством, донкихотством всегдашние обращения Державина к законам и его нетерпимое отношение к людским слабостям, как она выражалась: во взятках царица не видела большого греха и знала, что ему причастны все ее приближенные.

Державин принес во дворец пухлый том в кожаном переплете — свои бумаги и документы по Тамбовскому губернаторству; однако как-то догадался оставить эту книгу в аванзале перед кабинетом императрицы и не испугал ее скукой выслушивать чтение служебных бумаг.

Екатерина приняла благодарность Державина и спросила, о чем еще он хочет ей рассказывать и почему не написал всего подробно по запросу сената.

— В ответах нужно было писать только о том, что спрашивают, — пояснил Державин, — а о посторонних вещах надо докладывать особо.

— Хорошо, — сказала Екатерина, — но не имеете ли вы чего в нраве вашем, что ни с кем не уживаетесь?

— Я не знаю, государыня, имею ли какую строптивость во нраве моем, но только то могу сказать, что я умею повиноваться законам, когда; будучи бедный дворянин и без всякого покровительства, дослужился до такого чина, что мне вверялись в управления губернии, в которых на меня ни от кого жалоб не было.

Державин говорил смело. Он в самом деле не считал себя строптивым человеком. Его столкновения с ге-

нерал-прокурором, с наместниками происходили не от вредности характера. Державин требовал соблюдения законов, это было очень немного, но и такая претензия казалась неуместной екатерининским вельможам, да и самой императрице, вовсе не желавшей с ними ссориться и лишать себя опоры в правлении.

— Но для чего, — спросила Екатерина, — не поладили вы с Тутолминым?

— Для того, что он принуждал управлять губерниею по написанному им самопроизвольно начертанию, противному законам.

— Для чего же не ужился с Вяземским?

Что должен был ответить Державин? Разъяснить Екатерине непорядки в финансах, хитрости Вяземского и его помощников? Екатерина сама знала своих приближенных. И он назвал не самую главную причину своих сенатских столкновений.

— Вам известно, что я написал оду «Фелице». Князю Вяземскому она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать, придираться ко всякой безделице. Я ничего другого не сделал, как просил об увольнении, и был отставлен.

— Что ж за причина несогласия с Гудовичем?

— Интересы вашего величества, — ответил Державин, — и ежели угодно, то сейчас представлю целую книгу, которую в соседнем зале оставил.

Царице было неугодно выслушивать объяснения Державина.

— После, — сказала она.

Однако Державин не спешил уходить, радуясь случаю объяснить все самой государыне. Пусть она не хочет говорить о Тамбове — есть и более важные предметы. Державин вытащил из кармана докладную записку и принялся вычитывать Екатерине о том, как винные откупщики разоряют народ, как незаконно в губерниях повышается цена на соль, как чиновники берут в аренду тысячи десятин казенных земель за баснословно низкую плату, какой ущерб наносится...

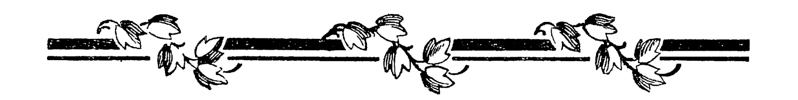
— После, после, — повторила Екатерина. — Я посмотрю. Прощайте. Вашу записку я передам в сенат.

Оставалось поклониться и уйти. Дело сделано. Те-

перь императрица не сможет сказать, что она не знает о воровстве и казнокрадстве, которые процветают в России при попустительстве сената. Державин не терял еще надежды на утверждение в стране законов и по-прежнему готов был биться за них, ничему не научившись на своем горьком опыте.

А Екатерина, отпустив Державина, в разговоре со своим секретарем Храповицким так подвела итоги этой беседы:

— Я ему сказала, что чин чина почитает. В третьем месте не мог ужиться; надобно искать причины в себе самом. Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи. — И добавила по-французски: — Должно быть, не очень он доволен разговором со мной...

Глава 9
«ОТ ДОЛЖНОСТЕЙ В ЧАСЫ СВОБОДНЫ...»

Царица ошибалась, считая, что Державин остался недоволен беседой с нею. Он так не думал. Высказав все, что считал нужным, Державин почувствовал себя спокойнее. Так или иначе, тамбовская история закончилась, сенатский суд признал правильность его действия, козни Вяземского и Гудовича были теперь не страшны. Оставалось ждать нового назначения.

Однако с ним вовсе не торопились. Екатерина распорядилась выплачивать Державину жалованье, но на каком-либо служебном посту видеть его не хотела. Царица предпочитала иметь дело с покорными исполнителями ее воли, так было спокойнее.

Державин ездил по воскресеньям во дворец, завел знакомство с молодым фаворитом государыни Платоном Зубовым, чья звезда засияла на придворном горизонте.

Зубов служил корнетом конногвардейского полка. Когда на него обратила внимание императрица, ей было шестьдесят лет, Зубову — двадцать два. Молодой офицер мгновенно очутился вознесенным на вершину почестей, получил высшие звания, ордена, богатство, почет. Тут легко могла закружиться и более крепкая и опытная голова. Державин бывал у Зубова, желая, чтобы фаворит помог ему вернуться к службе, но надежды его не сбывались. Новую оду Державина «Изображение Фелицы» Екатерина прочита-

ла, особенного одобрения не выразила. Поэт напомнил о себе, стихи его по-прежнему были звучны и красивы, но и мысли остались прежними, тамбовская история ничему не научила упрямца. Сквозь пышные краски портрета разумной красавицы царевны проступали строки суровых наставлений Державина, слушать которых императрица вовсе не желала:

Развратные вельможей нравы —
Народа целого разврат.
Ваш долг — монарху, богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать;
Пристрастный суд — разбоя злее;
Судьи — враги, где спит закон;
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон...

Нет, никакого самостоятельного назначения Державин больше у нее не получит. Довольно уж покомандовал и поучил. Пусть на досуге упражняется в стихах, все меньше с ним забот...

Державин пользовался своим вынужденным отдыхом и много писал. Годы, проведенные в Петрозаводске и Тамбове под игом губернаторских обязанностей, были совсем неблагоприятны для творчества. Из-под его пера выходили служебные бумаги, но стихи не шли. Мысли и впечатления накапливались и ждали своего срока, чтобы излиться. Теперь такое время настало. Одну за другой Державин создает замечательные оды «На счастие», «На взятие Измаила», «Водопад», «Ко второму соседу» и заканчивает оду «Видение мурзы».

Штурм крепости Измаил русскими войсками 11 декабря 1790 года был главным событием русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Измаил, отлично укрепленный, обладавший сильным гарнизоном и сотнями орудий, считался неприступной твердыней. Решившись взять Измаил, главнокомандующий Потемкин поручил штурм Суворову. После недолгой, но энергичной подготовки войск Суворов подступил к стенам крепости. В кровопролитном бою русские солдаты и

офицеры показали истинные чудеса храбрости и упорства. Они одержали блестящую победу — Измаил был взят, и турецкая военная мощь разгромлена.

В своих стихах Державин меньше всего говорит о том, кто официально признавался главным виновником успеха — о Потемкине. Он славит русского солдата, боевой дух войск, внушенный им Суворовым, перечисляет подвиги, совершенные безвестными героями штурма. Описывая битву, Державин создает картины могучей силы и яркости:

Представь: по светлости лазуря,
По наклонению небес
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лес,
Как страшна ночь; надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями
И затрещал Ливан кремнист.

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река,
На огнь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали;
Что мрак лишь молньи освещали;
Что гром потряс всемирну ось;
Что солнце мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измаил Росс!

Ода заканчивалась прочувствованными стихами, посвященными памяти павших героев:

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет:
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух...

С одой на взятие Измаила военная тема прочно входит в творчество Державина, через нее получают новое выражение патриотические чувства поэта.

В свое время успех «Фелицы» вызвал зависть недоброжелателей Державина, породил кривотолки и вызвал желание дать им ответ. Тогда же, в 1783 году, Державин стал писать об этом в оде «Видение мурзы», но кончить стихотворение не успел, уехал в Петрозаводск, потом в Тамбов и надолго забыл о нем. Теперь, на досуге, он нашел старые стихи, дописал их и напечатал в 1790 году в первой книжке «Московского журнала», который начал издавать Н. М. Карамзин, в ту пору молодой двадцатичетырехлетний человек, только что возвратившийся из заграничного путешествия.

В оде Державин выражает довольство своим жизненным жребием прежде всего потому, что имеет

Сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век,
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек.

Это обычная самооценка Державина, который якобы не виноват в том, что ему «неизвестны царевны какой бы ни было орды» шлют свои подарки «за россказни, за растабары, за вирши иль за что-нибудь». К поэту в его петербургский дом является Фелица. При описании ее Державин воспользовался изображением Екатерины на портрете художника Левицкого и воспроизвел его в стихах до последней детали — он любил такую живопись словами, мастерски владел поэтической кистью и не скупился на краски.

Державин заставляет Екатерину сказать «страшны истины» о том, что поэт не должен льстить сильным людям, и признаться:

Владыки света — люди те же;
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?

Он вкладывает в уста Фелицы комплимент едва ли не по собственному адресу:

Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.

Это было искреннее убеждение Державина, хотя в то же время он высоко оценивал роль и назначение поэта и не упускал случая об этом сказать.

Подтвердив таким образом свое право на общественное внимание и воздаяние по заслугам, Державин резко отзывается о недовольных его стихами вельможах, из которых

Тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов, —

и все вознегодовали против смелого автора.

Чисто державинская живописность и яркость красок присущи первым строфам оды, нашедшим затем отклик во многих стихотворениях современных Державину поэтов:

На темноголубом эфире
Златая плавала луна:
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.

Золотой, серебряный, темно-голубой, палевый... Златая луна в серебряной порфире — это не жадность к драгоценным металлам, не безвкусица — это желание показать, что желтая, златая полная луна создает на земле причудливый мир серебристых теней. Державин умел передать в стихах красочность окружающей природы.

В феврале 1791 года в Петербург возвратился Потемкин. Далеко впереди его экипажей бежала крылатая молва, повторявшая фразу, якобы сказанную им при прощанье с сослуживцами: «Еду в Петербург зубы дергать». Платон Зубов с братьями и царица насторожились. Потемкин не был в Петербурге два года, близость к Екатерине он утратил давно, и теперь его, хоть и победителя турок, встречали неприязненно.

Но Потемкин ничем не досаждал ни Екатерине, ни ее молодому фавориту. Был он мрачен, угрюм, почести

принял равнодушно и ответил на них грандиозным праздником в своем Таврическом дворце. Праздник отличался необычайной роскошью, невиданным размахом, никаких денег не пожалел для него Потемкин.

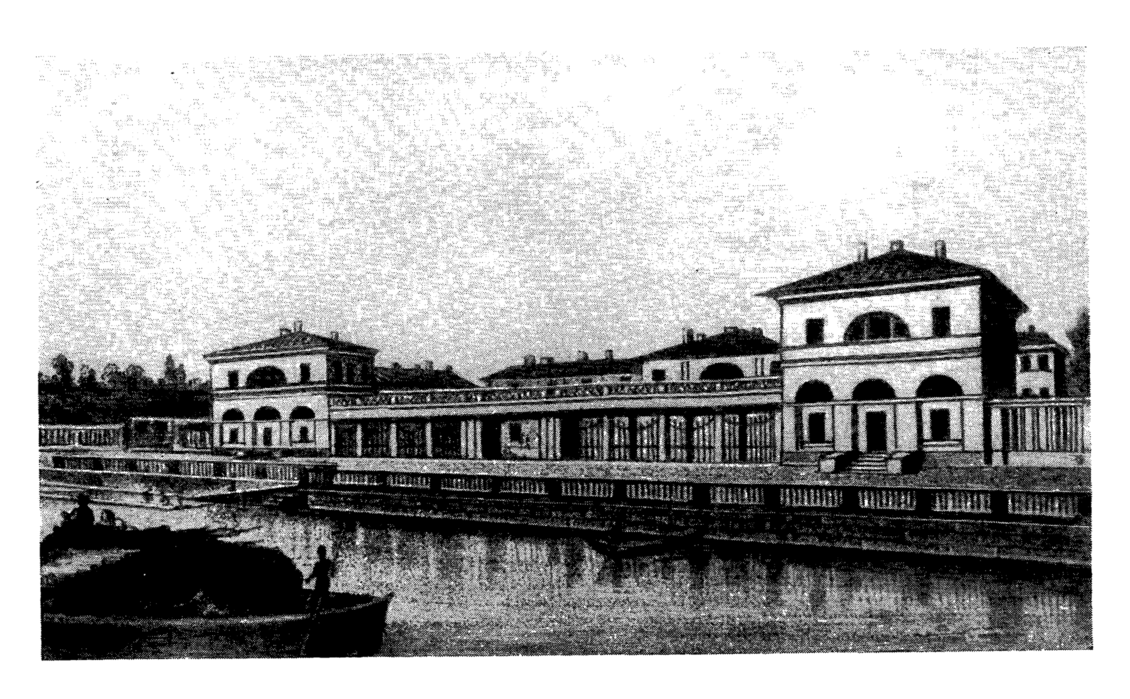
Во дворце горели десятки тысяч восковых свечей, огни отражались в бесчисленных зеркалах. Три тысячи приглашенных гостей во главе с императрицей гуляли по роскошно убранному саду, смотрели балет, спектакли, фейерверк, ужинали и танцевали.

На площади перед Таврическим дворцом устраивался народный праздник. Были расставлены столы со всякой снедью и напитками, на воздвигнутых кое-как деревянных стенках высоко развесили сапоги, кафтаны, шапки, кушаки для удальцов, которые сумеют до них добраться. Солдаты охраняли все эти припасы.

Народ с утра толпился на площади. Было ясно, что во дворце праздник, а по поводу чего—неизвестно. Ожидали, что будет объявлено о заключении мира со Швецией — Россия тогда сразу вела две войны: с турками и шведами. Разное говорили в толпе, стоявшей перед даровым угощением в тот ненастный апрельский день. Близко подходить к столам не решались — солдаты схватывали каждого охотника полакомиться до положенного часа.

Во дворце ждали государыню, чтобы показать ей народное угощение и потом открыть бал для приглашенных. Но Екатерина не торопилась. Стало темнеть. Голодный, иззябший народ нетерпеливо поеживался и смотрел на подъезд, куда подъезжали гости.

Вдруг у столов произошло движение, забегали лакеи — потом оказалось, что они выгоняли собаку, — это было принято за условный знак, и люди бросились на угощенье. Полицейские и солдаты разгоняли толпу. Всюду посыпались удары плетей и сабель, кони топтали людей, падавших, чтоб больше не подняться. Все это произошло очень быстро. Толпа разбегалась, проклиная даровые яства и Потемкина, солдаты подбирали трупы и раненых, едва успев управиться к приезду императрицы. А во дворце пышно разряженные гости даже не заметили случившегося...

Дом Державина в Петербурге на берегу Фонтанки.

Дарья Алексеевна Державина.

Портрет работы В. Л. Боровиковского.

Державин был в Таврическом дворце, но не в качестве гостя. Он писал хоры, исполнявшиеся на празднике, и следил за их исполнением. Потемкин поручил ему также сочинить описание торжества.

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрёс, —

так начинался первый хор, сопровождавший польский танец на музыку композитора Козловского. Этот польский был потом очень известен. Первая строка его «Гром победы, раздавайся» стала крылатым выражением, да и сейчас не забыта, хотя употребляется только иронически.

Державин составил описание праздника в Таврическом дворце, перемежая прозу стихами. Потемкину оно не понравилось — в нем не нашлось ему ни великих похвал, ни лести. Державин писал о Потемкине, изображая именно его, со всеми причудами и странностями, а не рисовал фигуру античного героя-полубога, как было принято в то время делать в таких случаях:

Он мещет молнию и громы
И рушит грады и берет,
Волшебны созидает домы
И дивны праздники дает.
Там под его рукой гиганты,
Трепещут земли и моря;
Другою чистит бриллианты
И тешится, на них смотря...
То крылья вдруг берет орлины,
Парит к луне и смотрит в даль;
То рядит щеголей в ботины,
Любезных дам в прелестну шаль.

Потемкин холодно простился с Державиным. Подгоняемый Екатериной, он возвращался в армию. Но дни его были уже сочтены. Через несколько месяцев, в октябре 1791 года, Потемкин на пути из Ясс в Николаев почувствовал себя совсем плохо. Его вынесли из кареты, положили на землю, и через несколько минут он умер.

Неожиданная смерть Потемкина, баловня счастья, в глухой степи, далеко от своих дворцов поразила современников и особенно тронула Державина. Он писал об этой смерти в оде «Водопад»:

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверзты!
Чей одр — земля; кров — воздух синь;
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли Счастья, Славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Державин с чувством говорит о Потемкине, хотя не скрывает недостатков этого вельможи — безмерного стремления к славе, расточительства, беспощадности, сластолюбия. Державин противопоставил ему в оде фельдмаршала Румянцева-Задунайского, которого считал человеком чести и закона. Он так думал, не хотел этого скрывать и не постеснялся вновь сказать при не совсем подходящем случае — стихи-то ведь все-таки посвящались памяти Потемкина.

Державин утверждал, что долг поэта — возвещать истину, никогда не кривя душой и не играя словом. Поэзия, как писал он, есть «язык богов, голос истины, пролиявшей свет на человека». Словесность, труды писателей нужны для того, чтобы передавать слова истины, нести людям правду. Роль поэта необычайно значительна. Все стирается временем, гибнут на земле города, разрушаются царства — и только словом поэта сохраняются они в людской памяти, только слово делает бессмертными деяния человека. И сознание этой ответственности поэта характерно для Державина. Он знал цену своему слову, вес его для современников и был строг и последователен в суждениях о событиях и людях. Новые стихи Державина печатались отдельными изданиями, жадно переписывались и сейчас же получали широкую извест-

ность. Ими дорожили не только ценители поэзии. Стихи Державина содержали так много намеков на жизненные факты, отличались такими сатирическими красками, что становились интересными всем русским людям. Читатели внимательно слушали голос поэта и следили за его оценками событий и государственных деятелей. Это была слава.

Но в службу Державина по-прежнему не брали. Он жил в Петербурге на положении отставного и немало на это сердился.

От должностей в часы свободны
Пою моих я радость дней, —

писал он в стихах, но этих свободных часов было уж слишком много для деятельной натуры Державина, и потому «радости дней» особенно не получалось. Ему хотелось дела, а его-то и не было.

В 1791 году Державины купили в Петербурге дом на набережной реки Фонтанки у Измайловского моста. Он и сейчас стоит там под № 116. Дом был переделан по вкусу владельцев, появилось много хозяйственных пристроек, пришли в отличный порядок сад и цветники. Всем этим неутомимо занималась Екатерина Яковлевна. Оберегая покой мужа, она несла на себе все заботы о доме.

По вечерам у Державина собираются друзья — причастные к литературе люди. Бывают Н. А. Львов, Д. И. Фонвизин, А. Н. Оленин, О. П. Козодавлев, А. В. Храповицкий, во время своих приездов в Петербург появлялся старый друг Державина В. В. Капнист, постоянно живший на Украине в своем имении Обуховке.

Расположения и дружества Державина ищут молодые литераторы. Поэт и баснописец И. И. Дмитриев в своих записках рассказывает, как юношей он полюбил стихи Державина, появлявшиеся в журналах без подписи, узнал, наконец, имя славного автора и мечтал быть ему представленным. Он написал стихотворное послание к Державину, где называл его «живописцем природы», единственным у нас. В 1790 году знакомство состоялось. «Мы застали хозяина и

хозяйку в авторовом кабинете, —говорит Дмитриев,— в колпаке и в атласном голубом халате, он что-то писал на высоком налое; а она, в утреннем белом платье, сидела в креслах посреди комнаты, и парикмахер завивал ей волосы. Добросердечный вид и приветливость обоих с первых слов ободрили меня... И с того времени редко проходил день, чтоб я не виделся с этой любезной и незабвенной четой».

Дмитриев был поражен поэтической сосредоточенностью Державина, его постоянным самоуглублением. Застав Державина стоявшим неподвижно у окна, с устремленными к небу глазами, Дмитриев спросил его:

— Что вы думаете?

— Любуюсь вечерними облаками, — ответил Державин.

В его новом стихотворении «Любителю художеств» (1791) Дмитриев узнал эти облака:

Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубином сквозь,
Как испещренный флот, богатый,
Стремятся по эфиру вкось.

В другой раз Дмитриев заметил, как за обедом Державин внимательно смотрит на разварную щуку и что-то шепчет про себя. Он спросил, что интересного можно увидеть в щуке?

— А вот я думаю, — сказал Державин, — что если бы случилось мне приглашать в стихах кого-нибудь к обеду, то при исчислении блюд, какими хозяин намерен потчевать, можно бы сказать, что будет и «щука с голубым пером».

Стихи «Приглашение к обеду» Державин написал в 1795 году:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Красный борщ, каймак, это украинское молочное блюдо, «золотая стерлядь» — все было увидено Державиным на столе, но щука для этого стихотворения еще не пригодилась. Она появилась позднее в послании «Евгению. Жизнь Званская», — пестрая щука с голубым пером.

Дмитриев так говорит о Державине: «Голова его была хранилищем запаса сравнений, уподоблений, сентенций и картин для будущих его поэтических произведений. Он охотник был до чтения, но читал без разборчивости. Говорил отрывисто и некрасно. Кажется, будто заботился только о том, чтоб высказать скорее. Часто посреди гостей, особенно же у себя, задумывался и склонялся к дремоте; но я всегда подозревал, что он притворялся, чтоб не мешали ему заниматься чем-нибудь своим, важнейшим обыкновенных пустых разговоров. Но тот же самый человек говорил долго, резко и с жаром, когда пересказывал о каком-либо споре по важному делу в Сенате или о дворских интригах, и просиживал до полуночи за бумагой, когда писал голос (свое мнение — *А. З.*), заключение или проект какого-нибудь государственного постановления».

Подружившись с Державиным, Дмитриев вместе с Капнистом и Львовым иногда оказывал ему помощь в отделке стихотворений, хотя роль этих литературных редакторов поэта никак нельзя преувеличивать. Конечно, все они получили более серьезное и систематическое образование, чем Державин, и все занимались поэзией, но ни один не мог сравняться с ним по силе и самобытности таланта. Да и меру образованности Державина преуменьшать не стоит. Из казанской гимназии он вынес вовсе не так мало, как может показаться на первый взгляд, а именно — знание современной литературы и немецкого языка. А потом он всю жизнь читал и учился. В стихах Державина встречаются десятки имен исторических лиц, географических названий, мифологических персонажей, которыми он пользуется свободно и всегда к месту. Но самое главное — Державин хорошо знал, что он хочет сказать, и не поступался своими творчески-

ми замыслами, хотя грамматические поправки своих друзей принимал не споря.

Так, к стихотворению «Осень во время осады Очакова» Дмитриев предложил замену ряда слов — вместо «сверканьем» поставить «мельканьем», вместо «превожделенного» — «давно желанного» и т. д., и Державин послушно произвел эти замены. Но когда Дмитриев захотел переписать целые картины, Державин отказался подчиниться ему. В этих стихах были строки, посвященные жене, ожидающей мужа с войны:

Она задумчива, печальна,
В простой одежде и власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе,
И светлоголубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Дмитриеву эта картина показалась недостаточно поэтической,—просто сидит женщина и плачет, — и он написал:

Рассыпав по челу власы,
Сидит от всех уединенна
За столиком, облокотясь;
На лик твой, кистью оживленный,
С печальной нежностью глядит.

Так, по его мнению, выходило лучше — жена грустит, глядя на портрет мужа. Однако Державина не привлекла условная литературность этой картинки, и он оставил в окончательном тексте свои строки.

Для стихотворения «Ласточка» (1792) Державин долго искал удовлетворявший его размер. Он начал подражать народному стиху, потом переписал первые строфы так:

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.

Поэт избегал однообразия размера, сознательно варьировал дактиль и амфибрахий, преследуя свои художественные цели. Это не понравилось его критикам-друзьям. Капнист нашел, что Державин попросту не может выдержать правильного размера, и, желая научить его, переписал «Ласточку» четырехстопным ямбом:

О домовита сиза птичка,
Любезна ласточка моя!
Весення гостья и певичка!
Опять тебя здесь вижу я...

Стихи действительно вышли правильными на вид, но очень проиграли в выразительности. Державин не послушался Капниста и не стал переписывать ямбом свою «Ласточку».

Дмитриев познакомил Державина с Карамзиным, просившим у маститого поэта стихотворений для своего «Московского журнала», а позже — для альманаха «Аониды», и Державин напечатал там несколько своих произведений. Он также посвятил Карамзину стихотворение «Прогулка в Сарском селе», которое заключалось строками:

Пой, Карамзин! И в прозе
Глас слышен соловьин.

Общественно-литературные взгляды Державина не подвергались каким-либо изменениям в эти годы. Он испытал личное разочарование в Екатерине II, ближе присмотрелся к окружавшим ее вельможам и многим из них выражал свое недоверие, но монархический принцип управления страной оставался для него незыблемым. Нужно было улучшать работу государственного аппарата, добиваться строжайшего выполнения законов, обязательных и для царя и для его подданных, уничтожать неправду во всех ее проявлениях, но большего для Державина не требовалось.

Понятно поэтому, что Державин должен был с осуждением встретить Французскую буржуазную революцию 1789 года. Однако он вовсе не ограничился порицанием буйных французов и проклятиями рево-

люционной гидре, как сделали многие люди его круга. Державин прежде всего подумал о причинах народного восстания. Он по опыту крестьянской войны знал, что сила революционного пожара была вызвана силой притеснения французских буржуа и крестьян дворянским сословием во главе с королем; но это же самое не дает спокойно жить и русскому народу. В стихотворении «Колесница» он писал, обращаясь к монархам:

О вы, венчанные возницы,
Бразды держащие в руках,
И вы, царств славных колесницы
Носящи на своих плечах!
Учитесь из сего примеру
Царями, подданными быть,
Блюсти законы, нравы, веру
И мудрости стезей ходить.
Учитесь, знайте: бунт народный,
Как искра, чуть сперва горит,
Потом лиет пожара волны,
Которых берег небом скрыт.

Напечатать это поучение царям было, разумеется, невозможно, и оно осталось в рукописи.

Не смог Державин оценить и понять великий подвиг А. Н. Радищева. Выход книги «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1790 году и последовавшие за ним арест, суд и ссылка Радищева разыгрались в Петербурге на его глазах, однако в бумагах и письмах Державина не найти на них никакого отклика.

Радищев хорошо знал и ценил поэта Державина. В 1801 году в своем произведении «Памятник дактило-хореическому витязю» он писал:

«Знаешь ли верное средство узнать, стихотворен ли стих (если так изъясниться можно)? Сделай из из него преложение, не исключая ни единого слова, то есть сделай из него прозу благосклонную. Если в преложении твоем останется Поэзия, то стих есть истинный стих, напр.:

О ты, что в горести напрасно
и проч.

Преложи его как хочешь, перенося, но грамматикально, слова сей строфы, то и в прозе будет поэзия.

Преложи многие строфы из оды к Фелице, а особливо, где Мурза описывает сам себя, без стихов останется почти та же Поэзия».

Напечатав «Путешествие» в своей домашней типографии, Радищев подарил несколько экземпляров книги своим знакомым и сослуживцам по Петербургской таможне. Через О. П. Козодавлева он передал экземпляр для Державина, с которым лично не был знаком. Ни один из современных литераторов не получил этого знака внимания Радищева.

Державин в конце восьмидесятых годов был, конечно, славным поэтом. Но большой известностью пользовались и другие писатели — Фонвизин, Херасков, Княжнин, Богданович. Значит, дело тут не в крупном литературном имени. По-видимому, Радищев думал, что Державин способен оценить его книгу, понять намерения автора и проявить к ним сочувствие. Он ошибся в этом, Державин сочувствовать ему не мог, но ошибся не случайно. Общий облик Державина — правдолюбца, борца с беззакониями, обличителя сатрапов, — очевидно, сложился в глазах современников. Державина отрешали от должности, отдавали под суд за то, что он выступал против наместников, его чуть не осудил сенат, — о ком еще из писателей было известно что-либо подобное? И позднее репутация Державина как борца с неправдою привлекала к нему симпатии декабристов, а Рылеев посвятил поэту одну из лучших своих дум.

Но если Державину были чужды революционные идеалы Радищева, то не грешен он и в том, что присланный ему экземпляр «Путешествия» якобы передал императрице с доносом на автора. Эта легенда, возникшая через полвека после смерти Державина, не имеет под собой решительно никаких оснований. В следственном деле Радищева нет экземпляра «Путешествия» с пометками Державина; императрице доложил о «пагубной книге» начальник тайной канцелярии Шешковский, имя Радищева как автора книги следователи узнали только через несколько дней после этого доклада. Державин не мог сочувствовать Радищеву, но в преследовании его он не повинен.

Глава 10
НА ЗАЩИТЕ ПРАВОСУДИЯ

Более трех лет после увольнения из Тамбова провел Державин, ожидая, когда его снова призовут к трудам на пользу государственную. Около года шли следствие и сенатский суд, это надо было пережить, переждать, но с тех пор, как он кругом оправдан и вознагражден, ведь тоже протекли не месяцы, а годы! Что думают с ним сделать? Так и похоронить в отставке?!

Нет, Екатерина не забывала о Державине. Он нередко напоминал о себе новыми стихами, имя его то и дело называлось в кружке ближайших друзей императрицы, но снова давать ему в руки власть было положительно невозможно. Опять начнутся обвинения начальников в бездействии, ссылки на законы, которые не уважаются в России, пойдут самочинные крутые меры — Державин останется самим собой, сколько ни выдерживай его искусом терпения.

Однако это и не простой губернатор, каких в империи десятки. Он придумал Фелицу, еще не зная ее оригинала — Екатерину. Что же может написать Державин, когда близко увидит свою чудесную царевну и поэтическим взором охватит ее государственную мудрость и человеческую простоту в обращении с людьми? Наверное, перо его подвигнется на новые оды, посвященные целиком ей, Екатерине. А что, если эту певчую птицу посадить во дворец? Клетка ей нужна, на волю не выпустишь, но пусть эта клетка будет золотая.

Так после долгих размышлений Екатерина решила судьбу Державина. В декабре 1791 года она подписала указ о назначении его в свою канцелярию статс-секретарем по принятию прошений. Державин вновь вступил в службу и нес ее отныне во дворце императрицы.

У Екатерины было восемь секретарей, ее ближайших помощников. Каждый имел свой круг обязанностей, следил за отдельным участком государственного управления, внешней политики или просто помогал императрице в ее литературных занятиях. Державину Екатерина поручала наблюдение за сенатом по старой его там службе, а также и потому, что на честность его при контроле за судебными делами, решавшимися в сенате, можно было вполне полагаться.

Державина обрадовало новое назначение. Наставал конец измучившей его неопределенности, он опять в должности. Нравилось и то, что придется следить за делами сената — кто-кто, а уж он-то хорошо, на собственном опыте изучил механику сенатского делопроизводства. Наконец чего-нибудь да стоила возможность докладывать свои мнения императрице и открывать ей глаза на то, какое беззаконие царит кругом.

Секретари императрицы без всякого удовольствия приняли в свою среду неожиданного коллегу. Впрочем, репутация Державина, как человека строгого в исполнении обязанностей, придирчивого к малейшим непорядкам и безусловно честного, позволяла думать, что долго он на секретарском месте не продержится. Тут нужны были прежде всего знание придворной жизни, умение ладить с императрицей, связи с сильными людьми, а ничем этим Державин не владел. Опытным дворцовым политиканам-секретарям не стоило больших хлопот передавать Державину наиболее неприятные и запутанные дела, доклады по которым портили настроение императрице. Он со всем усердием разбирался в них, подробнейшим образом пересказывал Екатерине — и получал гневную отповедь, потому что готовил не такое решение, как ей хотелось.

Еженедельные доклады Державина по сенатским приговорам и его указания на неправильное применение законов очень скоро Екатерине надоели. Она приказала ему сообщать свои замечания прямо сенатским обер-прокурорам и чаще стала заниматься с другими секретарями. Но Державин все же прорывался к ней с некоторыми делами.

Одним из них было дело иркутского генерал-губернатора Якоби, весьма запутанное и громадное по объему бумаг. Второй департамент сената занимался им ежедневно в течение семи лет и не смог принять никакого решения. Это был редкий случай, когда тайные силы, действовавшие по обвинению Якоби и в защиту его, как бы уравновесились и судебный процесс замер в неподвижности. Заседания шли, писались и подшивались в папки новые бумаги, а Якоби все оставался ни оправданным, ни наказанным.

В 1783 году генерал-поручик Якоби был назначен правителем Восточной Сибири, наместником обширного края, состоявшего из четырех громадных по территории губерний. Получив инструкции от императрицы, он отправился в Иркутск и приступил к исполнению своих обязанностей. Не позже чем через год в Петербурге появились доносы о том, что наместник совершает государственные преступления — возмущает китайцев против России, желая вызвать войну, наживается на закупке провианта для сибирских войск, берет взятки и притесняет чиновников и горожан.

Доносы неожиданно быстро достигли своей цели. По приговору сената, подготовленному генерал-прокурором, Якоби был отстранен от должности, отдан под суд, и бесконечный процесс завязался. Во время следствия один из доносчиков покончил с собой, успев признаться, что безвинно оболгал Якоби, и это внесло новую путаницу в разбирательство.

Так или иначе, дело не двигалось, и тому были причины: Якоби имел неосторожность оскорбить генерал-прокурора Вяземского и теперь за это платился. Он был сговорен с девицей Резановой, жившей в доме Вяземского, ожидалась свадьба, когда жених по-

лучил назначение в Иркутск. Якоби поспешил с отъездом и через некоторое время прислал невесте отказ. Предполагали, что это случилось не без влияния императрицы, как-то сказавшей: «Я не хочу, чтобы князь Вяземский выдавал свою Резанову за Якобия и за ней жаловал ему в приданое Сибирь».

Узнав об измене Якоби, Вяземский рассвирепел и постарался ему отомстить. В Иркутск был направлен сенатский чиновник под предлогом проверки казенной палаты, он подбил недовольных новым наместником на доносы, написал сам, Вяземский сейчас же привел в движение сенат, и Якоби оказался под судом. Зная, что обвинения против него неосновательны, — Якоби, как это и выяснилось, вовсе не пытался затеять войну с Китаем, не причинил ущерба казне, — Вяземский всячески тормозил процесс, держа своего врага между надеждой и отчаянием, наслаждаясь его бессильным бешенством.

Все это было слишком знакомо Державину и живо его волновало. Он принялся внимательно изучать бумаги — их уже скопились целые горы. Один только сенатский экстракт — краткое изложение дела Якоби — состоял из трех тысяч листов. Опытный глаз Державина скоро заметил противоречия, неправильности и умышленные искажения в этих бумагах, сенатские чиновники топили Якоби со всем усердием, но и доказать его невинность было также нелегко — недостатки управления наместничеством за Якоби, несомненно, числились.

Весной 1796 года двор переезжал в Царское Село вслед за императрицей. Державин, кроме своих вещей, захватил с собой часть бумаг по делу Якоби. Их везли на трех телегах.

Все лето, кроме своих обычных занятий, Державин изучал судебный процесс Якоби. Наконец он познакомился со всеми документами, взвесил собранные факты и принялся за подготовку доклада Екатерине. Он старался писать сжато, но изложение развертывалось, сказать следовало о многом, и когда кончил, то насчитал в своем экстракте двести пятьдесят листов.

«Пожалуй, надо составить доклад покороче», —

рассудил Державин и, взяв только главные пункты обвинения, изложил их со своей оценкой на пятнадцати листах. И, наконец, выбрав наиглавнейшее, описал суть дела Якоби всего на двух листах.

В очередной день державинского доклада двери кабинета императрицы растворились. Шеренги гайдуков и лакеев под командой Державина внесли и разложили по столам и на полу кипы бумаг.

— Что такое? — спросила царица. — Зачем сюда такую бездну?

— По крайней мере для народа, — ответил Державин, желая сказать, что государыня должна решить дело, если дорожит своей репутацией правительницы.

— Ну, оставьте, коли так, — согласилась Екатерина.

Державин доложил, что дело Якоби разобрал и приготовил три экстракта: полный, краткий и кратчайший. Какой будет угодно прослушать?

— Кратчайший, — сказала Екатерина.

Державин прочитал свои два листа и посмотрел на императрицу.

Екатерина медлила с ответом. Из бумаг следовало, что Якоби невинен. Но что ей говорили о нем Вяземский, Шешковский, что семь, нет, уже восемь лет обсуждал сенат? Неужели же дело так просто, как объясняет Державин? Ведь Вяземский недруг ему, не потому ли Державин вступается за Якоби?

— Я не такие пространные дела подлинником читала и выслушивала, — сказала она наконец, — прочитай мне весь экстракт сенатский. Я назначаю тебе всякий день для того после обеда два часа, пятый и шестой.

Все лето в Царском Селе и в осенние месяцы в Петербурге Державин регулярно являлся к императрице и читал ей сенатское изложение дела Якоби, сопровождая его своими замечаниями. Императрица слушала небрежно, часто отсылала Державина, отговариваясь недосугом, с удовольствием узнала однажды о его болезни, прервавшей чтение и притом не по ее воле. Но Державин поправился и не замедлил явиться в положенный час. Понемногу Екатерина перестала

скрывать свое раздражение — упрямый докладчик наскучил ей смертельно. Когда Державин пришел к ней в бурный осенний день, торопясь закончить чтение, она с неприязнью сказала:

— Удивляюсь, как такая стужа вам гортани не захватит!

Но Державина нелегко было смутить ехидными замечаниями, и в конце концов он добился от Екатерины оправдательного приговора для Якоби.

Пришлось разбирать Державину и другое запутанное дело — банкира Сутерланда, посредника императрицы при иностранных займах и международных денежных расчетах. Сутерланд растратил и роздал в долг два с половиной миллиона рублей государственных денег. Когда выяснилось, что Сутерланд задержал крупные переводы за границу и началось расследование, он покончил с собой, не надеясь на помощь своих кредиторов — видных сановников империи.

Следствием руководил Державин. Оказалось, что сотни тысяч рублей получили у Сутерланда под расписку и на слово самые близкие к императрице люди — Потемкин, Вяземский, Безбородко. В числе должников оказался и наследник — великий князь Павел Петрович. Мать-императрица весьма ограничивала его в средствах.

Екатерина с большой неохотой занималась делом Сутерланда. Ответчиками выступали первые лица в империи — не тащить же их в сенатский суд! Державин настаивал. Екатерина оттягивала его доклад. Наконец день был назначен. Державин подготовился с обычной тщательностью, привез во дворец связки бумаг, разложил их в кабинете и вышел, ожидая приема.

Тем временем Екатерина, пройдя в кабинет, увидела бумаги и спросила, кто их положил и зачем.

— Державин их принес, — чуя гнев, ответил секретарь Храповицкий.

— Державин! — воскликнула императрица. — Так он меня еще хочет столько же мучить, как и якобиевским делом?! Нет! Я покажу ему, что он меня за нос не поведет. Пусть его придет сюда.

Явившись в кабинет, Державин застал Екатерину в великом гневе. Лицо ее пылало огнем, щеки тряслись. Секретарь Попов сидел поодаль в качестве свидетеля, а может быть, и защитника царицы от ее докладчика.

Державин спросил, какую записку читать: краткую или пространную? Екатерина снова выбрала краткую, выслушала ее и сказала:

— Я ничего не поняла; приходи завтра и прочти мне пространную записку.

На следующий день чтение продолжалось. Настойчивость Державина опять одержала верх. Екатерина стала смотреть список должников. На первом месте стоял Потемкин, взявший у Сутерланда восемьсот тысяч рублей. Этот долг велено было отнести за счет государства. Остальные долги царица решила частью взыскать, частью списать. Особое недовольство Екатерины вызвал только заем Павла Петровича, полились жалобы на мотовство сына, на его нелепые затеи.

Державин, не поддержавший эти жалобы, получил приказание:

— Поди вон!

Но дело Сутерланда было окончено.

Приходилось Державину докладывать и другие неприятные дела — например, откупщика Логинова, за взятки чиновникам занимавшего сотни тысяч рублей в государственном казначействе, чтобы пускать их в оборот для личной наживы. Державин добился приговора о взыскании с Логинова двух миллионов рублей, и не его вина, что значительная сумма долга через несколько лет, и тоже за взятки, купцу была прощена.

Взятки стали настолько привычным явлением, что ни один сотрудник государственного аппарата не мог считать себя свободным от подозрений. «Брали» действительно все, и, только «дав», можно было рассчитывать на решение дела. Жена товарища костромского воеводы Анна Ватазина, хлопотавшая о присвоении мужу звания коллежского асессора, прошла несколько инстанций и, получив отказ — видимо, по причине собственной скупости,—обратилась к императрице. «Уми-

лись, матушка, надо мной, сиротою, — писала она, — прикажи указом, а я подведу вашему императорскому величеству лучших собак четыре: Еполит да Жульку, Женету, Маркиза». Крупным кушем императрицу удивить просительнице было нельзя, а вот собаки могли и понравиться.

Екатерина знала о том, как процветают взятки в стране, и находила это естественным. Когда по делу Сутерланда на Державина пало несправедливое подозрение во взятке пятнадцати тысяч рублей и он, до предела оскорбленный, принялся собирать документальные доказательства своей непричастности и просил расследовать клевету, Екатерина с неудовольствием сказала:

— Ну что следовать? Ведь это и везде водится.

Неопытный царедворец, Державин не понимал, почему приближенные императрицы и она сама недовольны тем, что он раскрыл взяточничество в военной коллегии. Там, с ведома президента графа Н. И. Салтыкова, малолетки и недоросли производились в обер-офицерские чины, а заслуженные унтер-офицеры и казаки обходились.

Его удивила ярость президента Академии наук княгини Дашковой, когда он выхлопотал повышение жалованья гениальному изобретателю Кулибину, которому сама Дашкова в этом отказала. Державин принял участие в судьбе академического механика и без особого труда помог ему.

Но больше всего оскорбляло Державина, что императрица покрывала злоупотребления своих приближенных, губернаторов, чиновников. Иногда она делала вид, будто хочет их наказать, но потом заглаживала проступки. Например, когда стало известно, что во Пскове чрезвычайная дороговизна соли, на чем наживаются высшие губернские чиновники, Екатерина приказала Державину проверить жалобы. Сама же она предупредила губернатора. Ревизор из Петербурга приехал и, конечно, увидел, что цены нормальные. Жалобщиков объявили клеветниками.

Постепенно Державин приходил к выводу: Екатерина «царствовала политически, наблюдая свои выгоды

или поблажая своим вельможам, дабы по маловажным проступкам или пристрастиям не раздражать их и против себя не поставить». «Она управляла государством и самым правосудием более по политике или своим видам, нежели по святой правде».

И этого Державин простить ей не мог. Напрасно Екатерина ждала от него славословий себе. Похвальные стихи не шли в голову поэту-секретарю. Слишком много он узнал и увидел во дворце, чтобы, не кривя душой, решиться славить «российскую Минерву» Екатерину II. Какая уж там Минерва... И закон, и святая правда повержены к ее ногам.

Молчание Державина становилось неловким. При дворе есть «свой поэт», каждодневно наблюдающий царицу, — почему не слышно его новых песен?

Сослуживец Державина А. В. Храповицкий не раз намекал ему в беседах, что от него ожидают похвальных од. Державин отговаривался делами. Тогда Храповицкий обратился к нему в стихах:

Тебе ль с экстрактами таскаться,
Указны выписки крепить?
Рожден восторгом вспламеняться
И мысли к небу возносить.
О Енисее, Лене, Оби
И тучных тамошных полях
Пусть пишет отставной Якоби,
Не нам ходить в тех соболях.
Оставь при ябеде вдовицу,
Судей со взятками оставь;
Воспой еще, воспой Фелицу,
Хвалы к хвалам ее прибавь.

Стихи требовали ответа. Державин давно уже обдумал его и, не колеблясь, написал Храповицкому резкий отказ. Он не желал получать царские милости за фальшивые оды и хотел до конца служить правосудию.

То как Якобия оставить,
Которого весь мир теснит?
Как Логинова дать оправить,
Который золотом грешит?

Богов певец
Не будет никогда подлец.
Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам.

Этой своей правде Державин изменить не пожелал. Екатерина ошиблась в расчете. Ей не удалось сделать из Державина придворного поэта. Он сохранил свою честь и самостоятельность и продолжал молчать. Как пишет Державин в «Записках», несмотря на «дворские хитрости и беспрестанные себе толчки, не собрался с духом и не мог таких ей теплых писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях, которые им описаны не в бытность его еще при дворе: ибо издалека те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении ко двору, весьма человеческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то и охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим чистым сердцем в похвалу ее».

Но кое-что во дворце он все-таки написал — четверостишие «На птичку»:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой;
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

Трудно было яснее выразиться. Убедившись в том, что бо́льшего от Державина не добьешься, Екатерина выпустила его из дворца и отправила заседать в сенат, а перед этим произвела в тайные советники и наградила орденом. Было это в сентябре 1793 года.

Назначив Державина сенатором, Екатерина думала избавиться от хлопот с ним. В сенате заседали старички, люди почтенные, родовитые, имевшие в прошлом заслуги, но больше к серьезному делу не пригодные. Они собирались, слушали чтение судебных дел, не вникая, по глухоте, в их содержание, и выносили приговоры. Делами в сенате вертели бойкие мо-

лодцы — обер-прокуроры. За взятку они могли провести любое решение. Споры о наследствах, семейные разделы, имущественные иски хорошо кормили жадную чиновную братию.

Державин был еще не стар — ему исполнилось пятьдесят лет, слышал хорошо, судейские плутни знал и спуску взяточникам давать не собирался. Едва показавшись в сенате, он уже вступил в схватку с обер-секретарями, обер-прокурорами, а вскоре и с самим генерал-прокурором А. Н. Самойловым, заместившим Вяземского, которого разбил паралич. Державин читал докладные записки, экстракты, справки, приговоры и на каждой бумаге делал свои примечания, возвращая делам их законный ход. Он спорил с общим собранием сената и в запальчивости говорил резко, не заботясь о благопристойности выражений.

Мирный покой сенаторов нарушился. Они недовольно жевали губами, слушая бурные речи Державина, и жаловались императрице, что с ним «присутствовать не можно». Генерал-прокурор их поддерживал.

Екатерина увидела, что снова ошиблась. Державин растревожил ей весь сенат, смутьяна надо оттуда убирать. Но куда же теперь его посадить, чтобы он, наконец, успокоился?

Только три месяца продолжалась служба Державина в сенате. К новому, 1794 году он получил другое назначение — президентом коммерц-коллегии. Это был хитрый ход Екатерины. Коммерц-коллегия, бывшая недавно могущественным и авторитетным учреждением — она ведала торговыми и таможенными делами, — передала все свои функции губернским казенным палатам. У ней остались только дела по торговле с английскими купцами и больше никаких других. От президента коллегии, стало быть, ничего не требовалось, он нигде не обязан был заседать и управлять ему было нечем. Самое подходящее место для Державина! К тому же оно позволяло иметь негласные доходы от таможни, на которые всегда смотрели сквозь пальцы.

Державин принял свое назначение всерьез — он не представлял себе, что можно шутить государственной

службой и ставить на место человека, чтобы он ничего не делал. Приняв должность, Державин немедленно осмотрел склады портовой таможни, кладовые вещей, обнаружил непорядки в хранении и строго на них указал. Потом принялся за таможенные досмотры — и там нашел много упущений.

За это ему сейчас же отомстили. Один из заграничных знакомых прислал Державину в подарок кусок атласа. Ввоз таких товаров был запрещен, и Державин распорядился отправить атлас обратно. Директор таможни не сделал этого и донес императрице, что Державин тайком получает запрещенные товары. Екатерина, наверное не без злорадства, указала поступить с контрабандой по закону, а с Державина взыскать штраф.

Барабанный бой, раздавшийся с площади перед коммерц-коллегией, где сжигали контрабанду, привлек Державина. Не веря своим ушам, услышал он голос чиновника, читавшего приговор, присуждающий президента Державина к штрафу за тайный провоз товаров. Державин бросился во дворец, но к императрице допущен не был, написал докладную записку — никакого ответа. Пришлось примириться с обидой — она была не первой...

Вскоре Державин потревожил Екатерину новой запиской. Он раскрыл плутовство иностранных купцов и таможенных чиновников. За взятки они в десять раз снижали государственные пошлины. Убытки были значительны. Но напрасно Державин ждал решения Екатерины — оно не состоялось.

Когда в сенате разбиралось дело о злоупотреблении в Астраханской и Ревельской таможнях, Державин явился на заседание и заявил, что впредь будет всегда присутствовать на разборе таможенных дел. Сенаторы сразу забеспокоились. Они боялись иметь дело с Державиным. Генерал-прокурор поехал докладывать во дворец. Пригласив потом Державина к себе, он объявил волю государыни: ей угодно, чтобы Державин не занимался обязанностями президента коммерц-коллегии, а носил это звание просто так, ни в какие дела не мешаясь, и в сенат более не приезжал.

Державин просил письменного указа об этом — на бумаге, естественно, такого приказания изложить не решились. Тогда, посоветовавшись с женой, он отправился в Царское Село с прошением об отставке.

Императрица не приняла Державина. Он хотел оставить прошение, но никто из секретарей, — а там было их несколько, — не согласился взять бумагу. Тогда Державин обратился к камердинеру, и он отнес прошение Екатерине. Та прочла и необычайно разгневалась: Державин положительно не давал ей покоя, от его претензий было невозможно избавиться! Припадок злости вышел сильный, государыне стало дурно, в Петербург поскакали курьеры за лучшими докторами и лекарствами.

Видя такую суматоху, Державин почел за благо убраться поскорее из дворца.

Срок его отставки для Екатерины еще не наступил. Скоро Державин вновь понадобился по делу, которое ему можно было поручить лучше, чем кому-нибудь другому. Требовалось срочно расследовать хищения в Заемном банке.

Банк этот возник всего несколько лет назад и выдавал дворянам крупные ссуды под их земельные владения. Там обнаружилась недостача шестисот тысяч рублей. Арестовали кассира, но по всему было видно, что деньги достались не ему одному.

В комиссию вошли, кроме Державина, петербургский генерал-губернатор и директор другого банка, Ассигнационного, а председателем ее Екатерина назначила главного директора обокраденного банка П. В. Завадовского, чья честность или, во всяком случае, распорядительность и потребовала строгой проверки. В выборе этой комиссии как нельзя лучше сказалась всегдашняя тактика Екатерины: она делала вид, что хочет строжайшего расследования и наказания виновных — для этого в комиссию включался Державин, а во главе следствия ставился главный директор Завадовский — его интересы требовали замять дело и возможно сократить огласку, чего, в сущности, хотела и сама императрица.

Это определило всю деятельность комиссии. Держа-

вин шаг за шагом распутывал банковскую аферу, выяснил причастность к расхищению Завадовского и других крупных вельмож, а комиссия всячески мешала ему установить истинных виновников кражи. Кассир Кельберг держал деньги в запечатанных пачках с надписью «10 тысяч рублей». Когда их стали вскрывать, там оказалась аккуратно нарезанная белая бумага. Обстоятельства дела показывали, что дирекция знала об этой уловке кассира — деньги запечатывались в плотно завернутые пачки с ее ведома. Но доказать это было трудно. Выяснилось далее, что после раскрытия кражи Завадовский перевез из банка в свой дом два больших запечатанных сундука. Что в них находилось? Ответить на это мог только сам Завадовский, но комиссия не имела права его допрашивать, а он, конечно, молчал.

Материалы следствия были переданы в сенат. Приятели Завадовского, и в первую очередь генерал-прокурор Самойлов, канцлер Безбородко и другие принялись замазывать дело. Расследование было объявлено неясным, требующим пополнения, произведены новые допросы, появились ложные свидетельства, и все приняло иной оборот. Екатерина назвала Державина «следователем жестокосердым» и оправдала директоров банка. Кассир Кельберг отделался незначительным наказанием. Вместе с ним было осуждено несколько его сообщников из числа мелких банковских чиновников. Крупных воров оставили в покое. Рассказывая об этом случае в своих «Записках», Державин замечает: «Вот с какою верностью служат приближенные к государю вельможи; то как можно ожидать от них общего блага?»

С горечью думал об этом прямой и честный Державин. Мысли понемногу складывались в строки пламенных и злых стихов. Державин писал о людях, которых близко узнал в последние годы и научился презирать. Он так и назвал свою новую оду — «Вельможа».

Знатный род, чины, случайное счастье еще не дают права требовать «почтения от граждан».

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами

Умели титла заслужить
Похвальными себе делами.
...Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья.
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — слава, польза, честь.

Напрасно думать, что пышной мишурой можно возместить отсутствие у вельможи личных достоинств:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно Счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Державин рисует приемную вельможи. В ней с утра собрались просители, ожидающие его пробуждения от сна. Кто эти люди?

А там израненный Герой,
Как лунь во бранях поседевший...
...А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает...
...А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска...

Баловень счастья беззаботно нежится в постели, не думая о людях, ожидающих получить от него то, что требуется им по закону. Судьба их зависит от прихоти царского любимца. Голос поэта наполняется гневом:

Проснися, Сибарит! — Ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь;
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в Истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть, слабых душ тревога!
Нет добродетели! Нет бога!» —
Злодей... увы! — И грянул гром.

Гром не грянул, Державин только призывал его в стихах на головы вельмож, но делал это с горячим чувством. «Да, такие стихи никогда не забудутся, — писал об оде «Водопад» Белинский. — Кроме замечательной силы мысли и выражения, они обращают на себя внимание еще и как отголосок разумной и нравственной стороны прошедшего века».

В 1794 году Державина постигло большое горе — 15 июля умерла его жена Екатерина Яковлевна, его любезная Пленира. Здоровье ее расстроилось еще в Тамбове, где она страдала лихорадками. Она с волнением переживала служебные неудачи мужа, силой воли заставляла себя держаться, а когда дела уладились — Екатерина Яковлевна надолго слегла в постель и поправиться не смогла.

Державин впал в глубокую скорбь. Жена была его верным другом и лучшим советчиком. Он жалел, что часто не слушал ее ласковых предупреждений, поступал опрометчиво и неразумно. Екатерина Яковлевна гордилась славой поэта Державина, она знала на память его стихи и часто читала их вслух друзьям за вечерним столом. И читала мастерски, так, как не мог прочесть сам Державин, всегда торопившийся речью и глотавший слова.

Екатерине Яковлевне он обязан тем, что стихи его, писанные в разное время, подчас на лоскутках бумаги, все сохранились и теперь были в полном порядке. Жена собирала их и переписывала в большую тетрадку, тайком от него. А когда во дворце стали настойчиво требовать от него похвальных стихов, которых написать он не мог, — Екатерина Яковлевна передала ему свою заветную тетрадь и научила, отдав их переписать, поднести императрице — многих ведь его сочинений она вовсе не знала. Державин так и сделал. Он попросил

своего друга А. Н. Оленина нарисовать виньетки к каждому стихотворению, рукопись переплели, вышел красивый том. Это было первое собрание сочинений Державина.

В стихах на смерть Екатерины Яковлевны Державин изливал свое горе. Он писал их, забыв о поэтических правилах, так, как причитали в народе, как плакальщицы плакали по покойнику:

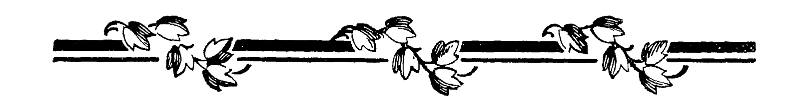
Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застрехи;
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела — с ней утехи.
Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме.
Ах! Лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый в крепком сне.
...О ты ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Как говорит один из современников, С. П. Жихарев, после кончины жены «Державин приметно изменился в характере и стал еще более задумчив, и хотя в скором времени опять женился, но воспоминание о первой подруге, внушившей ему все лучшие его стихотворения, никогда его не оставляет. Часто за приятельскими обедами, которые Гаврила Романович очень любил, при самых иногда интересных разговорах или спорах, он вдруг задумается и зачертит вилкою по тарелке вензель покойной, драгоценные ему буквы К. Д. Вторая супруга его, заметив это несвоевременное рисованье, всегда выводит его из мечтания строгим вопросом: «Ганюшка, Ганюшка, что это ты делаешь?» — Так, ничего, матушка! — обыкновенно с торопливостью отвечает он, потирая себе глаза и лоб как будто спросонья».

Да, Державин искренне скорбел о смерти Екатерины Яковлевны и никогда не забывал о ней, но жизнь требовала свое — и через полгода Державин ввел в дом новую хозяйку. Вторую свою жену — Дарью Алексеевну Дьякову — Державин знал много лет. Ближайшие друзья его, Львов и Капнист, были же-

наты на сестрах Дьяковой, и Державин, овдовев, поспешил породниться с ними. Брак этот не был плодом страстной любви, но имел прочные основания — Державин нуждался в домоправительнице, Дарья Алексеевна как нельзя лучше к этой роли подходила. Жениху было 52 года, невесте 28 лет. Перед свадьбой она долго изучала приходно-расходные книги Державина, рассчитывая, сможет ли содержать на его средства дом сообразно с чином и летами. Заключение оказалось благоприятным, и 31 января 1795 года сыграли свадьбу.

Той предельной близости и поэтичности отношений, которыми отмечен первый брак Державина, в союзе с Дарьей Алексеевной он не нашел. Вторая жена его, — Милена, как стал называть он ее в стихах, — отличалась ровным, спокойным, суховатым характером. Она усердно занялась хозяйством, приводила в порядок дом и имения Державина, он был избавлен от всех забот и мог заниматься только своими делами и поэзией. В конце концов это он и хотел себе обеспечить.

Глава 11
СУДЬЯ СОВЕСТНЫЙ И НЕПОДКУПНЫЙ

Державин вступил в тридцать пятый год службы. Начинал он ее простым солдатом. Собственные способности и энергия продвинули его далеко по лестнице должностей. Слава Державина как поэта была упрочена, и ею он также обязан был только самому себе. Он сказал о своем пути стихотворца:

Кто вел его на Геликон[1]
И управлял его шаги?
Не школ витийственный содом, —
Природа, нужда и враги.

Самобытный талант Державина не получил школьной шлифовки. Он развился в борьбе с «нуждой» и «врагами» и стал светел и могуч. От него еще можно было ждать многого, хоть и брало свое неумолимое время.

В 1796 году ноябрьской ночью умерла царица Екатерина. «Время Фелицы кончилось, — думал Державин. — Да полно, была ли она Фелицей?» Вымышленная когда-то им киргиз-кайсацкая царевна при ближайшем рассмотрении обернулась прожженной политиканшей Екатериной Алексеевной. Она презирала священную справедливость, окружила себя любимцами,

[1] То есть помог стать поэтом. Геликон — гора в Греции, где, по греческой мифологии, обитали покровительницы искусств и наук, музы, во главе с богом поэзии Аполлоном.

угодниками, не жалела крови подданных. Но при ней прошли тридцать четыре года жизни Державина — его юность, молодость, зрелость, на них он не мог взглянуть со стороны, взвесить, подытожить, оценить собственное свое участие в пережитых событиях. Теперь наступило новое царствование. Что ж, Державин чувствовал себя готовым к новым трудам.

Едва императрица умерла, обстановка во дворце мгновенно изменилась. Загремели шпоры, ботфорты, тесаки, с великим шумом в кабинеты и залы ворвались военные люди. У дверей везде стояли пикеты, по лощеному паркету стучали алебарды и офицерские трости. Новый государь Павел Петрович всему предпочитал армейский дух. Много лет, сидя в Гатчинском дворце, дожидался он этого дня, муштруя свои потешные батальоны, состоявшие под командой выписанных из Пруссии офицеров. Как и его отец, Петр III, Павел был слепым поклонником прусского короля Фридриха II и заведенные им военные порядки предпочитал всему на свете. Гвардия спешно облачалась в новые мундиры и маршировала на вахтпарадах, по прусскому образцу переписывались военные уставы. Царский дворец обратился в казарму.

Оголтелые гатчинские служаки с неслыханным проворством полезли в чины, хватали ордена, получали по две-три должности разом. Многие тысячи государственных крестьян перешли в собственность новоявленных сановников. Гатчинский брадобрей, парикмахер Павла Петровича, И. П. Кутайсов сразу стал графом, обер-шталмейстером, первым вельможей в Петербурге. Безграмотные немецкие офицеры, составлявшие свиту Павла в бытность его наследником, возводились в генералы и принимали командование войсками. Всех нужно было переучивать заново, и даже седые полководцы принялись по барабанному бою, под присмотром царя, маршировать, равняться, салютовать эспантоном. Ослушникам грозило разжалование и ссылка.

Павел начал вводить военные строгости и в гражданских учреждениях. Собственным примером он желал возбуждать служебное рвение. В канцеляриях,

департаментах, коллегиях с пяти часов утра уже горели свечи и писали чиновники. В половине шестого генерал-прокурор отправлялся с докладом к царю и заставал его в полной форме. Павел быстро подписывал бумаги, торопясь на вахтпарад. Разъяснить что-либо ему было невозможно — он ничего не желал слушать, самое робкое возражение вызывало его гнев. В одном из донесений сенат предлагал три решения вопроса — какое будет угодно принять государю. Павел, не прочитав как следует бумагу, размашисто написал на ней: «Быть по сему». Дело так и осталось лежать без движения, потому что никто не осмелился указать государю на его невнимательность.

Гражданские учреждения мало интересовали Павла. Его увлекали только военная муштра, солдатская шагистика. Развод петербургских караулов вскоре стал центральным событием дня. Император присутствовал на всех вахтпарадах, с увлечением командовал, тут же раздавал награды и наказания, увольнял от службы, отправлял под арест, под суд, в Сибирь.

Что было хорошо для Екатерины — все стало плохо для Павла. Он ненавидел свою мать и в каждом случае поступал так, как никогда бы не поступила она, все старался делать наоборот. Приближенные Екатерины были его врагами; люди, которых она преследовала, получали льготу. Павел выпустил из крепости Н. И. Новикова, упрятанного туда Екатериной, вернул из ссылки А. Н. Радищева. Но автор великой революционной книги был опасен и ему. Поэтому, разрешив писателю приехать из Сибири, Павел поселил его в деревне под полицейским надзором.

Вспомнил царь и о Державине. Его не жаловала Екатерина в последние годы, отстраняла от дел. Павел вызвал Державина и с маху назначил его правителем совета. Такой совет был в свое время создан Екатериной из числа видных сановников. Павел выгнал оттуда прежних его членов и посадил своих приближенных.

Назначение с виду было почетным, но в чем оно заключалось, Державин не знал. Вряд ли и царь,

придумавший такую должность, ясно понимал это. Державин без ложной скромности решил было, что он становится старшим в совете, на манер генерал-прокурора в сенате. Но когда господа члены собрались, то каждый оказался выше его и чином и званием. На следующий день вышел указ, по которому Державин назначался только правителем канцелярии совета.

Для президента коммерц-коллегии это выглядело понижением в должности. Державин поехал объясняться с царем. Павел не стал слушать его, понял только, что Державин считает себя в совете не на месте, и закричал:

— Поди в сенат и сиди у меня там смирно, а не то я тебя проучу!

И, сердясь, разбрызгивая чернила, подписал новый указ о том, что «тайный советник Гаврила Державин, за непристойный ответ, перед нами учиненный, отсылается к прежнему его месту», то есть в сенат.

Этот случай наделал в городе шума — Державин был очень популярен. Заговорили о том, что Державин слишком смел и отважен в своих словах, что государь потребовал от него скромности и терпения, а он будто бы сказал, что себя переделать не может, и теперь погибнет птичка от своего язычка. Стишок Державина «На птичку» запомнился хорошо.

Домашние Державина были очень встревожены его столкновением с царем. Особенно напугалась Дарья Алексеевна. Она заставила Державина поехать к одному из вельмож, но разговор ясности не внес. Державин, вернувшись домой, решил объясниться с царем тем языком, в котором был наиболее силен — поэтическим. Так возникла ода Державина «На новый 1797 год», в которой он оценил некоторые хорошие начинания, действительно предпринятые Павлом, и выразил надежды на общий успех его царствования. Несмотря на военные замашки и все чудачества нового царя, такие надежды разделяли многие люди в России. Державин писал:

Он поднял скиптр — и пробежала
Струя с небес во мрак темниц;
Цепь звучно с узников упала

И процвела их бледность лиц;
В объятьях семьи восхищенных
Облобызали возвращенных
Сынов и братьев и мужей;
Плоды трудов, свой хлеб насущный,
Узрел всяк в житнице своей.

Каждая строка тут имела под собой основание. Павел освободил из тюрем множество людей, в особенности тех, кто сидел за «оскорбление величества», то есть за высказанное вслух дурное мнение о Екатерине II. Он отменил рекрутский набор и вернул семьям взятую в армию крестьянскую молодежь. По его распоряжению был возвращен крестьянам хлеб, забранный из сельских магазинов для провиантского ведомства. Державину понравились новые порядки, введенные в канцеляриях и судах:

От сна всяк к делу поспешает
И долг свой тщательно творит;
Всяк движется, стремится, внемлет:
На стогне крепко страж стоит,
Перед зерцалом суд не дремлет..

Знакомый с неправосудием Екатерины II, испытавший крупные неудачи в своих служебных делах, Державин хотел верить, что теперь многое пойдет поиному и закон станет уважаться как следует.

Ода «На новый 1797 год» сгладила отношения Державина с императором. Он был вызван, милостиво принят, но о новых назначениях царь с ним не заговаривал. Державин заседал в межевом департаменте сената, тихом и захолустном. Его репутация справедливого, честного и неподкупного человека, упроченная столкновением с Павлом I, повлекла за собой новый вид деятельности: к Державину стали обращаться как к третейскому судье по спорным имущественным делам различные семьи, ему поручались опеки над имениями.

Опыт участия в совестных или третейских судах был у Державина и раньше — он разбирал тяжбу известных уральских заводчиков братьев Демидовых по поводу имения стоимостью в миллион рублей и полюбовно уладил спор, решал и другие дела подобного

рода, но особенно часто ему пришлось заниматься третейским разбирательством в конце 1790-х годов.

Дела поручались Державину и по указанию царя и по обоюдному согласию споривших сторон; их прошло через его руки более сотни. Среди них попадались сложные, запутанные процессы, в которых спор шел о миллионных состояниях. Кроме того, Державину было доверено восемь опек и попечительств — графа Чернышева, князя Гагарина, князя Голицына, бывшего фаворита Екатерины II Зорича и других. С подлинным бескорыстием выполнял свои опекунские обязанности Державин, и в каждом случае ему удавалось оказывать значительную помощь опекаемым наследникам. Все эти дела, добровольно принимаемые на себя Державиным, настолько разрослись, что с 1800 года он должен был пристроить к своему дому несколько помещений, в которых рассадил писарей и вел прием по делам опеки и совестного суда.

Позднее, в 1801 году, Державин на основании приобретенного опыта составил проект устава третейского совестного суда, в котором видел средство сократить «ябеды» и добиться скорого решения гражданских дел. Заслуживают внимания статьи устава, в которых говорится о гласности суда — в зал заседания предполагалось допускать посторонних лиц, то есть зрителей и слушателей, приговоры суда должны были печататься в ведомостях, можно было публиковать замечания на решения суда и т. д. Документ был представлен Александру I, но не получил утверждения «чрез пронырства завистников» автора, как говорит Державин, придававший проекту большое значение. В стихотворении «Лебедь», посвященном итогам своей деятельности, Державин в числе других заслуг упоминает и о составлении правил третейского совестного суда:

И проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил

Понадобилось немного месяцев, чтобы Державин вполне разобрался в обстановке нового царствования и заявил о своем разочаровании. Никаких законов в России по-прежнему не соблюдалось, павловские

вельможи оказались более хищными грабителями, чем екатерининские, государственные дела были в забросе.

Державин не мог молчать об этом. В 1798 году он выступил с прямым поучением царю. В стихах «На рождение великого князя Михаила Павловича» он заявил о том, что «мира царь — есть раб господень», что

Священна доблесть — право к власти;
Лишь правда — над вселенной царь.

И напрасно Павел думает жестокостями утвердить свой трон, напрасно он рассыпает угрозы и наказания:

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабов;
Но богом на престол воззванну
Любить их должно, как сынов.

Державин не сомневался в том, что Павел был хищником и тираном на престоле, в нем крепла уверенность, что власть полубезумца-императора долго продлиться не может. Однако он выполнял свои обязанности, стараясь, по мере сил, исправлять зло, исходившее с высоты престола.

В 1799 году Державин был командирован в Шклов Могилевской губернии для рассмотрения жалоб на владельца имения С. Г. Зорича. Щедро одаренный Екатериной II, Зорич жил богатым князьком в своих обширных поместьях и заставлял завидовать себе менее удачливых приобретателей. Давая ход жалобам на Зорича, царский наперсник Кутайсов намеревался прижать его настолько, чтобы он продал имение. На это Кутайсов намекал Державину. Приехав на место и разобравшись в обстановке, Державин установил, что Зорич, в свою очередь, мог выдвигать встречные обвинения против жалобщиков и не заслуживал предания суду. В таком духе он составил свой доклад, чем Кутайсов был весьма недоволен.

В эту поездку Державин одновременно провел следствие в связи с оказанным крестьянами одной из деревень сопротивлением полиции. Он выяснил причину недовольства. Белорусское население Могилевской губернии было просто не осведомлено о земельных за-

конах и защищало свои старые права. Державин взял сторону крестьян и, возвратившись в Петербург, заявил в сенате о том, что необходимо упорядочить земельное законодательство и оповестить о нем народ. Однако доклад его был оставлен без внимания. Рассказывая об этих годах своей службы в «Записках», Державин замечает: «С сожалением или стыдом признаться должен, что никто ни о чем касательно общего блага Отечества, кроме своих собственных польз и роскоши, не пекся; то и было правление, так сказать, в летаргии или в параличе... Одумаются ли правительствующие головы и приложат ли всевозможное истинное попечение о должном во всех частях правления порядке и непоколебимости отечества...»

В следующем, 1800 году Державин вновь был направлен в Белоруссию для борьбы с голодом, охватившим этот край. Ему предстояло принять меры для поддержки населения, накормить народ и устранить возможное повторение голодовок. Задача была трудной и в условиях крепостнической России, разумеется, неосуществимой. Державин не представлял себе, что суть дела не в отдельных мероприятиях, а во всей системе крепостного хозяйства, он не усомнился в возможности решения задачи и поспешил в Белоруссию, где провел несколько месяцев — с июня по октябрь 1800 года. Имея большие права, уполномоченный облегчить положение белорусского крестьянства, Державин распорядился конфисковать хлеб у богатых владельцев и раздать бедным крестьянам заимообразно.

Вскоре Державин столкнулся с одной из причин крестьянской нищеты — неимоверными господскими поборами. В одной из деревень, принадлежавших великому гетману литовскому Огинскому, зайдя в избы, Державин увидел, что крестьяне едят пареную траву. Тощие, бледные, они выглядели живыми мертвецами. Оказалось, что Огинский не только не ссудил хлебом своих крестьян, но взыскал с них в этом голодном году по два рубля серебром за освобождение от повинности — посылки подвод для господского дома.

Державин пришел в ярость и своею властью распорядился взять имения Огинского в опеку, за счет помещика закупить хлеб и раздать его крестьянам.

Смелый поступок Державина по отношению к одному из крупнейших богачей имел хорошие результаты: остальные помещики стали принимать меры для прокормления своих крестьян — распечатывали запасные магазины и покупали хлеб в соседних губерниях. Хлеб, конечно, раздавался в долг, за него пришлось потом втрое отрабатывать барину, но прежде всего надо было спастись от голодной смерти, и народ принимал господские условия.

Державин приостановил вывоз белорусского зерна за границу, добился раздачи государственным крестьянам хлеба из казенных магазинов и энергично боролся с винокурением. Эти меры спасли жизнь многим крестьянам. Помещики и арендаторы, недовольные действиями Державина, затронувшими их интересы, принялись жаловаться на него в Петербург, не останавливаясь перед клеветой и лжесвидетельством, но успеха не имели.

Наблюдательный и умный Державин понял, что голод в Белоруссии имеет причиною вовсе не климатические или почвенные условия и не стихийные бедствия. В одних округах царил голод, в других недостатка в хлебе не ощущалось. Все зависело от распределения хлеба, от размеров ограбления крестьян помещиками, арендаторами, скупщиками, кабатчиками и всеми, кто жадно тянул руку к тощему крестьянскому кошельку.

Державин заметил это и постарался облегчить положение белорусских крестьян, но над общими причинами явления он не задумывался. В обширном документе, представленном сенату в 1800 году, Державин подробно излагает причины, повлекшие, по его мнению, недостаток хлеба в западных губерниях, и меры, которыми с ним нужно бороться. Ряд наблюдений его отличается верностью, предложения носят практический характер, но везде речь идет о частностях. О том, что порочной была вся система и именно

она не позволяла предотвратить народные бедствия, а наоборот, их усиливала, Державин, разумеется, не догадывался.

Перед поездкой в Белоруссию Державин получил еще одно поручение. Павел щедро раздаривал земли и крестьян своим любимцам и скоро дошло до того, что дарить стало почти нечего. Между тем государственные земли в Белоруссии, поделенные на староства, были розданы в аренду различным хозяевам, там числилось более восьмидесяти тысяч крестьян. Этот лакомый кусок бывший брадобрей Кутайсов, вошедший теперь в великую силу, задумал переделить сызнова. Но для этого требовалось согнать с земли арендаторов.

Кутайсов поручил Державину проверить все арендованные староства и, придираясь к малейшим упущениям, беспощадно расторгать контракты. Он не постеснялся пообещать, в случае успеха, тысячу-другую крестьян подарить Державину.

Во время поездки Державин поверял староства, но все его заключения были благоприятны для арендаторов. Кутайсову не удалось заполучить ни одного расторгнутого договора — Державин с негодованием отверг предлагавшиеся им уловки и посулы. Зато по возвращении Кутайсов постарался настроить Павла против Державина, и тот даже не принял его отчета, сказав генерал-прокурору Обольянинову:

— Он горяч, да и я, то мы опять поссоримся; а пусть через тебя доклады его ко мне идут.

Однако эта горячность Державина сейчас же понадобилась царю. Он подозревал главного директора коммерц-коллегии князя Гагарина в покровительстве английским купцам и хотел вывести его на свежую воду. Державин вновь получил назначение президентом коммерц-коллегии, на этот раз уже совершенно без всяких прав: даже приемом и увольнением курьеров занимался сам главный директор.

Державин обратился за разъяснением к генерал-прокурору.

— Где же полная ко мне доверенность? — спросил он. — Я не что иное, как рогожная чучела, кото-

рую будут набивать бумагами; а голова, руки и ноги, действующие коммерциею, — князь Гагарин.

— Так угодно было государю, — ответил генерал-прокурор и доложил Павлу, что Державин недоволен своим назначением.

Жалоба эта прошла незамеченной. Павел вдруг уверовал в Державина и со своей сумасбродностью буквально забросал его новыми должностями.

21 ноября 1800 года Державину велено было стать «вторым министром при государственном казначействе». Первым тогда же был назначен старинный знакомец Державина А. И. Васильев. Умудренный опытом коммерц-коллегии, Державин разъяснил генерал-прокурору неудобство утверждения сразу двух начальников, и на следующий день, 22 ноября, читал новый именной указ царя: Васильев отстраняется от службы, а Державин назначается государственным казначеем. 23 ноября ему было приказано присутствовать в государственном совете, 25 ноября — Державина из межевого департамента сената перевели в первый департамент, 27 ноября ему назначили по шесть тысяч рублей столовых денег ежегодно. Указ за указом ложились на стол Державина. Если к этому добавить, что 20 ноября он был введен в советы двух учебных заведений — Екатерининского и Смольного институтов, то выйдет, что эта неделя ноября была для Павла I поистине «державинской неделей». Каждый день он куда-то назначал Державина, как бы желая разом укрепить его персоной несколько звеньев государственного аппарата.

Выпустив этот фейерверк именных указов, царь на время совсем перестал интересоваться Державиным, и тот с обычной добросовестностью принялся выполнять свои многообразные обязанности.

Первой его заботой было приведение в порядок отчетности по бюджету империи, весьма запущенной в предшествующие годы. Представленная Васильевым роспись доходов и расходов оказалась неточной, Державин легко убедился в этом на примере известных ему доходов коммерц-коллегии — Васильев исчислял их в восемь миллионов рублей, в то время как их

следовало оценивать в десять миллионов, о чем Державин и сообщал в свое время, как президент коммерц-коллегии.

Он потребовал уточнения всех данных, и Васильев два месяца исправлял цифры бюджета, приводя их в соответствие с показаниями учреждений. Как признавался Васильев, он не ожидал такого внимательного рассмотрения бюджета и, подавая его государю, рассчитывал на успех, потому что документ был красиво оформлен — весь «в красных линейках и весьма чисто был написан», замечает Державин.

Другое важное дело, которое задумал Державин, было сокращение отчетности и приведение ее в определенную систему. При существовавшем порядке контроль за выполнением бюджета и ревизия остающихся сумм велись с большими трудностями и отнимали много времени. Державин составил перечень излишних ведомостей, отчетов и тому подобных бумаг и провел через сенат их упразднение. После этого финансовое делопроизводство заметно упростилось.

В сенате вновь раздался мужественный голос Державина. Он смело высказывал свое мнение, не боясь того, что иногда расходился с большинством сенаторов.

После третьего раздела Польши патриоты, не желавшие мириться с беспомощным положением родины, пытались выступить за ее объединение. Правительство Павла I жестоко преследовало поляков, десятки и сотни их были допрошены в тайной экспедиции и сосланы на вечную каторгу в Сибирь. Сенату предложено было утвердить приговоры поименным опросом членов присутствия.

Когда очередь дошла до Державина, он обратился к начальнику тайной экспедиции Макарову:

— Виноваты ли были Пожарский, Минин и Палицын, что они, желая избавить Россию от рабства польского, учинили между собою союз и свергли с себя иностранное иго?

— Нет, — ответил Макаров, — они не токмо не виноваты, но всякой похвалы и нашей благодарности достойны.

— Почему же, — спросил Державин, — так строго обвиняются сии несчастные, что они имели некоторые между собою разговоры о спасении от нашего владения своего отечества? Чтоб сделать истинно верноподданным завоеванный народ, надобно его прежде привлечь сердце правосудием и благодеяниями, а тогда уже и наказывать его за преступления, как и коренных подданных, по национальным законам. Нельзя казнить и посылать всех в ссылку, ибо всей Польши ни переказнить, ни заслать в заточение не можно.

Павел I, которому мнение Державина было тотчас же передано, приказал ему «не умничать». Державин стал казаться царю подозрительным. Павел иногда требовал его к себе и глядел ему пристально в глаза, как бы желая прочесть мысли.

Гнев внезапно сменялся милостью — Павел однажды вызвал Державина, пробормотал невнятно несколько слов и надел на него аннинскую ленту.

Служить было трудно и беспокойно. Мысль о ненадежности расположения земных владык, о непрочности опоры на временных властителей сквозит в стихах Державина этой поры, в частности в переложениях псалмов.

В стихотворении «На тщету земной славы» (псалом 48) Державин вновь говорит о необходимости личных заслуг для приобретения блаженства и славы:

Ах! тщетно смертны мнят в надменье,
Что ввек их зданья не падут;
Что титл и славы расширенье
Потомки в надписях почтут...

Права поэта дали Державину возможность говорить учительным тоном, и он дорожил этим преимуществом.

От нашей воли то зависит,
Чтоб здесь и там блаженным быть,
Себя унизить иль возвысить,
Погребсть во тьме иль осветить.

Сознание правильности пройденного пути помогало Державину с бóльшим спокойствием наблюдать за течением дворцовых интриг и принимать незаслуженные обиды.

Многих хлопот стоило ему издание сборника своих стихотворений. Книга печаталась в типографии Московского университета, и Державин из Петербурга не мог следить за ее выпуском. Он доверил наблюдение Н. М. Карамзину, но в типографию попал неверный экземпляр рукописи и потому не удалось избежать неисправностей. Множество препятствий чинили университетские цензоры. Они требовали исключения отдельных мест и целых стихотворений. Решительному запрещению подверглась ода «Властителям и судиям», книга печаталась без нее. В оде «Изображение Фелицы» вызвали протест цензоров строки:

Да век мой на дела полезны
И славу их я посвящу,
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

Державин с возмущением доказывал, что эти стихи не раз уже печатались и ода широко известна, но ничего не добился. Тогда он обратился через генерал-прокурора к государю и тоже получил отказ. На его письме была наложена резолюция:

«Государь император приказать соизволил: внушить господину Державину, что по искусству его в сочинении стихов подчеркнутые бы переменил, чтоб получить дозволение сочинения его напечатать».

Державин не видел в злополучных строках никакой крамолы. Почему нельзя сказать «самодержавства скиптр железный»? А какой же он, сахарный? Разве всем от него сладко? Но нельзя только погонять и требовать, нужна и ласка и милость. Это и значит — «щедротой позлащу», позолочу неприятную пилюлю.

Переделывать стихи Державин наотрез отказался. Тогда последовало распоряжение — выкинуть их вовсе. Взамен было поставлено два ряда точек.

Когда этот первый том сочинений Державина в 1798 году вышел из печати, упрямый поэт принялся от руки вписывать пропущенные строки в тех экземплярах, которые он дарил друзьям и знакомым. Он уважал свои стихи и дорожил мнением читателей.

Глава 12
СУВОРОВ

Много лет был Державин знаком и дружен с Суворовым. Поэт восхищался подвигами великого полководца, любил его как смелого и прямого человека, не боявшегося высказывать то, что думал, и поступать так, как считал нужным. В Суворове Державин ценил черты гражданина, беспредельно преданного своему отечеству. Скромность и простота Суворова разительно отличали его в кругу вельмож. Он как можно реже старался бывать во дворцах, деля и труды свои и досуг вместе с армией.

Но время от времени Суворову приходилось показываться при дворе, и не в радость ему были эти приезды. Боевая слава полководца была неприятна для его начальников, в лучах ее терялись их немногочисленные заслуги, обычно не по достоинству щедро награждавшиеся царицей. Суворов воевал, но официальные лавры доставались тем, у кого он был в подчинении, кто своей робостью мешал ему добиваться побед в кратчайшее время и малой кровью.

Так было и во вторую русско-турецкую войну. Суворов готовил войска, вел их на штурм и взял казавшийся несокрушимым Измаил, а царский Петербург чествовал Потемкина. В апреле 1791 года Суворов прибыл в столицу, но на блестящем празднике в Таврическом дворце он не присутствовал. Накануне его услали осмотреть укрепление шведской границы, как

будто с этим нельзя было подождать дня. На самом деле — и это поняли сразу — Потемкин не пожелал видеть рядом с собой истинного героя победы, которая приписывалась ему одному.

В 1794 году Державин сочинил «Песнь на победы Суворова». Он прославлял победы русского оружия и полководческое искусство своего героя. Под его пером Суворов получал вид былинного богатыря. Чертами народной поэзии отмечены посвященные ему строки стихотворения:

Вихрь полуночный, летит богатырь!
Тьма от чела, с посвиста пыль!
Молньи от взоров бегут впереди,
Дубы грядою лежат позади.
Ступит на горы — горы трещат,
Ляжет на воды — воды кипят,
Граду коснется — град упадает,
Башни рукою за облак кидает;
Дрогнет природа, бледнея пред ним;
Слабые трости щадятся лишь им.

Эта песнь Суворову была в 1795 году напечатана отдельным изданием, но из типографии не вышла — она разгневала императрицу. Похвалы полководцу не понравились Екатерине — меньше их оставалось на ее долю. Кроме того, она обиделась на Державина, решив, что поэт призывает ее ограничить завоевания и опять дает непрошеные советы.

Когда секретарь императрицы Попов читал ей вслух новую оду Державина, он в одной строфе ошибся ударением.

У Державина было:

Бессмертная Екатерина!
Куда и что еще? Уже полна
Великих ваших дел вселенна.

А Попов прочел:

Бессмертная Екатерина!
Куда и что еще? Уж по́лно...

То есть довольно, хватит, оставайся с тем, что взято. Императрица же вовсе не думала расстаться с завоевательной политикой.

Дальше внимание Екатерины остановили строки, в которых Державин с восхищением говорил о трудах и подвигах россиян, русских людей:

Как ночью звезд стезя, по небу протяженна,
Деяний ваших цепь в потомстве возблестит
И мудрых удивит. —
Уж ваши имена,
Триумф, победы, труд не скроют времена...

Эти стихи были также забракованы — поэт должен славить императрицу, а не ее подданных.

Так «Песнь на победы Суворова» в свое время и не увидела света.

В декабре 1795 года Суворов снова приехал в Петербург. Его поселили в Таврическом дворце — после смерти Потемкина он отошел в казну, — и здесь Державин вновь увидел Суворова. Они знали друг друга еще со времен крестьянской войны, иногда переписывались, но встречаться удавалось редко.

Державин был у Суворова на второй день его приезда. Фельдмаршал распорядился никого другого не принимать, хотя с визитами прибывали весьма многие. Исключение он сделал только для князя Платона Зубова как лица, ближайшего к императрице, но долго задержаться с разговорами не дал. Он, как был, встретил Зубова в дверях своей спальни, не подумав одеться для важного гостя — несмотря на декабрьские морозы. Суворов во дворце ходил, едва прикрыв наготу, как в лагерной палатке жарким летом. Он выслушал любезности Зубова и тут же попрощался с ним. Державин был оставлен обедать.

Зубов сейчас же отправился к императрице и рассказал ей о своей молниеносной встрече с Суворовым, не потрудившимся даже накинуть что-нибудь на себя из приличия. Екатерина решила намекнуть на это своевольному фельдмаршалу. Через полчаса в Таврический дворец явился придворный лакей. Императрица справлялась о здоровье Суворова и прислала ему подарок — богатую соболью шубу, крытую зеленым бархатом. Она передала, что просит фельдмаршала беречь себя от простуды.

Суворов, не моргнув глазом, приказал гонцу встать на диван и развернуть шубу. Осмотрев со всех сторон подарок, Суворов три раза поклонился шубе, принял ее на вытянутые руки, поцеловал и, кликнув своего камердинера Прошку, велел взять шубу на сохранение. Привычкам своим изменять он не собирался.

Когда Державин сел с Суворовым обедать, доложили о приезде нового гостя — вице-канцлера графа Остермана. Суворов мгновенно вскочил, натянул белый китель и выбежал на подъезд.

Лакеи открыли дверцу кареты. Остерман, кряхтя, собирался вылезать. Суворов, растолкав прислугу, вскочил в карету, сел рядом с Остерманом, выпалил, что очень рад посещению, благодарит за память, пожал руку, спрыгнул на землю и крикнул кучеру:

— Трогай!

Не успел опомниться Остерман, как кони уже везли его по улице.

Суворов возвратился к столу, придвинул к себе тарелку и со смехом сказал Державину:

— Этот контрвизит самый скорый, лучший — и взаимнс не отяготительный.

Живя в роскошном дворце, свободный от службы, Суворов по-прежнему вставал чуть свет, обливался холодной водой и сохранял годами выработанное течение дня. Из спальни своей он распорядился вынести кровать и вместо нее положить в углу несколько охапок сена: другой постели он не признавал.

Под впечатлением встречи с Суворовым, Державин написал стихи:

Когда увидит кто, что в царском пышном доме
По звучном громе Марс почиет на соломе,
Что шлем его и меч хоть в лаврах зеленеют,
Но гордость с роскошью повержены у ног,
И доблести затмить лучи богатств не смеют, —
Не всяк ли скажет тут, что браней страшный бог,
Плоть Епиктитову[1] прияв, преобразился,
Чтоб мужества пример, воздержности подать...

---

[1] Эпиктет — греческий философ-стоик I—II веков нашей эры. Сообразуясь со своим учением, он жил в крайней бедности.

В годы царствования Павла I Державин, обманувшийся в своих надеждах на нового государя, редко затрагивает в стихах современные темы — они его не вдохновляют. Только боевые подвиги русских войск под командой Суворова побуждают его браться за перо.

Царская опала, которой подвергался Суворов, не раз отмечена с глубоким сочувствием герою в стихах Державина. Настроение поэта выразилось в стихотворении 1797 года «К лире»:

Петь Румянцева сбирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел;
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век;
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.

Румянцев умер, гонимый Суворов был заперт в своем имении Кончанское, — чьи подвиги могут волновать поэта, для чего теперь нужна его лира? И Державин с вызовом заявляет:

Так не нужно звучных строев;
Переладим струны вновь;
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

Надо было многое пережить, о многом передумать для того, чтобы поэту-патриоту прийти, пусть на словах, к такому заключению.

В неоконченном стихотворении Державин резко осудил Павла I за преследование великого полководца и обвинил его в ускорении смерти Суворова:

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою...

Павел I не любил Суворова. Русский полководец, с начала до конца не принявший преобразование ар-

мии на немецкий лад, предпринятое Павлом, ушел в отставку. Но зачеркнуть сделанное Суворовым было невозможно. И увлеченный вахтпарадами император не мог не понимать, что в дни настоящего испытания, требующего напряжения всех сил государства, ему потребны будут не вымуштрованные по прусскому образцу гатчинцы, а русский главнокомандующий, способный действовать и побеждать. Поэтому в трудную минуту войны с Францией Павел I, несмотря на всю свою мелочную обидчивость, вспомнил о Суворове и призвал его стать во главе соединений русской армии. С полнейшим успехом Суворов в 1799 году выполнил поставленную перед ним задачу, поборов все препятствия, которые чинили ему союзники-австрийцы и царские бюрократы.

В поэтическом воображении Державина полководец рисовался сказочным народным богатырем. Обращаясь к Суворову, поэт начинает говорить языком, в котором слышатся отзвуки былин.

В 1790-х годах в России получили известность песни шотландского барда Оссиана. Сумрачный, суровый колорит этих песен, героический их характер, романтическая приподнятость тона, необычность тематики и высокий пафос изображения героев производили глубокое впечатление на русских поэтов. Впоследствии оказалось, что песни Оссиана написаны поэтом XVIII века Макферсоном, что они не что иное, как безупречно искусная подделка.

Державин поддался обаянию песен Оссиана, он усвоил их образную систему и применял ее иногда для прославления героев русской истории, в первую очередь Суворова.

Свидетельство этому стихотворение «На победы в Италии» (1799):

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка![1] щит:
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище Бардов восшумит. —

[1] То есть валькирия. Так в скандинавской мифологии назывались девы-воительницы. Они летали над полями сражений и, повинуясь богу Одину, помогали воюющим.

Встают. — Сто арф звучат струнами;
Пред ними сто дубов горят;
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестят.

«Се, Суворов, ты!» — восклицает Державин в конце стихотворения:

Се ты, веков явленье чуда!
Сбылось пророчество, сбылось!
Луч, воссиявший из-под спуда,
Герой мой вновь свой лавр вознес!

Державин был искренне рад возрождению славы Суворова, которого он знал четверть века; еще в 1796 году в оде «На возвращение графа Зубова из Персии» поэт утверждал, что «горит его звезда», хотя Павел всеми силами стремился ее пригасить.

Возвращение Суворова в армию поэт отметил стихотворением «Орел» (1799) и внимательно следил за ходом итальянской кампании.

Суворов одержал в Италии ряд блистательных побед при Нови, Треббии и очистил Северную Италию от французских войск. Вместо того чтобы закрепить эти успехи, Суворов получил приказание идти в Швейцарию. Австрийские войска уже ушли оттуда, и русский корпус под командой генерала Римского-Корсакова оказался в одиночестве против превосходящих сил французской армии. Суворов бросился на помощь. Австрийское командование изменническим образом нарушило свои обязательства и оставило русскую армию без продовольствия, транспорта и боеприпасов. Но медлить было невозможно. Суворов, как всегда, выбрал наиболее короткий путь и двинулся в Швейцарию по горным тропинкам. Неукротимый духом семидесятилетний полководец провел армию через Альпы, сломив сопротивление французских войск, разбил их в боях и успешно завершил кампанию.

Горный поход Суворова многократно увековечен в русском искусстве. Первым это сделал Державин. Его ода «На переход Альпийских гор», написанная в ноябре — декабре 1799 года, основана на точных исторических фактах. Материалом поэту служили до-

несения Суворова, печатавшиеся в «Прибавлениях» к газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Державин, выразив свою радость по поводу того, что ему вновь довелось говорить о славе Суворова, ставит себя на место участника похода и мощной кистью рисует картины альпийской природы и препятствия, которые приходилось преодолевать суворовским богатырям.

С большой верностью говорит он о единении Суворова с войском, о том, что, выступая в поход, полководец постарался довести боевую задачу до каждого солдата, обеспечив сознательное выполнение своих приказаний. Эта черта военной педагогики Суворова была присуща ему, как никому другому из русских военачальников XVIII века.

Идет в веселии геройском
И тихим манием руки,
Повелевая сильным войском,
Сзывает вкруг себя полки.
«Друзья, — он говорит, — известно,
Что Россам мужество совместно;
Но нет теперь надежды вам,
Кто вере, чести друг неложно,
Умреть иль победить здесь должно».
— «Умрем!» — клик вторит по горам.

Упоминание о чести имеет тут особый смысл. В представлении дворянского общества XVIII века понятие чести было свойственно только дворянам. Крепостные крестьяне, из которых рекрутировалась армия, якобы служили из страха, по обязанности, но честь мог защищать только офицер-дворянин. Мысль об этом содержится даже в рассуждениях Милона, выведенного в «Недоросле» Фонвизина.

Державин был одним из немногих деятелей XVIII века, которые помнили о солдате и уважали его. В стихотворении «Заздравный орел» (1795) первое слово поэт обращает именно к нему:

О! исполать[1], ребяты,
Вам, русские солдаты!

[1] Исполать — древнерусское выражение, обозначающее «хвала», «слава», «многая лета».

Что вы неустрашимы,
Никем не победимы:
За здравье ваше пьем!

И только следующий тост поэт провозглашает за «бессмертных героев» — Румянцева и Суворова.

Русские крепостные солдаты одерживали под командованием Румянцева, Суворова, Кутузова, Багратиона величайшие победы. С Суворовым они перешли Альпийские горы:

Ведет в пути непроходимом
По темным дебрям, по тропам,
Под заревом, от молньи зримом,
И по бегущим облакам;
День — нощь ему среди туманов,
Нощь — день от громовых пожаров;
Несется в бездну по вервям,
По камням лезет вверх из бездны;
Мосты ему — дубы зажженны;
Плывет по скачущим волнам.

Державин описывает преграды, встававшие перед русскими войсками, которые вел Суворов:

Отвсюду окружен врагами,
Водой, горами, небесами
И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,
Вдали там гулы ропчут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл.

Поэт не скупится на краски, перед читателем воочию встает «исполинской славы труд», выполненный русским солдатом, под водительством полководца:

Таков и Росс: средь горных споров —
На Галла стал ногой Суворов,
И горы треснули под ним.

За величавой поэмой Державина «На переход Альпийских гор» слишком скоро, к сожалению, последовали стихи, посвященные кончине героя, происшедшей 6 мая 1800 года. Последние месяцы жизни Суворова были омрачены оскорблениями со стороны Павла I, от которых не спасли полководца легендарные подвиги и признательность отечества.

Незадолго до кончины Суворова Державин навестил его.

— Какую же ты мне напишешь эпитафию? — спросил Суворов. Он знал, что безнадежен.

— По-моему, много слов не нужно, — ответил Державин, — довольно сказать: «Здесь лежит Суворов».

— Помилуй бог, как хорошо!

Эта надпись была вырезана на гробнице Суворова.

Державин был с Суворовым и в день его смерти. Он написал Н. А. Львову:

«Герой нынешнего, а может быть, и многих веков, князь Италийский с такою же твердостию духа, как во многих сражениях встречал смерть, вчерась в 3 часа пополудни скончался. Говорят, что хорошо это с ним случилось. Подлинно, хорошо в такой славе вне и в таком неуважении внутрь окончить век! Это истинная картина древнего великого мужа. Вот урок, вот что есть человек!»

Возвратившись домой по кончине Суворова, Державин услышал, что ученый снегирь, висевший в клетке в его кабинете, насвистывает марш. Птичий голос напомнил звук флейты. Под флейту с барабаном ходили солдаты. Их любимым командиром был Суворов... Так возникли первые строки стихотворения:

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый Снегирь?

Но Суворова уже нет. Что будет с армией, кто возглавит ее, если будет нужда? Стихи потекли дальше:

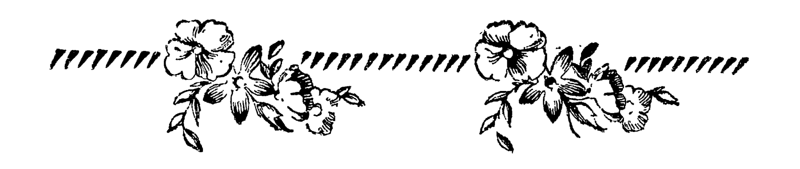
С кем мы пойдем войной на гиену?
Кто теперь вождь наш? кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Державин писал, отчетливо видя перед собой своего друга. Он набрасывал в стихах черты его облика, своеобразного и неповторимого. О героях принято было говорить в самых общих словах — что они храбры, мужественны, великодушны. Поэтика классицизма учила: надо схватывать общее, всем присущее, а индивидуальные особенности отдельных людей не могут быть предметом искусства. Не в них дело, они только мешают постичь существо человека, отвлекают внимание.

Откинув наставления теории, Державин говорил в стихах о Суворове, каким его знали все, каким он был дорог поэту. Державин спрашивал у себя:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью Россиян все побеждать?

В стихах, посвященных Суворову, Державин проявил лучшие стороны своего таланта.

Глава 13
АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают, —
Много мудрых есть господ;
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде черт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкой быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть и пить и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.

Державин написал эти стихи и крупно вывел сверху: «К самому себе». Он уговаривал себя, что должен так поступать — лениться, бросить дела, не наживать злодеев. И знал, что жить этим советом никогда не будет, до могилы останется «горяч и в правде черт». Но плохое настроение требовало выхода.

А шустрый бог любви Эрот был зван в стихи недаром. Державина не тянуло к оде, он не находил вокруг, кроме подвигов Суворова, важных предметов для своей лиры. И в годы царствования Павла I упражнялся в легкой поэзии, писал анакреонтические песни. Так было принято называть небольшие стихотворения,

воспевавшие радости жизни и любви. Для кипучей натуры поэта-бойца это было формой протеста против того, что происходило при дворе, демонстративным отказом вести поэтическую летопись событий, к которой привыкли современники за двадцать лет литературных трудов Державина.

Стихи Анакреона — греческого поэта V века до нашей эры — полюбились людям, и еще в глубокой древности им стали подражать другие поэты. На русский язык в XVIII веке Анакреона переводили Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Львов. Лучше всех это делал Державин. Он сохранял тему и дух каждого анакреонтического стихотворения, но в своих подражаниях Анакреону создавал чудесный русский колорит, и его стихи становились подлинным украшением нашей национальной поэзии.

Державина привлекал к себе как светлый мир поэзии Анакреона, так и образ самого поэта, жизнелюбивого мудреца, довольного своим покоем и презирающего шум света. В стихотворении «Венец бессмертия» (1798), посвященном Анакреону, он писал:

Цари его к себе просили
Поесть, попить и погостить;
Таланты злата подносили, —
Хотели с ним друзьями быть.
Но он покой, любовь, свободу
Чинам, богатству предпочел...

Об этом мечтал для себя и Державин.

Высокую оценку эти стихи Державина заслужили у Белинского. «Что в Державине был глубоко художественный элемент, — писал он, — это всего лучше доказывают его так называемые «анакреонтические» стихотворения. И между ними нет ни одного, вполне выдержанного; но какое созерцание, какие стихи». В своей статье Белинский выписывает стихотворения «Победа красоты» и «Русские девушки» для доказательства того, «какими превосходными стихами *мог* писать Державин».

Действительно, стихи эти великолепны. «Русские девушки» отлично передают направление и характер

державинской анакреонтики. Державин в этом стихотворении обращается к Анакреону:

Зрел ли ты, Певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмачками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?..
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?

Красота этой русской пляски и обаяние девушек кажутся Державину не имеющими себе ничего равного, и он с уверенностью говорит Анакреону:

Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл,
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Мифических персонажей анакреоновских од Державин переносит в обстановку русского быта. В стихотворении «Птицелов» (1800), например, он описывает шалость Эрота:

Эрот, чтоб слабым стариком
Казаться, гуню[1] вздел худую,
Покрылся белым париком
И, бороду себе седую
Привеся, посох в руки взял.
Пошел в лесу ловить дичину...

Бог любви принимает, таким образом, вид старого крестьянина. И конец стихотворения снова говорит нам о русской деревне:

Не верьте, красные девицы,
Вперед и бороде седой!

---

[1] «Простонародное название худого крестьянского платья», — как поясняет Державин.

Мраморный Купидон работы Фальконета, изображающий бога любви с колчаном и стрелами, приложившего указательный палец к губам, которого Державин видел в коллекциях князя А. А. Безбородко, вызывает у него сюжетное стихотворение «Фальконетов Купидон». Державин развертывает перед читателем шутливую сценку.

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу в избе повалкой
Спать на сене улеглись.

Картинка ночлега охотников перед полем насыщена просторечными словами. Купидон будит автора:

Встал я и, держась за стенку,
Шел на цыпках, чуть дышал;
За спиной он в туле[1] стрелку,
Палец на устах держал.
Тихой выступкой такою
Мнил он лучше дичь найти;
Мне ж, с плешивой головою,
Как слепцу велел идти...

Ночное приключение складывается довольно обычно, барин пробирается в девичью, но

Молодежь вкруг засмеялась, —
Нас схватили у девиц.
Испугавшися смертельно,
Камнем стал мой Купидон:
Я проснулся, — рад безмерно,
Что то́ был один лишь сон...

Вот на какой сюжет натолкнула старого Державина — ему шел шестьдесят первый год — скульптура Фальконета и какую сценку помещичьего быта зарисовал он, глядя на статую.

В стихотворении «Гостю» (1794—1795) он изображает домашнюю обстановку:

Сядь, милый гость, здесь на пуховом
Диване мягком, отдохни;
В сем тонком пологу, перловом,
И в зеркалах вокруг, усни;

---

[1] Тул — колчан для стрел.

Вздремли после стола немножко;
Приятно часик похрапеть;
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь...

Благодушный хозяин уверяет гостя, что

Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни клад.

В этих стихах читателя поражает свойственное Державину чувство живой природы и любование ею. Он передает окружающую жизнь в цвете и звуках:

Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят;
Как жаворонки вверх парят.
Как гусли тихи, иль цевницы [1],
Звучат их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель взывает,
И между всех их пробегает
Свист громкий соловьев.
Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как распустившись роз кусты
Смеются в люльках и алеют...

Державин изображает приход весны, освобождение земли от ледяного покрова:

Чешуятся реки златом;
Рощи, в зеркалы смотря,
На ветвях своих качают
Теплы, легки ветерки...
Рыбы мечутся из вод;
Журавли, виясь кругами
Сквозь небесный синий свод,
Как валторны возглашают;
Соловей гремит в кустах.

И наконец:

Горстью пахарь дождь на нивы
Сеет вкруг себя златой.

В этой картине ничего не забыто, ничто не упущено, и венцом ее является человеческий труд — пахарь оплодотворяет землю.

---

[1] Цевница — свирель, флейта.

В нескольких строках, пользуясь наиболее точными приметами, Державин умеет изобразить круговорот времен года, представить смену их:

Время все переменяет:
Птиц умолк весенних свист,
Лето знойно пробегает,
Трав зеленых вянет лист;
Идет осень златовласа,
Спелые несет плоды;
Красножелта ее ряса
Превратится скоро в льды.

В стихотворение «Праздник воспитанниц девичьего монастыря» (1797) Державин вставляет картину птичьего перелета в низовьях Волги, сравнивая с нею игры и веселье «юных дев»:

Там бы на песчаных стогнах
Зрел пернатых он стада,
Что, собравшись в миллионах,
Как снегов лежат гряда;
Кроткие меж них колпицы
В стае гордых лебедей,
Сребророзовые птицы
Лоснятся поверх зыбей,
И шурмуют, и играют,
И трепещутся средь волн,
С перьев бисер отряхают
Разноцветный влажный огнь...

Для Державина поэзия была «говорящей живописью»: поэт должен рисовать словом, как художник кистью, считал он, и так поступал в своем творчестве. И в стихах Державин, с детства любивший рисование, всегда оставался художником, отлично разбирающимся в композиции, цвете, линии. Многие его стихотворения содержат описания картин современных художников или навеяны ими, ряд анакреонтических стихотворений отражает впечатления Державина от предметов искусства, которые он видел во дворцах Екатерины и ее вельмож.

Природа видится Державину во всех своих красках, в их контрастном сочетании. Он отлично различает цвета, не боится их пестроты, зная, что для природы нет ничего недозволенного.

Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облечен зарею,
Сошел на землю новый год.

Следом за описанием некой кометы, пролетавшей по синему небосводу, с таким же вниманием и мастерством, с живым любованием увиденным поэт рисует, например, павлина с его ярким оперением:

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждого конце пера
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонит — изумруды блещут!
Повернет — яхонты горят!

Чутким ухом Державин слышит самые разнообразные звуки в природе — от гремящего грома до шуршанья листа и стремится воспроизвести их в стихах:

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала,
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Осенние листья шуршат под ногами путника:

Шумящи красножелты листьи
Расстлались всюду по тропам...

Бой на мечах передается звукоподражанием:

Частая сеча меча
Сильна могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща, как свеча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубит звуча.

Поэт, считал Державин, всегда должен наблюдать, «одета ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово им приличным тоном; поражается ли ими сердце; узнается ли в них действие или образ естества». Поэзия должна быть согласна с музыкой «в своих чувствах, в своих картинах и, наконец, в подражании природе».

Позднее, в 1804 году, Державин выпустил отдельным изданием свои «Анакреонтические песни», куда вошел, кроме непосредственно связанных с темой сборника, ряд стихотворений, близких к ним по содержанию и лишенных политически злободневного смысла — таких, как «На рождение в Севере порфирородного отрока», «Праздник воспитанниц девичьего монастыря», «Возвращение весны», «Призывание и явление Плениры», «Тончию», — а кроме того, многочисленные поэтические миниатюры: «Цепочка», «Чечетка», «Горы», «Горки», «Виши», «Пчелка», «Нине» и другие.

Выход этой книжки явился литературным событием. Слава Державина как поэта была велика, за его стихами следили по журнальным публикациям и отдельным их изданиям. «Анакреонтические песни» явились сборником, представлявшим «певца Фелицы и бога» с новой стороны его творчества.

Эту новизну Державин хорошо ощущал и потому в предисловии к «Анакреонтическим песням» попытался объяснить читателям их происхождение и как бы извиниться за то, что автор «Вельможи» и «Водопада» занимается «легкой поэзией». Он рассказал, что «для забавы в молодости, в праздное время и, наконец, в угождение моим домашним» сочинял эти песни, а напечатал их потому, что перестал быть должностным лицом, стал частным человеком и может теперь публиковать то, что неприлично было бы видеть за подписью президента коллегии или министра юстиции. Это серьезно-простодушное разъяснение Державина очень для него типично по своей неуклюжей грациозности.

Перед «Анакреонтическими песнями» Державин ставил важную задачу: «По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковые в других языках едва ли находятся».

Ломоносов в 1755 году утверждал, что российский язык имеет «великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». Державин, оду-

хотворенный теми же мыслями, наглядно показывает эти качества русского языка, в чем приходилось еще убеждать дворянских читателей, зараженных французоманией. Он делает это с поистине блестящим мастерством и пишет, например, десять стихотворений, в которых не употребляет буквы «р». Вот строки из стихотворения «Соловей во сне» (1797):

Я на холме спал высоком,
Слышал глас твой, Соловей;
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он...

Такие стихи Державин, по его словам, писал «для любопытства» и в доказательство «изобилия и мягкости» русского языка, — он превосходно, умело пользовался его богатейшими возможностями.

Выход в свет «Анакреонтических песен» Державина был отмечен в журналах «Северный вестник» и «Патриот» не рецензиями, нет, — поэт был выше критики в глазах современников, — а торжественными оповещениями читателей об этом событии. Журнал «Северный вестник» писал: «Желая известить публику о сем новом произведении лиры г. Державина, что можно сказать об нем нового? Державин есть наш Гораций — это известно; Державин наш Анакреон — и это не новость. Что ж новое? То, что в сей книжке содержится 71 песня, то есть 71 драгоценность, которые современниками и потомками его будут выучены наизусть и дышать будут гением его в отдаленнейших временах. Читайте же и благодарите его!»

И читатели восторженно приняли сборник новых стихов Державина.

Глава 14

ОТСТАВКА

В ночь на 12 марта 1801 года император Павел I был убит в своем Михайловском замке заговорщиками из гвардейских офицеров — русское дворянство давно тяготилось сумасбродным царем.

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздух веют аромат;
На лицах Россов радость блещет,
Во всей Европе мир цветет, —

писал Державин. Он тотчас вздохнул с облегчением и, как и все окружавшие его, понадеялся на лучшее будущее с новым царем.

На престол вступил Александр Павлович, соучастник в убийстве отца, хорошо осведомленный о заговоре, открывшем ему дорогу к власти. Он старался делать вид, что страхам и ужасам пришел конец и наступило время либеральных веяний. Многие в России ему поверили, однако представление продолжалось недолго. Александр I весьма скоро бросил игру в либерализм и стал править страной так, как правили его отец Павел I и бабка Екатерина II, — как самодержавный деспот и тиран. К этому толкала его сама природа монархической власти.

Царь освободил Державина от обязанностей государственного казначея. Державин возвратился в сенат.

Рвение его не остыло. Державин сейчас же вступил в спор с новым генерал-прокурором, упрекая его в том, что он допускает нарушение законов, и составил свой проект переустройства сената, имевший целью сократить власть генерал-прокурора.

С большой горячностью участвовал Державин в прениях по поводу снабжения солью западных губерний России. Соль туда привозилась из заграницы, а Державин считал необходимым наладить снабжение крымской солью, более дешевой. Отвергая возражения оппонентов, Державин утверждал, что сенат защищает интересы откупщиков. «Правительство, невзирая на государственную и народную пользы, делает столько снисхождения для частного человека, имевшего время и случай взять в свои руки казенную статью и довольно уже обогатиться от нее, — писал Державин в докладной записке. — Сенат благоволит давать откупщикам миллионы в долг соли, а народу ничего!»

Энергия и решимость Державина помогли ему добиться утверждения проекта о добыче соли из крымских соляных озер, в чем он не без основания видел одну из своих заслуг.

Вскоре Державину было поручено расследование жалоб на калужского губернатора Д. А. Лопухина. Губернатор имел большие связи в Петербурге, находился в родстве с любовницей государя, пользовался защитой генерал-прокурора, и Державин предупредил Александра I, что трудно надеяться на успех командировки.

Он сказал царю:

— Правда перед вами на столе сем будет: только благоволите ее защищать; ибо все дела делаются через бояр. Екатерина и родитель ваш бывали ими беспрестанно обмануты, так что я по многим поручениям хотя все, что честь и верность требовали, делал, но правда всегда оставалась в затмении и я презираем.

Александр I поспешил уверить, что «поступит как должно», и Державин в январе 1802 года отправился в Калугу. Он без труда убедился в правильности жалоб на Лопухина. Губернатор занял у бумажного фабриканта Гончарова тридцать тысяч рублей по векселю, а потом обвинил, что у него в доме ведется запрещен-

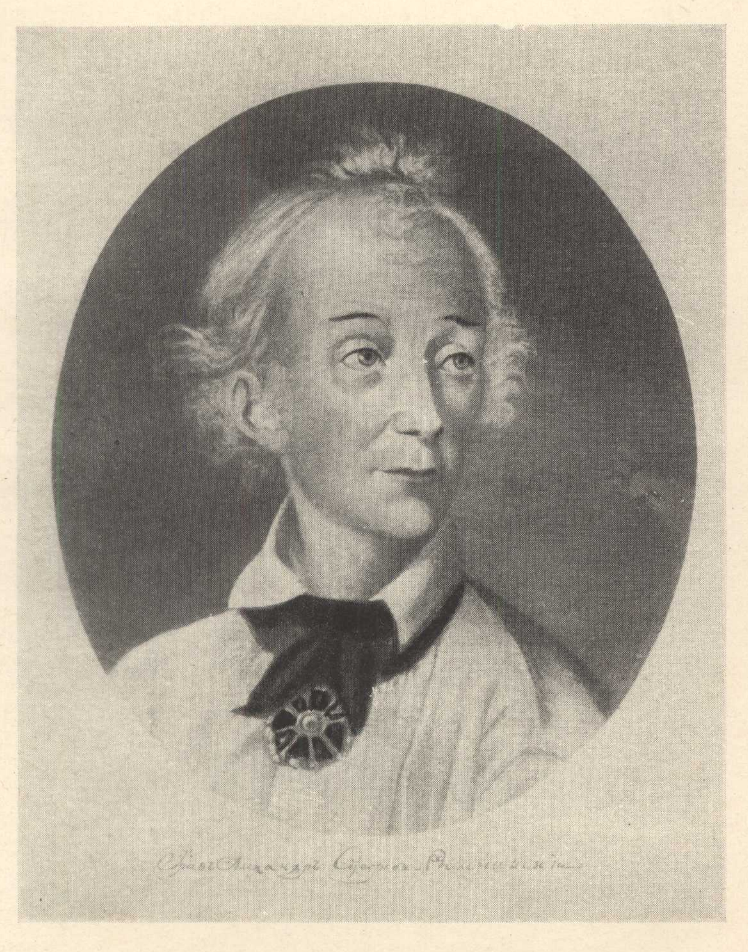
ная карточная игра, стал грозить Сибирью и вынудил вернуть вексель. За взятку Лопухин избавил от суда помещика, убившего своего родного брата, отнимал имения, разорял купцов, и все преступления проходили ему безнаказанно. Лопухин отличался буйным хулиганством — пьяный бил окна в домах, однажды въехал в губернское правление верхом на расстриженном дьяконе, распутничал и безобразничал напропалую. Державин вскоре собрал до полутораста дел, по которым Лопухин должен был держать ответ.

Но не дремал и Лопухин. С помощью своих петербургских покровителей он сам выступил против Державина и обвинил его в жестоких приемах ведения следствия, вызвавших якобы смерть фабриканта Гончарова — он внезапно умер от паралича в приемной Державина. Затем Лопухин заявил, что ревизия губернии может повести к народному восстанию. Александр I не остался равнодушным к этим наветам. Расследование прекратилось, и, как предполагал Державин, «правда оказалась в затмении». Лопухин не понес никакого наказания за десятки совершенных им тягчайших преступлений. Он только был отставлен от должности губернатора, перебрался в Петербург и жил там припеваючи.

Так закончилась одна из последних попыток Державина восстановить попираемую законность и добиться наказания преступника. Жизнь многому его учила, но раскрыть безнадежность поисков правды на царской службе не смогла до конца его дней.

Вот почему, несмотря на все свои разочарования, Державин не отказался еще раз послужить отечеству — теперь на посту «оберегателя законов», министра юстиции.

В сентябре 1802 года был опубликован царский указ о создании министерств, завершивший давно подготовлявшуюся реформу административного управления Россией. Министрами были назначены деятели предшествующих царствований: иностранных дел — А. Р. Воронцов, военных дел — С. К. Вязмитинов, морских дел — Н. С. Мордвинов, финансов — А. И. Васильев, просвещения — П. В. Завадовский, коммерции —

Александр Васильевич Суворов.

Гелиогравюра Брукмана с портрета 1799 года.

Гавриил Романович Державин.

Портрет работы В. Л. Боровиковского.

Н. П. Румянцев. Державину был предложен пост министра юстиции, и он согласился его принять. «Молодые друзья» Александра I заняли должности товарищей министров, и только В. П. Кочубей был назначен министром, получив в управление внутренние дела империи.

Державин не одобрял этой реформы, но принялся трудиться с обычной энергией и добросовестностью. Распорядок его дня свидетельствует об этом. Державин садился за стол в пять часов утра, с семи-восьми начинал прием сотрудников министерства или просителей, к десяти часам отправлялся с докладом во дворец или на заседание сената, потом рассматривал почту, и подписывал бумаги. Только поздним вечером, с десяти до одиннадцати часов, он позволял себе заняться «беседой приятелей» — другого времени для отдыха не было.

Общего языка с кружком друзей царя — Кочубеем, Новосильцевым, Строгановым, Чарторижским — Державин не нашел. С людьми своего поколения он также был не в ладах — мешали старые счеты и ссоры. Державин с годами становился все нетерпеливее и раздражительнее, еще ожесточеннее спорил и нападал на своих противников. Он знал об отношении к себе коллег—министров и сенаторов — и подозревал их в интригах.

Круг обязанностей министра юстиции был весьма широк, спорные вопросы поступали в изобилии, и поводов для расхождения с большинством сената у Державина имелось более чем достаточно. Одним из них было несогласие Державина с мнением графа Потоцкого о сроках военной службы дворян.

По закону дворяне, поступившие рядовыми или унтер-офицерами в военную службу и не вышедшие в офицерские чины, должны были служить двенадцать лет. Правило это нарушалось: молодые люди, едва определившись в полк, подавали рапорты об отставке и получали ее. Потоцкий защищал право дворян пользоваться «вольностью» и уходить с военной службы. Державин выступил против него, настаивая на том, что льготы могут даваться только людям, достойным их своей службой и образованием. «Порода только есть

путь к преимуществам, — утверждал Державин, — воспитание же и заслуга единственно запечатлевают благородство». Державин требовал от дворян службы на пользу отечества, выполнения долга.

Но дворянство не думало об этом и служить не хотело. Потоцкий стал героем дня, защитником «вольности дворянской», ему писались приветственные стихи, Державин же возбудил общую неприязнь как человек, посягавший на интересы первого в государстве сословия. Не стяжал он популярности и своим отношением к указу о так называемых вольных хлебопашцах. Хотя указ этот в сущности, не прибавлял нового к законам, разрешавшим помещикам отпускать на волю крепостных и выделять им землю — лишнее подтверждение такой возможности ничего плохого в себе не содержало. Державин резко возражал против указа, считая, что о «вольности» крестьян вообще рано еще говорить.

Указ о вольных хлебопашцах в 1802 году вступил в силу, но не принес никаких практических результатов. Лишь несколько помещиков воспользовались им, и вскоре он был накрепко забыт.

Наконец Александр I, недовольный Державиным и предубежденный против него царедворцами, сказал ему:

— Ты меня, государя, все учить хочешь; я самодержавный государь и так хочу. Ты очень ревностно служишь.

— Я иначе служить не могу, государь, — ответил Державин. — Простите.

— Подавай просьбу об увольнении от службы.

Державин подал и 7 октября 1803 года был уволен в отставку. Это событие в своей жизни он отметил стихотворением «Свобода»:

— Нет. — восстав от сна глубока,
Я сказал им, — не хочу,
    Не хочу моей свободы
    Совесть на мечту менять;
    Гладки воды, коль погоды
    Их не могут колебать.
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу.

В самом деле, власти Державин не искал никогда. Он пользовался правами, которые получал по занимаемым должностям, иногда и превышал эти права, но во имя интересов дела, руководясь пониманием своих обязанностей.

Уход в отставку вовсе не отвлек Державина от забот о благе России. Мысль его постоянно вращалась вокруг вопросов, связанных с управлением страной, с ее защитой от внешних врагов.

В годы войн с Наполеоном Державин, размышляя о судьбах родины, стремился посильно помочь ей. Как поэт, он спешил откликнуться на военные события, лира его звучала напряженно и бурно. Как государственный деятель, Державин выступил с проектами усиления России в ее борьбе с Наполеоном. Таков, например, его проект «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (1807—1810).

Державин предложил определить численный состав русской армии соответственно военным силам соседних государств и в зависимости от нужд обороны. В мирное время под ружьем находится треть или половина личного состава, а остальные занимаются своим трудом. Рекрутские наборы, причинявшие столько горя населению, упраздняются. Дивизии и полки, приписанные к губерниям и уездам, набирают рекрутов из своих территориальных участков. Державин намечает порядок допризывной подготовки, предусматривает занятия с отставными солдатами, подготовку запаса офицерского состава и многое другое.

Для отставных солдат, вернувшихся к крестьянскому труду, Державин считал необходимым установить некоторые преимущества: участки их земли и пашни не должны поступать в передел; выборные должности в деревне могут предоставляться только отставным солдатам; по мирскому приговору они ни розгами, ни палками не наказываются. Державин предлагал и помещичьих крестьян запретить наказывать «по самовластию господина или его приказчика ...а должна определить на то учрежденная расправа». Он считал нужным установить законом размеры оброка, который крестьяне платили своим помещикам.

В 1807 году Державин выступил с «Мнением о обороне империи на случай покушений Бонапарта». После краткого обзора событий последнего десятилетия он предложил ряд военных мер против Наполеона и требовал особой осторожности в отношении людей «иностранных и в чужих краях воспитанных», «поелику были подозрения в тайных сношениях французского кабинета с чужими министрами». Известно, что в окружении Александра I было много людей английской, прусской и даже французской ориентации и что их влияние очень стесняло русских военачальников. Державин был осведомлен об этом и предлагал царю «немедленно составить нарочный временный комитет из особ природных в государстве» — совещательный и исполнительный орган. Он считал необходимым «объявить нарочным манифестом открыто французскому народу, что Россия против него не воюет, но единственно против похитителя верховной ее власти». Державин уважал народ Франции и правильно стремился отделить его от Наполеона, присвоившего власть «в угождение собственного честолюбия».

В боях с французской армией 1807 года казачья кавалерия показала себя с наилучшей стороны. Державин написал большое стихотворение «Атаману и войску Донскому», в котором выразил свое восхищение героизмом казаков. Национально-патриотическое содержание этого стихотворения подсказало Державину мысль обратиться к образам русского фольклора, вспомнить ковер-самолет, ступни-самоходы, меч-кладенец, рассказать о русских богатырях — Илье Муромце и Добрыне Никитиче.

Державин воспевал подвиги русских героев, известных из летописей, победы войск под командой Петра I и его полководцев и с особенным чувством — Суворова.

Бывало, ведь и в прежни годы
Взлетала саранча на Русь...
Был враг Чипчак — и где Чипчаки?
Был недруг Лях — и где те Ляхи?
Был сей, был тот: их нет, а Русь?..
Всяк знай, мотай себе на ус.

Эти стихи Державина вспоминались советской печатью в годы Великой Отечественной войны с германским фашизмом. Они не теряют своего значения, ибо историческая справка Державина верна.

Поэт с осуждением говорил о Наполеоне, в котором видел завоевателя царств, неспособного скрашивать судьбу подвластных ему народов. В стихотворении «Слава» (1809) он писал:

Еще ль, цари, вам имя громко
Быть мнится славою прямой?
Еще ль, мудрец, ее ты только
Чтешь дыма блещущей струей?
Признайтесь, — ваша мысль неправа;
Уверьтесь истины в словах:
Бессмертная, прямая слава
Есть цепь цветущих вечно благ.

Кровавому покорителю народов Державин с глубоким смыслом противопоставляет свой излюбленный идеал гражданина:

Отец семейств, законодатель,
Забрало от татей, коварств,
Сохи, серпа изобретатель —
Бича славней, по правде, царств.

В июне 1812 года армия Наполеона вторглась в пределы России. Великая опасность нависла над страной. Русские люди встали на защиту отечества с оружием в руках. Державин горько сожалел о том, что не может быть в их рядах. Ему шел шестьдесят восьмой год, но возраст не уменьшал его горячего желания быть полезным России в ее трудную годину.

Державин внимательно следил за военными известиями и предлагал правительству свои соображения о мерах к обороне против французской армии. Нужно создать земское войско, полагал он, вооружить ратников, в случае нехватки армейского оружия, охотничьими ружьями, а вместо штыков, «которые для наших воинов необходимо нужны», поделать в кузницах подобие их — небольшие деревянные копья. Среди многих наивных, но искренних предложений Державина встречались и весьма дельные. Он советовал

устроить лазареты в губернских городах, где будут работать женщины, так как армии дороги бойцы и их не нужно отвлекать для ухода за ранеными. Его заботило создание запасных продовольственных магазинов внутри страны — ведь армия отступала под натиском сильного противника. Самые разнообразные вопросы волновали Державина, и он говорил о них как истинный патриот.

Очень обрадовался поэт, узнав, что во главе русской армии встал фельдмаршал М. И. Кутузов. Услышав рассказы о том, что, когда Кутузов осматривал позиции у Бородина, над его головой летал орел, Державин написал стихи на этот случай, сейчас же напечатанные отдельным изданием:

Мужайся, бодрствуй, князь Кутузов!
Коль над тобой был зрим орел, —
Ты верно победишь французов
И, Россов защитя предел,
Спасешь от уз и всю вселенну.

Кутузов ответил поэту благодарственным письмом.

В отличие от многих современников Державин понимал и одобрял военную тактику Кутузова, собиравшего силы для наступления на французскую армию. Державин писал: «Под Тарутиным ознаменовалась сила русского терпения. Между тем как наглый и буйный Наполеон учинился в Москве рабом орд своих или жертвою безумной гордости, — опытный, дальновидный русский полководец в тишине готовил громы, которые вместе с зимними бурями погнали и истребили врага».

По окончании войны Державин в 1814 году сочинил «Солдатский или народный дифирамб по торжестве над Франциею», в котором были строки, посвященные доблести русского солдата, чьи боевые труды он всегда уважал:

За казачью хитрость, сбойство[1],
За солдатское геройство —

[1] Сбойство — удаль, молодечество.

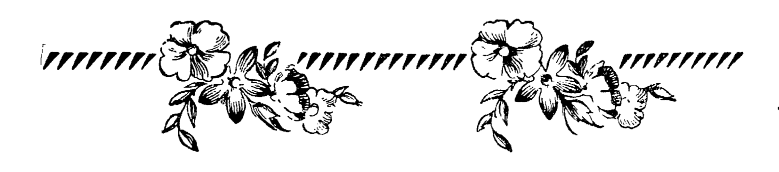
Дайте чашу нам вина!
Нет храбрей, — что мы с любовью
Своей жертвовали кровью;
Русским честь мила одна:
И корысти забывали,
Мы врагов своих спасали.

В другом стихотворении этой поры Державин писал:

Встаньте вкруг меня, ребяты,
Удалые молодцы,
Русски храбрые солдаты,
В свете первые бойцы!

О русском человеке пишет Державин, черты русского национального характера отражает он в своей поэзии:

О Росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастьи тих, в несчастьи бодр.

Глава 15

ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

За несколько лет до полной своей отставки, в 1797 году, Державин приобрел имение «Званка», красиво расположенное на берегу Волхова в ста сорока верстах к юго-востоку от Петербурга. Имение было небольшим, сильно запущенным, и Дарья Алексеевна немало похлопотала, чтоб привести его в порядок. Державин стал проводить в «Званке» каждое лето, наслаждаясь отдыхом и покоем.

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей,
И чужд сует разнообразных!..
Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Так писал поэт в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская», размашистой кистью рисуя картину своих деревенских досугов. Стихи эти, сочиненные в 1807 году, посвящались новому знакомцу Державина — ученому монаху и литератору Евгению, в ту пору старорусскому и новгородскому епископу, позднее митрополиту. До пострижения он носил фамилию Болховитинов, но в истории русской литературы более известен по своему монашескому имени. Евгений рабо-

тал над «Словарем российских духовных и светских писателей» — сборником биографий русских литературных деятелей, второй книгой такого рода после «Опыта исторического словаря о российских писателях», изданного Н. И. Новиковым в 1772 году.

Не имея материалов для статьи о Державине, Евгений обратился к нему с просьбой сообщить о себе необходимые сведения, и поэт составил для него автобиографию. Она была напечатана в журнале «Друг просвещения» в 1806 году и вошла затем в «Словарь» Евгения. Державин навещал Евгения, жившего близ Новгорода в Хутынском монастыре, тот, в свою очередь, приезжал в Званку, и при этих встречах время бежало незаметно в литературных беседах. Державин знакомил Евгения со своими пьесами — он увлекся драматургией, читал ему теоретический труд «Рассуждение о лирической поэзии» и внимательно выслушивал дельные советы Евгения. В их числе был и совет Державину составить примечания к своим сочинениям.

В таких авторских примечаниях была большая нужда. Стихи Державина отличались необычайной злободневностью, их наполняли сотни намеков, понятных наблюдательным современникам, но для более поздних поколений рисковавших превратиться в загадки. Державин любил также замысловатые аллегории, иносказания, и их требовалось разъяснить, чтобы сделать до конца ясным смысл многих стихотворений.

Он хорошо сознавал эту особенность своего творчества и в одном из писем объяснил ее так: «Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду; политик или царедворец по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину иносказанием и намеками, из чего само по себе вышло, что в некоторых моих произведениях и поныне многие, что читают, того не понимают совершенно...»

Летом 1809 года Державин продиктовал объяснения к своим стихам. Они записаны в нескольких тетрадях толстой синей бумаги рукой его племянницы Елизаветы, дочери Н. А. Львова, и действительно

проливают свет на многие неясные места в произведениях Державина. Например, ода «Ко второму соседу» начинается строфой:

Не кость резная Колмогор,
Не мрамор Тивды и Рифея,
Не невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей делают известность...

Этот перечень собственных имен, неожиданно звучащих для слуха, оказывается географически точным перечнем славящихся различными изделиями местностей России. Колмогоры, или Холмогоры, — «город в Архангельской губернии, который по костяным работам славится», объясняет Державин, Тивда, или Тифда, — река в Олонецкой губернии, близ которой были разработки мрамора, Рифей — Урал, «невски зеркала» изготовлялись на стеклянном заводе в Петербурге, из Баку доставлялись шелковые ткани, наконец «глазумей — лучший сорт цветочного чая».

В стихотворении «Лебедь», например, Державин имел в виду конкретные земные вещи, а не космические образы, когда сказал:

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах.

Звезды подразумеваются не небесные, а земные, нагрудные знаки орденов: «Средь звезд или орденов совсем не сгнию, как другие», — поясняет Державин.

Иногда, перечисляя мифологических героев, Державин под ними разумел русских вельмож, которых не мог называть открыто. В оде «На умеренность» он писал:

Пускай Язон с Колхиды древней
Златое сбрил себе руно,
Крез завладел чужой деревней,
Марс откуп взял, — мне все равно:
Я не завидлив на богатство
И царских сумм на святотатство.

Это, оказывается, значит следующее. Колхида — Крым, Язон — Потемкин, показавший, как говорит Державин, «министерскую расторопность» в приобре-

тении для России этого края и не забывший о своем обогащении. Чужой деревней завладевший Крез, как звали знаменитого в древности богача, — это жадный отец фаворита Зубова, отнявший себе поместье у его законного владельца. Винными откупами занимались генерал-аншеф граф Салтыков и князь Долгорукий. Их разумел Державин под именем Марса — бога войны. Строка «царских сумм на святотатство» имеет в виду Потемкина, тратившего десятки миллионов рублей государственных средств без всяких отчетов.

В конце стихотворения «На умеренность» Державин делает такое предупреждение:

Смотри и всяк, хотя б чрез шашни
Фортуны стал кто впереди,
Не сплошь спускай златых змей с башни,
И, глядя в небо, не пади;
Держися лучше середины
И ближнему добро твори;
На завтра крепостей с судьбины
Бессильны сами взять цари.

Эти строки относятся к молодому фавориту императрицы Екатерины II Платону Зубову, который «по любовным шашням сделался большим человеком». О том, что Зубов любил забавляться пусканием змеев с башен царскосельских дворцов, в Петербурге было известно, и потому намек легко открывался для современников.

Изложив в «Объяснениях» историю почти каждого своего стихотворения и расшифровав спрятанные в них иносказания, Державин считал, что сделал ясной для читателей свою литературную деятельность. Но его жизненный путь, служебные труды, которым он придавал столь важное значение, также требовали пояснений. И в 1812 году Державин диктует племяннице Е. Н. Львовой «Записки» — подробный рассказ о прожитой жизни и службе.

В годы «жизни Званской» Державина увлекает драматургия. Собственные стихи последних лет не нравились ему, возможности лирической поэзии стали казаться ограниченными. Огромное содержание жизни не укладывалось в небольшой объем лирического стихотворения и требовало иного выхода.

Этот выход поэт видел в драматургии, и для него она явилась своеобразным шагом на пути к реализму. Державин стихийно стремился к нему, выходил далеко за рамки классицистической эстетики, но внутри своей поэтической системы не мог сделать больше того, чем сделал. Убедившись в этом, он отдает свои силы драме. Опыты Державина были далеки от совершенства, по складу своего ума, мировоззрения и таланта он не мог написать второго «Недоросля», но в целом они знаменуют крупный этап творчества поэта.

Державина тянуло от листа бумаги к живой человеческой речи, от лирического героя ко многим действующим лицам с разнообразными характерами, к театральному представлению, в котором различные роды искусства — поэзия, музыка, живопись,— соединившись по воле поэта, могли бы разом оказать могучее воздействие на зрителя, просветить и наставить его.

Державин пришел к своей драматургии в итоге длинного творческого пути, познав победы и поражения, блестяще овладев литературным мастерством, совершенно уверившись в силе поэтического слова. Тем важнее казалось ему обратить это слово на наиболее важные предметы, с помощью его раскрыть переломные исторические события, заставив современников извлечь поучительные уроки из прошлого России.

Особенно высоко Державин ставил и ценил оперу. Опера, «мне кажется, — говорит он, — перечень, или сокращение всего зримого мира, — скажу более: она есть живое царство поэзии; образчик (идеал) или тень того удовольствия, которое ни оку не видится, ни уху не слышится, ни на сердце не восходит, по крайней мере простолюдину... Волшебный очаровательный мир, в котором взор объемлется блеском, слух гармониею, ум непонятностию и всю сию чудесность видишь искусством сотворенну, а притом в уменьшительном виде, и человек познает тут все свое величие и владычество над вселенной».

Державин написал восемь опер — «Добрыня», «Дурочка умнее умных», «Рудокопы», «Грозный или

Покорение Казани», «Эсфирь», «Батмендий», «Счастливый горбун» (две последние не окончены) и «Женская дружба» (текст не сохранился). Кроме того, он перевел с итальянского текст опер Метастазио «Тит» и «Фемистокл».

Оперы Державина не были положены на музыку и не ставились на сцене, но он продолжал упорно работать над ними, как бы чувствуя, что находится на верной дороге. И действительно, сразу вслед за опытами Державина на сцену выходили, завоевывая внимание зрителя, оперы и трагедии, в которых развивались творческие принципы, характерные для драматургии Державина, но осуществленные более успешно, например Крыловым в опере «Илья-богатырь».

Державин стремился пополнить национальный репертуар русского театра и в своих пьесах касался героических страниц русской истории и народных сказаний. В театральном представлении «Добрыня», созданном в 1804 году, Державин опирается на тексты былин. Он изображает борьбу Киевского государства с татарами, героем которой делает богатыря Добрыню Никитича. Текст пьесы насыщен народными песнями. В 1806 году, когда Россия уже воевала с Наполеоном, Державин написал представление «Пожарский или Освобождение Москвы», проникнутое чувством горячего патриотизма. Такой же характер имели трагедии Державина «Евпраксия» и «Темный» (1808), сюжеты которых были взяты из русской истории.

В своих драматических произведениях Державин старался добиться исторической правды. «Чту, однако, истину во всяком случае священною, — писал он. — Мне кажется, она убедительнее может действовать на чувства читателей и зрителей. И потому напоминать историю, а особливо отечественную, думаю, не бесполезно. Выводить из ее мрака на зрелище порок и добродетель, — первый для возбуждения ужаса и отвращения от него, а вторую для подражания ей и сострадания о ее злополучиях, — главная, кажется, обязанность драматических писателей». Однако вместе с тем, чтобы придать пьесе занимательность, Державин считал возможным прибегать и к вымыслу, но

такому, который не противоречил бы исторической верности.

Комическая народная опера Державина «Дурочка умнее умных» воскрешает один из эпизодов восстания Пугачева; в ней отразились и личные впечатления Державина, полученные в годы крестьянской войны. По сюжету оперы разбойничий атаман Железняк и есаул Черняй нападают на дом дворянина Старокопейкина. Обитатели его прячутся, и только дочь хозяина Лукерья проявляет решительность и сметку. Ей удается обмануть и обезвредить атамана, которого затем воевода отпускает на поруки. Любопытно — и в этом сказалось отрицательное отношение Державина к провинциальной администрации, чьи нравы он так хорошо знал, — что настоящими грабителями выглядят в пьесе воевода Хапкин и подьячий Проныркин, от которых обывателям спасенья нет. Опера написана живо, характеры действующих лиц верно схвачены, каждый говорит свойственным ему языком.

Державин очень дорожил своими драматическими произведениями. Все, что было им написано раньше, казалось ему теперь мелким и несерьезным по сравнению с трагедиями и операми, и он упорно держался этого заблуждения. Когда Державину хвалили его стихи, он говаривал:

— Ну да, это недурно, есть огонь, да ведь все пустяки; все это так, около себя, и важного значения для потомства не имеет: все это скоро забудут; но мои трагедии, но мои антологические пьесы будут оценены и будут жить.

И, наверное, огорчился бы, узнав, что потомки будут помнить стихи Державина — «Фелицу», «Вельможу», «Властителям и судиям», «Приглашение к обеду», а к пьесам его станут обращаться только историки литературы, и то лишь в очень редких случаях.

Но, несмотря на свое увлечение драматургией, Державин, выйдя на покой, не бросает пера лирического поэта. Он создает десятки стихотворений, нередко весьма крупных по объему, в которых запечат-

лена поэтическая летопись эпохи. Державина особенно волнуют военные события. Он внимательно следит за успехами русских сил в борьбе с Наполеоном.

Среди стихов Державина последней поры его творчества особое и очень видное место занимает уже названное выше большое стихотворение «Евгению. Жизнь Званская». Это дружеское послание, образец нового жанра, характерного для сентиментальной и романтической поэзии — произведений такого типа Державин раньше не писал. И вместе с тем оно наполнено множеством точных жизненных наблюдений, верных реалистических деталей и убедительно показывает стихийную тягу Державина к реализму.

Поэт описывает во всех подробностях один день своей «жизни Званской», длинный и медленный день, со множеством дел, и важных и неважных.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет[1] шумит лучей дождем,
    Звучит музыка духовая.

Рано встают в этом доме, и несложны занятия самого хозяина:

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
    На кроющих, как снегом, луги...
На кровле ж зазвенит как ласточка, — и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской[2],
Иду за круглый стол: и тут-то растабар
    О снах, молве градской, крестьянской...

После чая хозяйка принимает дары сельской природы, добытые трудами крестьян, гостям показываются крестьянские рукоделья — «разные полотна, сукна, ткани, узоры, образцы салфеток, скатертей», потом слушается доклад врача маленькой званской больницы. Хозяин между тем удаляется для своих литературных трудов:

---

[1] Водомет — фонтан.

[2] То есть донесется запах чая или кофе. Чай в XVIII веке доставлялся из Китая («манжурский»), а кофе привозили с Ближнего Востока, из Леванта или Анатолии.

Оттуда прихожу в святилище я Муз,
И с Флакком, Пиндаром[1], богов восседши в пире,
К царям, друзьям моим иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире;
Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе, — и драки человеков.

Не скупясь на краски и не боясь сделать быт предметом поэзии, Державин описывает обеденный стол:

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол, — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором:
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!
Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус,
Но не обилием иль чуждых стран приправой:
А что опрятно все и представляет Русь;
Припас домашний, свежий, здравой.

После обеда — игры, прогулки, катанье на лодках, посещение деревенской кузницы, где куется оружие для ратников, и просто любование природой, с тонким искусством показанной Державиным:

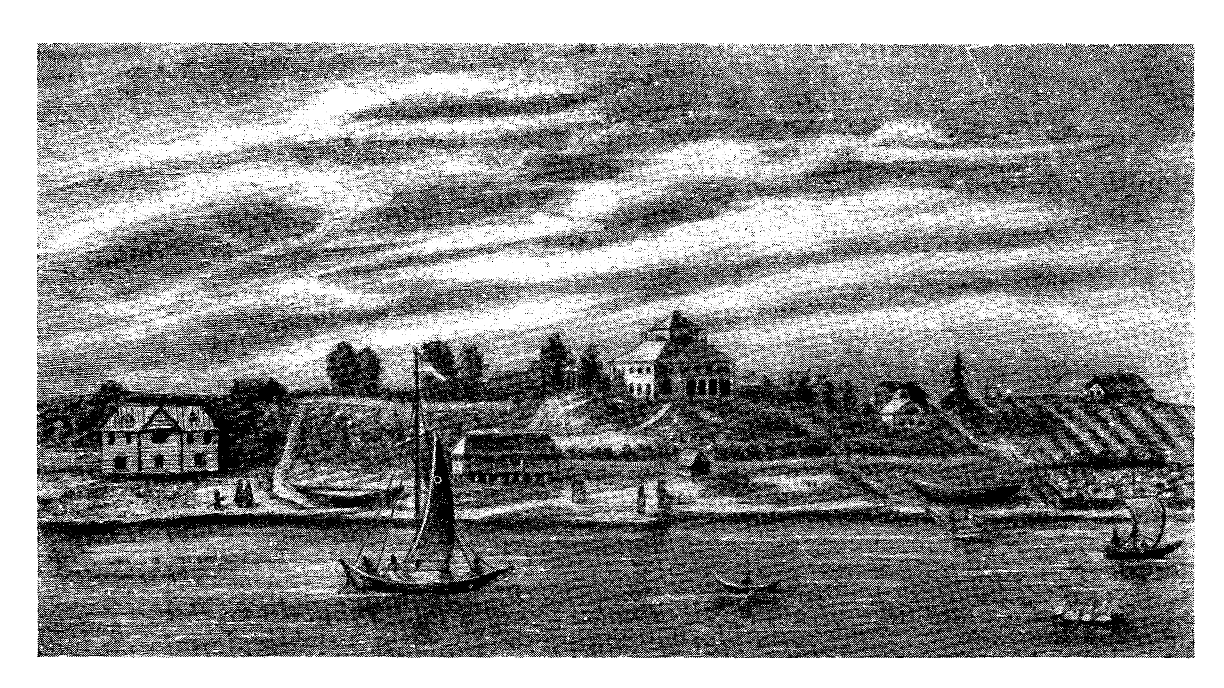
Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желтозеленым,
И сходит солнышко на нижнюю ступень.
К холмам и рощам синетемным.
Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Вот и вечер, окончились дневные хлопоты и забавы, шум в доме затихает, Державин остается один со своими мыслями:

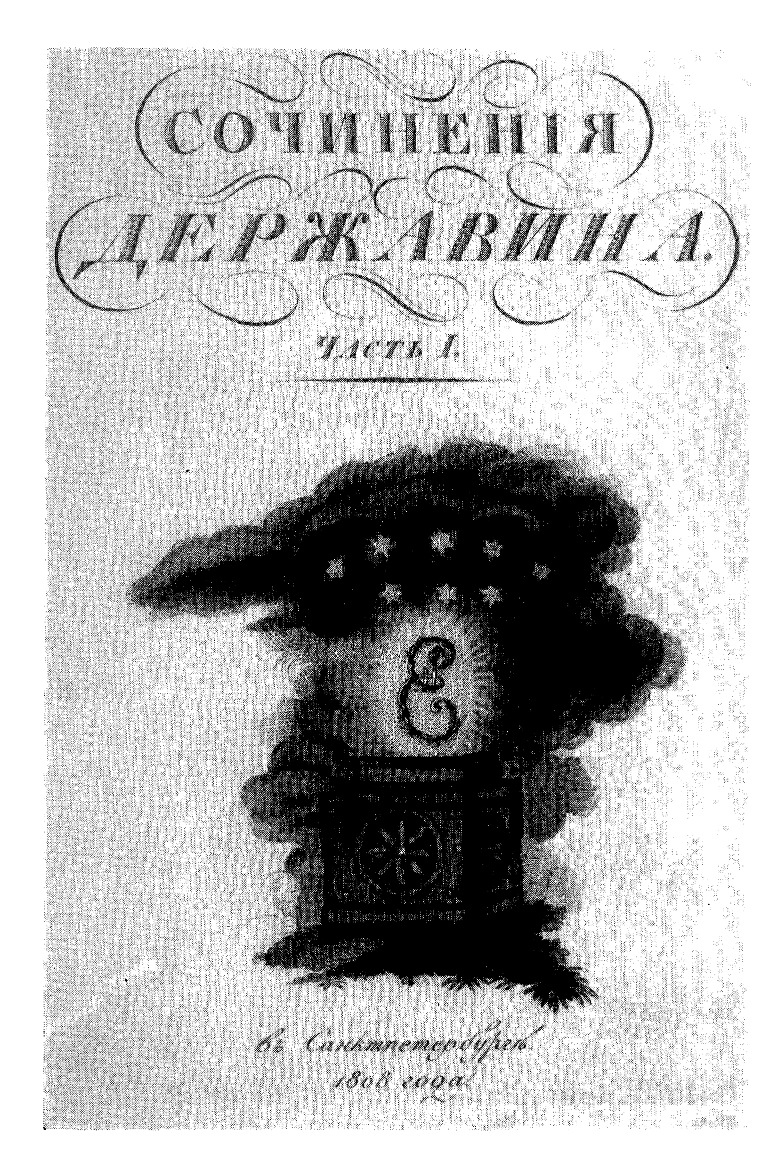
Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтанья:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеванья.

---

[1] Гораций Флакк, Пиндар — римские поэты.

«Званка» — усадьба Державина.

Титульный лист первой части сочинений Державина, изданной в 1808 году.

Скорбь о «минувшем красном дне», о славе былых побед, овладевает поэтом.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки, —

меланхолично замечает Державин и выражает лишь надежду на то, что имя его не забудется благодаря напоминаниям историков литературы. Грустен ход размышлений старого поэта.

Строку Державина

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум? —

взял Пушкин в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Осень», взял, разумеется, не случайно, а думая о Державине и сопоставляя с ним свою жизнь. Но Пушкина волнуют иные мысли. Он полон творческих сил, с каждой осенью «расцветает вновь», он не замирает в покое, а стремится вперед —

И паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

Пушкин с изумительной точностью и остротой характеризует каждое время года, особенно любовно описывая осень. Бытовые детали, столь подробно изображенные Державиным в «Жизни Званской», его не занимают:

Чредой слетает сон, чредой находит голод, —

вот что говорит Пушкин о «привычках бытия» в этом стихотворении. Но зато, если Державин, упоминая о своем литературном труде, уделил ему мимолетное внимание:

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать... —

то у Пушкина творческий процесс становится главной темой стихотворения. Нельзя не думать, что Пушкин не отталкивался от этих строк Державина, когда писал о своей работе.

Какой тут «письмоводитель», какой репейник!

Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем...
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Это различие двух поэтов, различие между гением и талантом, между непрерывным творческим горением и обычным сочинением стихотворных строк, было ясным для Пушкина, и оно сформировалось во вдохновенных строфах «Осени». Эпиграф из Державина и воспоминание о «Жизни Званской» помогли Пушкину приподнять завесу над тайнами своего творческого процесса.

Зимы Державины проводили в Петербурге. Дом их на Фонтанке был перестроен и расширен, сад разросся, кругом звенели молодые голоса: Державин воспитывал племянниц и племянников — дочерей Н. А. Львова, сыновей В. В. Капниста, в семье подолгу живали дети его друзей и родственников, гостили приезжавшие в столицу знакомые.

В 1806 году в доме Державина бывал Степан Петрович Жихарев, автор известных «Записок современника», тогда восемнадцатилетний юноша. Он оставил в своем дневнике запись о визитах к Державину.

Жихарев приехал в Петербург из Москвы, где учился в университете, и поступил на службу в Иностранную коллегию. Державин был его любимым поэтом. Юноша и сам тянулся к литературе, сочинил трагедию «Артабан». С этой трагедией под мышкой он и отправился к Державину на набережную Фонтанки, волнуясь необычайно.

— Голубчик, — обратился молодой автор к лакею, дремавшему в сенях, — нельзя ли доложить, что вот приехал Степан Петрович Жихарев, а то, может быть, его высокопревосходительство занят...

— Ничего-с, пожалуйте; енерал в кабинете один.

— Так проводи же, голубчик!

— Ничего-с, извольте идти сами-с, прямо по лестнице, а там и дверь в кабинет, первая налево.

Жихарев пошел робея: ноги подгибались, руки тряслись. Стеклянная дверь, завешанная зеленой тафтой, оказалась затворенной. Жихарев остановился, не решаясь открыть ее. Неизвестно, сколько времени простоял бы он так, если бы не явилась неожиданная помощь. Прелестная молодая девушка, пробегавшая мимо, заметив смущенного незнакомца, остановилась и спросила:

— Вы, верно, к дядюшке?

И, отворив дверь в кабинет, промолвила:

— Войдите.

Старик, лет шестидесяти пяти, бледный и угрюмый, как показалось Жихареву, в беличьем тулупе, покрытом синей шелковой материей, и белом колпаке, сидел в кресле за письменным столом, стоявшим посредине комнаты. Из-за пазухи тулупа торчала головка белой собачки, до такой степени погруженной в дремоту, что она не заметила прихода гостя.

Жихарев кашлянул. Державин поднял голову от книги, поправил колпак и, зевнув, как будто спросонья, сказал:

— Извините, я так зачитался, что и не заметил вас. Что вам угодно?

Жихарев, путаясь, объяснил, что по приезде в Петербург первой обязанностью своей поставил быть у Державина с данью того уважения к его имени, в котором воспитан с детства; что, будучи коротко знаком с его дедом, Державин, конечно, не откажет и внуку в своей благосклонности, что...

— Так вы внук Степана Даниловича? — спросил Державин. — Как я рад! А зачем сюда приехали? Если определяться в службу, так я могу попросить за вас.

Жихарев опять повторил, что ищет только благосклонности Державина, а в прочем надобности не имеет и в службу уже определился. Державин подробно расспросил юношу, где он учился, как занимался и, наконец, как будто спохватившись, сказал:

— Да что же вы стоите? Садитесь. А какая это книга у вас?

— Трагедия моего сочинения «Артабан», которую

желал бы я Державину посвятить, если бы она того стоила.

— Вот как! Так вы пишете стихи? Хорошо. Прочитайте-ка что-нибудь.

Жихарева не нужно было долго просить об этом. Он слыл отличным чтецом. Раскрыв свою рукопись, он прочел казавшуюся ему особенно удавшейся сцену: царедворец Артабан, скитающийся в пустыне, поверяет стихиям свою скорбь и негодование, изливает жажду мести врагам.

Державин слушал внимательно.

— Прекрасно, — сказал он. — Оставьте, пожалуйста, трагедию вашу у меня: я с удовольствием ее прочту и скажу вам свое мнение.

Обрадованный похвалой, Жихарев обрел дар красноречия и пустился рассказывать литературные новости, привезенные из Москвы, читал на память стихи Державина — словом, сделался смел чрезвычайно, хозяину понравился и получил приглашение бывать у него без церемоний.

Через день Жихарев обедал у Державина. Приехав к назначенному сроку, он застал всех домашних в большой гостиной в нижнем этаже. Державин в том же синем тулупе, но в парике, задумчиво расхаживал по комнатам, поглаживая голову собачки, сидевшей у него за пазухой. Он представил Жихарева Дарье Алексеевне и племянницам.

— Читал я, братец, твою трагедию, — сказал Державин. — Признаюсь, оторваться от нее не мог: ну, право, прекрасно! Все так громко, высоко, стихи такие плавные, звучные.

Жихарев не ожидал столь приятного отзыва, но не растерялся и сказал, что достоинствами трагедии обязан чтению, что, едва выучившись лепетать, он уже знал наизусть оды Державина «Бог», «Вельможа», «Мой истукан», «На смерть князя Мещерского», «К Фелице», что эти стихи служили ему лучшим руководством в нравственности, нежели все школьные наставления.

Державин выслушал это с видимым удовольствием. Молодой Жихарев был ловким человеком и умел

понравиться. Трагедия его, написанная по образцам классицистических трагедий, могла в самом деле показаться Державину стоящей внимания. Он всегда был благожелателен к авторам, был рад хвалить, драматургия в это время очень занимала Державина, а восторженное отношение к нему Жихарева, вероятно, расположило в его пользу старого поэта. По правде говоря, трагедия «Артабан» не имела и сотой доли достоинств, приписанных ей Державиным.

Дарья Алексеевна ласково угощала гостя. Державин за столом был неразговорчив, зато его племянницы, дочери Н. А. Львова, говорили беспрестанно, причем мило и умно. После обеда Державин сел в кресло за дверью гостиной и тотчас же задремал, по своей всегдашней привычке.

— Что это за собачка, — спросил Жихарев, — которая торчит у дядюшки из-за пазухи, только жмурит глаза да глотает хлебные катышки из руки дядюшки?

— Это воспоминание доброго дела, — ответила Вера Львова. — Одна старушка, которой дядюшка выплачивает пособие, умолила его взять эту собачку, всегда к нему ласкавшуюся. С тех пор собачка не оставляет дядюшку ни на минуту, и если она у него не за пазухой или не вместе с ним на диване, то лает, визжит и мечется по дому.

Жихарев умилился до слез и припомнил стихи Державина, которого считал неистощимым и неисчерпаемым поэтом:

Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал!

Он рассматривал портрет Державина в шубе и шапке, писанный художником Тончи, и восхитился его замыслом и сходством с оригиналом.

Подремав в своем кресле, Державин вновь присоединился к обществу.

«Это не человек, а воплощение доброты, — думал Жихарев. — Ходит себе в своем тулупе с Бибишкой за пазухой, насупившись и отвесив губы, думая и меч-

тая, и, по-видимому, не занимаясь ничем, что вокруг его происходит. Но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притеснение, или, напротив, какой-нибудь подвиг человеколюбия и доброе дело — тотчас колпак набекрень, оживится, глаза засверкают, и поэт превращается в оратора, поборника правды».

В доме Державина Жихарев познакомился с Александром Семеновичем Шишковым, автором «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», изданного в 1802 году. Шишков был горячим защитником старославянского языка и резко выступал против литературного слога Карамзина, его сторонников и подражателей, против сближения русского литературного языка с нормами французской речи и заимствования иностранных слов. В своем стремлении к церковнокнижной языковой культуре Шишков доходил до крайностей, требуя, например, вместо «биллиард» говорить «шаропех», а вместо «галоши» — «мокроступы», но в его осуждении многих фразеологических новшеств были и верные мысли.

Державин дружил с Шишковым, однако его нападок на Карамзина не одобрял и находил их пристрастными. Как успел заметить Жихарев, в литературном круге Державина только он сам восхищался Карамзиным и стоял за него горой; все прочие были противниками «нового слога» Карамзина.

В начале 1807 года, во время одной из встреч, Шишков долго толковал о пользе для русской словесности собраний, где литераторы могли бы читать свои произведения, и уговаривал Державина принять участие в открытии таких литературных чтений. Державин с большой охотой согласился.

Вскоре состоялось первое собрание в доме Шишкова. Крылов прочел свою басню «Смерть и Дровосек», Жихарев читал «Гимн кротости» Державина, выступило несколько молодых авторов. Затем собрались у Державина. Следующий литературный вечер устроил сенатор И. С. Захаров, и тут Жихарев услышал, как Державин оценил только что закончившееся чтение и ученые споры.

— Так себе, переливают из пустого в порожнее, — сказал он негромко своему собеседнику.

Собрания, начавшиеся в 1807 году, продолжались и в последующие годы. На них бывали и старые писатели, и литературная молодежь, велись разговоры на общественно-политические темы, обсуждались военные известия. Несмотря на различия во вкусах и возрастах, общей чертой для большинства участников собраний были любовь к национальной литературе и патриотизм. Тут объединялись Державин и Крылов, Шишков и Гнедич, впоследствии близкий к декабристам писатель, переводчик «Илиады» Гомера.

Из этих собраний выросла и в 1811 году была торжественно открыта литературная организация «Беседа любителей русского слова». Непринужденный дружеский тон первых встреч сменился официальными церемониями, вся деятельность «Беседы» приняла реакционный характер. Членами общества стали консервативные литераторы, видные сановники, генералы и духовные лица. На собрания было принято являться в мундирах и при орденах. Общество принялось издавать журнал «Чтения в Беседе любителей русского слова» и пользовалось покровительством Александра I.

Объединение «славянофилов», «шишковистов», как часто называли членов «Беседы» по фамилии одного из главных руководителей ее, А. С. Шишкова, вызвало к жизни новые литературные содружества, противостоявшие «Беседе». Противники «Беседы» и «старого слога» группировались в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств». Позднее, в 1815 году возникло дружеское «Общество арзамасских безвестных литераторов», или «Арзамас». В нем участвовали В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин, М. Ф. Орлов, братья А. И. и Н. И. Тургеневы. Самым молодым членом «Арзамаса» был юноша Пушкин.

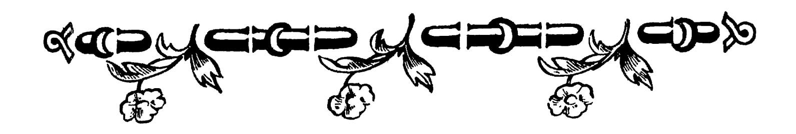
Борьба «Арзамаса» с «Беседой» составляет одну из важных и характерных страниц истории русской литературы первой четверти XIX века, но Державин уже не принимал в ней участия. Он был членом «Бе-

седы», председателем одного из ее отделов — «разрядов», в зале его дома иногда устраивались собрания «беседников», однако Державин оставался только зрителем разгоревшихся литературных битв между сторонниками «старого» и «нового» слова, тем более что он ценил Карамзина, Жуковского, молодого Пушкина и далеко не во всем был согласен с Шишковым.

Возраст давал себя знать:

Но, солнце! мой вечерний луч!
Уже за холмы синих туч
Спускаешься ты в темны бездны,
  Твой тускнет блеск любезный
Среди лиловых мглистых зарь,
  И мой уж гаснет жар;
Холодна старость — дух, у лиры — глас
  отъемлет...

Так писал Державин в 1812 году, и среди поэтической молодежи он искал того, кому мог бы передать слабеющими руками свою «ветхую лиру».

Глава 16

«РЕКА ВРЕМЕН...»

В стихотворении «Памятник», написанном в 1796 году, Державин подвел итог пройденному им творческому пути и высказал мнение о своей литературной роли. «Памятник» представляет собой свободный перевод оды римского поэта I века до нашей эры Горация «К Мельпомене» (книга III, ода 20). Державин знал и любил Горация, переводил его стихи, или, вернее, «перелагал» их на русском языке, отнюдь не следуя букве оригинала, а руководясь своими художественными задачами. Например, переводя одну из од Горация (книга эподов, ода 2) и назвав ее «Похвала сельской жизни», Державин вставил в текст описание трапезы поселянина, выдержанное совсем в «русском вкусе».

Горшок горячих, добрых щей,
Копченый окорок под дымом:
Обсаженный семьей моей,
Средь коей сам я господином,
И тут-то вкусен мне обед!
А как жаркой еще баран,
Младой, к Петрову дню блюденый,
Капусты сочныя кочан,
Пирог, груздями начиненый,
И несколько молочных блюд:
Тогда-то устрицы го-гу,
Всех мушелей заморских грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу[1],
Чем окормляют нас французы,
И уж ничто не вкусно мне.

[1] В этих строках называются изысканные блюда французской кухни. Державин поясняет: «Охотники до устриц и дичи любят с запахом оное кушать, что называется по-французски го-гу или высокого вкуса». Мушель — раковина *(нем.)*.

В вариантах стихотворения называются еще редька, соль, «двоеного бутыль вина» и т. д.; говорится и о том, как происходит насыщение, с каким удовольствием ест эту простую пищу удалившийся от дел и суеты света человек: «И тут-то за ушми трещит!»

Свой «Памятник» Державин также не просто перевел из Горация. Он, в сущности, написал новое стихотворение, положив лишь в его основу оду римского поэта.

«Памятник» Державина дышит уверенностью поэта в своем бессмертии, потому что бессмертно человеческое слово. Эта мысль проходит через ряд стихотворений Державина, но в «Памятнике» она является главной темой и выражена особенно ясно. Важно заметить, что Державин считает себя национальным поэтом. Он говорит:

И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить, —

и очерчивает географические границы своей славы — «от Белых вод до Черных».

«Хотя мысль этого превосходного стихотворения, — пишет Белинский, — взята Державиным у Горация, но он умел выразить в такой оригинальной, одному ему свойственной форме, так хорошо применить ее к себе, что честь этой мысли принадлежит ему, как и Горацию». Считая, что Пушкин написал свой «Памятник» «по примеру Державина», Белинский далее отмечает, что в одноименных стихотворениях обоих поэтов «резко обозначился характер двух эпох, которым принадлежат они: Державин говорит о бессмертии в общих чертах, о бессмертии книжном; Пушкин говорит о своем памятнике: «К нему не зарастет *народная* тропа», и этим стихом олицетворяет ту живую славу для поэта, которой возможность настала только с его времени».

Свои заслуги Державин перечисляет лаконично и точно:

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Здесь указаны «забавный русский слог» — новая стилистическая манера, введенная Державиным в русскую литературу, два центральных его произведения — «Фелица» и «Бог», подчеркнуты поэтическая искренность, отсутствие позы и аффектации — «сердечная простота», а также гражданская смелость и правдолюбие. Державин не забыл прибавить, что истину царям он говорил «с улыбкой», то есть смягчая резкость нравоучения шутливостью тона, однако не за счет, как мы знаем, глубины возражений и несогласий.

Н. Г. Чернышевский указывает, что Державин ценил в своей поэзии «служение на пользу общую. То же думал и Пушкин. Любопытно в этом отношении сравнить, как они видоизменяют существенную мысль Горациевой оды «Памятник», выставляя свои права на бессмертие. Гораций говорит: «Я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи», Державин замечает это другим образом: «Я считаю себя достойным славы за то, что говорил правду и народу и царям»; Пушкин — «за то, что я благодетельно действовал на общество и защищал страдальцев».

Стихи Горация помогали Державину формулировать свои мысли, убеждали в правильности взглядов на жизнь, на подлинные достоинства человека вне зависимости от занимаемого им в свете положения. Отталкиваясь от какой-либо мысли Горация, иногда пересказывая ее в своих стихах, Державин затем принимался писать о своем, наболевшем, о том, что наиболее тревожило его в данное время.

В 1808 году вышли из печати сочинения Державина в четырех томах, включавших стихи и драматические произведения поэта. В 1816 году к ним прибавился пятый, дополнительный том, составленный из произведений, написанных после выхода предыдущих томов, то есть после 1808 года. Это издание Державин составлял сам и пересматривал для него свои стихи, часто заменяя длинные названия произведений более краткими.

Издание 1808 года представило читателям твор-

чество Державина в наиболее полном виде, и выход его в свет явился крупным литературным событием.

Дружа со стариками — Дмитриевым, Шишковым и другими писателями старшего поколения, — Державин внимательно следит за молодыми поэтами и поощряет их литературные труды. Многим из них он оказывает радушный прием у себя дома.

Державин давно уже знал Жуковского. Еще в 1799 году Жуковский, тогда еще воспитанник Московского университетского пансиона, вместе со своим товарищем Родзянко перевели на французский язык оду «Бог» и послали перевод автору при почтительном письме. Державин ответил им четверостишием:

Не мне, друзья! идите в след,
Ищите лучшего примеру:
Пиндару русскому, Гомеру
Последуйте, — вот мой совет.

Смысл этих слов — «учитесь не у меня, а у Ломоносова», но вряд ли они были сказаны искренне. Десятью годами позже Державин очень обиделся на Жуковского, когда тот издал пять томов «Собрания русских стихотворений», в которое, естественно, вошло много произведений нашего поэта: Державину сказали, что после выхода такой хрестоматии никто не станет покупать отдельно изданных его сочинений. Однако недоразумение это быстро рассеялось, и Державин, следя за поэтическим развитием Жуковского, отдавал ему должное. Стихи Жуковского «Певец во стане русских воинов» еще более укрепили симпатии Державина к их автору, что отразилось в четверостишии, набросанном на одной из рукописей:

Тебе в наследие, Жуковский!
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

Личное знакомство Державина с Жуковским состоялось только весной 1816 года. Его и Петра Андреевича Вяземского представил Державину Карамзин, и все они были приглашены к обеду. Однако в назначенный день Карамзин приехать не смог, и Жу-

ковский с Вяземским отправились одни. Державин встретил их по-домашнему, в халате и колпаке, весьма огорчился отсутствием Карамзина, был сначала сух и неприветлив. Но потом разговорился, показал рукописные тетради стихов с рисунками, приготовленные к печати, и высказался о прежних своих сочинениях — он не придавал им большой цены, увлеченный драматургией.

Однако свою «ветху лиру» Державин передавал не Жуковскому, как пообещал однажды, а Пушкину. Он внимательно следил за успехами юноши-поэта. Литературные новости стекались в его дом отовсюду, и первые стихи Пушкина, известные по спискам и журналам, были высоко оценены Державиным.

— Мое время прошло, — говорил он С. Т. Аксакову, — теперь ваше время. Теперь многие пишут славные стихи, такие гладкие, что относительно версификации уж ничего не остается желать. Скоро явится свету второй Державин — это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей.

Интерес Державина к юному сопернику был настолько велик, что, несмотря на возраст и непогоду, он отправился 8 января 1815 года на переходные экзамены с младшего курса на старший в Царскосельском лицее, куда получил особое приглашение. Испытания эти были публичными, воспитанникам могли задавать вопросы присутствующие гости, а заключительную часть экзамена по русскому языку составляло чтение собственных сочинений лицеистов. Для того чтобы послушать их, Державин и отправился в Царское Село — городок, носящий ныне имя Пушкина.

Пушкин рассказал об этой достопамятной встрече так:

«Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спро-

сил у швейцара: «Где, братец, здесь нужник?» Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостью. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил: он сидел, поджавши голову рукою; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Державин слушал с живостью необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли».

После экзамена министр народного просвещения граф А. К. Разумовский устроил парадный обед. В числе гостей был, конечно, Державин, присутствовал и отец Пушкина Сергей Львович. За столом Разумовский, вспоминая об экзамене и стихах молодого Пушкина, сказал, обращаясь к его отцу:

— Я бы желал, однако ж, образовать сына вашего к прозе.

Державин услышал это замечание.

— Ваше сиятельство, — возразил он с жаром, обращаясь к министру, — оставьте его поэтом!

Талант Пушкина был для него очевиден и настоящее призвание совершенно ясно.

Пушкин читал на экзамене: «Воспоминание в Царском Селе» — торжественную оду, посвященную военной славе России и победам над армией Наполеона. Он написал ее так, как мог бы или должен был написать Державин такие стихи. С прису-

щей ему способностью перевоплощения, юноша Пушкин заговорил языком поэзии XVIII века и совсем в державинском тоне выразил свое восхищение перед героями-полководцами прежних лет: Орловым, Румянцевым, Суворовым:

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.
О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир

Пушкин пользуется красками творца «Водопада», его словарем, вводит много старославянских выражений, но не ограничивается только имитацией Державина. В «Воспоминаниях в Царском Селе» сильны элегические интонации Батюшкова, молодого поэта, которого очень любил Пушкин. У Батюшкова Пушкин взял и образец строфы — разностопного ямбического восьмистишия, как написано стихотворение Батюшкова «На развалинах замка в Швеции». И заканчиваются стихи обращением не к Державину, славному, но старому поэту, а к Жуковскому, автору «Певца во стане русских воинов», патриотического стихотворения 1812 года.

В последние месяцы жизни Державина в доме его часто бывал Сергей Тимофеевич Аксаков, ставший позднее известным писателем, а тогда, в 1816 году, пользовавшийся репутацией отличного чтеца. Державин слышал об искусстве Аксакова и нетерпеливо желал с ним познакомиться.

Войдя в кабинет, как рассказывает Аксаков, он увидел поэта сидящим на диване перед столом с бумагами. В руках у него были аспидная доска и гри-

фель, привязанный к доске ниткой. Увидев гостя, Державин с живостью встал к нему навстречу. Аксакову бросилось в глаза, что Державин был довольно высокого роста, сухощавого сложения. Голову его покрывал колпак, из-под которого небрежно выбивались остатки седых волос. Зеленый шелковый шлафрок был подпоясан шнурком с большими кистями. Портрет Державина работы Тончи, висевший в зале, через которую прошел Аксаков, походил на оригинал, как две капли воды.

— Добро пожаловать, я вас давно жду, — сказал Державин, — наслышался, что вы мастерски декламируете. Ведь мы с вами с одной стороны: вы оренбуржец и казанец, и я тоже; вы учились в казанской гимназии сначала и потом перешли в университет, и я тоже учился в казанской гимназии, а об университете тогда никто и не помышлял. Да мы с вами и соседи по оренбургским деревням; я обо всем расспросил братца вашего.

Нетерпеливо желая послушать гостя, Державин тем не менее выдерживал характер и довольно долго вел беседу о Казани и Оренбурге. Аксаков обстоятельно отвечал на его вопросы и кстати процитировал одно из стихотворений поэта.

— Вы хотите мне что-нибудь прочесть! — воскликнул Державин.

— Всею душою хочу, только боюсь, чтобы счастие читать Державину его стихи не захватило дыханья...

Державин взглянул на Аксакова, понял, что слова эти не пустой комплимент, схватил его за руку и ласково промолвил:

— Так успокойтесь.

Выдвинув несколько ящиков, расположенных по бокам и над спинкой дивана, Державин рылся в них, пока не вытащил две огромные рукописи, переплетенные в зеленый сафьяновый корешок.

— В одной книге мои мелочи, — сказал он, — а о другой поговорим после. Вы что хотите мне читать? Верно, оды «Бога», «Фелицу» или «Видение Мурзы»?

— Нет, — ответил Аксаков, — их читали вам многие, особенно актер Яковлев. Я желаю прочесть вам оду «На смерть князя Мещерского» или «Водопад».

— А я хотел вам предложить прочесть мою трагедию.

— Сердечно рад, но позвольте мне начать этими двумя стихотворениями.

С первыми стихами оды «На смерть князя Мещерского» Державин превратился в слух, лицо его сделалось лучезарным, руки пришли в движение. Когда Аксаков прочел о том, что смерть

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны —
И точит лезвие косы, —

Державин содрогнулся.

Едва Аксаков произнес последние стихи:

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою своей душою
Благословляй судеб удар, —

поэт уже обнимал чтеца со слезами на глазах. Потом он молча сел, посадил Аксакова и, держа его за руку, сказал тихим, растроганным голосом:

— Я услышал себя в первый раз...

И вдруг прибавил громко, с какой-то бытовой интонацией, снявшей всю торжественность минуты:

— Мастер, первый мастер! Куда Яковлеву! Вы его, батюшка, за пояс заткнете.

Слова Державина, в чем нет сомнения, верно переданные Аксаковым, очень для него характерны. И на склоне дней, очевидно в лучшие свои минуты, — Аксаков произвел на него большое впечатление — Державин не мог и не хотел выдерживать пафос и приподнятость тона. Произнеся в «высоком слоге» фра-

зу: «Я услышал себя в первый раз», — он тут же добавил, как показалось собеседнику, «с каким-то пошлым выражением», фразу «низкого стиля»: «за пояс заткнете», — резанувшую ухо Аксакову. Но ведь так Державин писал и все свои оды, и было бы грехом на него за это обижаться!

«Водопад» Аксакову читать не пришлось: Державину ужасно хотелось послушать свои трагедии. Он послал за домашними, едва познакомил чтеца с Дарьей Алексеевной и нетерпеливо ждал начала.

Была выбрана трагедия «Ирод и Мариамна». Аксаков знал ее и не считал большим успехом поэта, но находился в таком лирическом настроении, что рад был читать Державину что угодно, хоть по-арабски, — в любых звуках желала вылиться вскипевшая душа.

Аксаков духом прочел трагедию, опасаясь, что восторженность его может охладеть и тогда все пройдет, ибо стихи ему никак не нравились. Воодушевившись встречей с Державиным, Аксаков читал с увлечением и произвел магическое действие. Поэт не мог сидеть спокойно, часто вскакивал, руки его делали беспрестанные жесты, голова, все тело пришли в движение. Восхищению Державина не было конца. Через несколько минут он схватил аспидную доску и стал писать грифелем. Рука его дрожала, он беспрестанно стирал написанное. Наконец Державин взял у Аксакова трагедию и на первом листе написал четыре строки, посвященные чтению. Книга с надписью затерялась, и, когда Аксаков рассказывал этот эпизод в своих воспоминаниях о Державине, он мог привести только одну сохранившуюся в памяти строку: «Себя услышал в первый раз...»

Зимой 1816 года Аксаков был частым и любимым гостем в доме Державиных. Он прочел поэту вслух его трагедии «Евпраксия», «Атабалибо», «Василий Темный», перевод трагедии Расина «Федра» и два тома мелких стихотворений — басен, картин, надписей, эпитафий и мадригалов. Своих ранних стихов Державин слушать не любил.

Частые чтения очень волновали Державина, нер-

вы его расходились, и он заболел. Дарья Алексеевна, оберегая здоровье мужа, посоветовала Аксакову сказаться больным, в чем, собственно говоря, не было обмана, так как он действительно захварывал. Внезапная болезнь чтеца и слушателя не осталась незамеченной. В Петербурге заговорили о том, что приезжий из Москвы зачитал старика Державина своими сочинениями, да и сам зачитался, сошел с ума, его вывели с полицией из дома и отдали на излечение частному лекарю.

В своих воспоминаниях о поэте Аксаков запечатлел черты его облика:

«Благородный и прямой характер Державина был так открыт, так определенен, так известен, что в нем никто не ошибался: все, кто писал о нем, — писали верно. Можно себе представить, что в молодости его горячность и вспыльчивость были еще сильнее и что живость вовлекала его часто в опрометчивые речи и неосторожные поступки. Сколько я мог заметить, он не научился еще, несмотря на семидесятитрехлетнюю опытность, владеть своими чувствами и скрывать от других сердечное волнение. Нетерпеливость, как мне кажется, была главным свойством его нрава; и я думаю, что она много наделала ему неприятных хлопот в житейском быту и даже мешала вырабатывать гладкость и правильность языка в стихах».

В конце мая 1816 года Державины выехали в Званку. Дни потекли в обычных занятиях: Державин слушал чтение вслух, музыку, понемногу занимался в своем кабинете, беседовал и шутил с племянницами. Часто, уходя спать, он повторял собственные стихи:

Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера.

Державин не жаловался на болезни, но в начале июля почувствовал спазмы в груди, пульс участился, поднялась температура. Через день он стал бодрее, и племянница читала ему из «Всемирного путешественника» — многотомного сочинения аббата

де ла Порт, переведенного на русский язык. Чтица не одобряла этого скучного сочинения, и Державин говаривал ей:

— Ну как же ты можешь не любить этой книги? Сколько тут любопытного, и у кого память хороша, сколько пользы прочесть ее! Но я что прочел, то и забыл; опять за новое читаю.

8 июля Державин провел день как обычно, но после ужина занемог и был уложен в постель. Боль заставила его стонать. Домашний доктор ничем не смог помочь ему. Вдруг Державин захрипел — и потом все смолкло...

На аспидной доске остались начальные строфы стихотворения, над которым работал поэт в последние часы своей жизни:

Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Державин был похоронен в церкви Хутынского монастыря близ Новгорода.

...За несколько лет до смерти, размышляя о своем жизненном пути, Державин сочинил себе такую надгробную надпись — эпитафию:

«Здесь лежит Державин,
который поддерживал правосудие,
но, подавленный неправдою,
пал, защищая законы».

Он хотел, чтобы потомки знали о борьбе с неправдою, чему была посвящена его жизнь, и требовал к себе уважения именно за это, сказав:

За слова меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

Но служебные дела Державина давно утонули в реке времен, а слово его все еще продолжает звучать.

На стихах Державина воспиталось не одно поколение русских поэтов, с ним близко связано творчество Пушкина. Родоначальнику новой русской литературы предшествовал Державин.

Зеленоградская — Москва.
1957 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Г. Р. ДЕРЖАВИНА

1743, 3 июля — в семье небогатых казанских помещиков подполковника Романа Николаевича Державина и его жены Феклы Андреевны родился сын Гавриил — будущий поэт.

1750 — «Явлен» в Оренбурге вместе с другими дворянскими сыновьями на смотр губернатору и «отпущен» для получения образования.

1759 — поступил во вновь открытую в Казани гимназию.

1761 — участвовал в летней гимназической экспедиции в г. Болгары, где составил план города, описание к нему, сделал зарисовки и собрал археологические находки.

1762, февраль — получил паспорт из Преображенского полка и отбыл в полк.

март — в Петербурге зачислен солдатом мушкетерской роты Преображенского полка. Пробовал писать стихи.

1763, май — произведен в капралы. Выехал в отпуск в Казань.

1768, январь — произведен в сержанты.

июнь — прикомандирован к Комиссии по составлению нового уложения и назначен сочинителем в частную комиссию о разных установлениях, касающихся до лиц.

1769, январь — отпуск, поездка в Казань и в Москву.

1770, март — возвратился в Петербург и начал нести полковую службу.

1772, январь — получил первый офицерский чин прапорщика.

1773 — в журнале «Старина и Новизна» напечатал перевод с немецкого «Ироида Вивлиды к Кавну». Отдельным изданием вышла ода «На бракосочетание великого князя Павла Петровича».

ноябрь — выехал в Казань как прикомандированный к секретной следственной комиссии.

1774 — служба в Заволжье, в войсках, действовавших против Пугачева.

1775, июль — возвратился в Москву.

1776 — выпустил первую книжку «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года».

1777, февраль — переведен в статскую службу с чином коллежского советника.

август — назначен экзекутором первого департамента сената.

1778, апрель — женился на Екатерине Яковлевне Бастидон (1760—1794). Осенью ездил в Казань и в Оренбург.

1779 — в «Санкт-Петербургском вестнике» и «Академических известиях» напечатал оду «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «На рождение в Севере порфирородного отрока» и другие стихотворения. Н. А. Львов, И. И. Хемницер, В. В. Капнист вместе с Державиным составили кружок друзей-поэтов.

1780 — написал стихотворения «Властителям и судиям», «К первому соседу» и другие; перешел советником в экспедицию доходов.

1782—1783 — напечатал в первом номере нового журнала «Собеседник любителей российского слова» оду «Фелица». Избран членом Российской академии. Сочинил оды «Благодарность Фелице», «Решемыслу».

1784 — закончил оду «Бог», начатую в 1780 году.
В мае назначен правителем Олонецкой губернии. Выехал в Петрозаводск.

1785 — совершил в *июне — сентябре* путешествие по Олонецкой губернии. *В октябре* уехал в Петербург.

1785, декабрь — назначен правителем Тамбовской губернии.

1786, март — прибыл в Тамбов. Учредил типографию, театр, народные училища в Тамбове и уездных городах.

1788 — указом сената отрешен от должности и отдан под суд за превышение власти. Сочинил стихотворения «На смерть графини Румянцевой» и «Осень во время осады Очакова».

1789 — возвратился в Москву. Оправдан сенатом. Работал над одами «На счастие», «Победителю», «Изображение Фелицы», «Видение Мурзы».

1790—1791 — жил в Петербурге, написал стихотворения «Любителю художеств», «Анакреон в собрании», «Прогулки в Сарском селе», «Ко второму соседу», «Водопад» и другие. Принял участие в «Московском журнале» Н. М. Карамзина. Познакомился с И. И. Дмитриевым.

1791 — назначен кабинет-секретарем Екатерины II по принятию прошений.

1793 — освобожден от должности секретаря и назначен сенатором.

1794 — назначен президентом коммерц-коллегии. Опубликовал оду «Вельможа». Написал «Песнь на победы Суворова». В *июле* умерла Екатерина Яковлевна Державина.

1795 — женился на Дарье Алексеевне Дьяковой. Составил рукописный том стихотворений.

1797 — приобрел имение «Званка», где стал проводить ежегодно по нескольку месяцев.

1798 — вышел в свет первый том сочинений.

1799 — был командирован в город Шклов Могилевской губернии. Написал стихотворения «На победы в Италии», «На переход Альпийских гор».

1800 — предпринял во время голода вторую поездку в Белоруссию, где добился раздачи крестьянам помещичьего хлеба.

1800 — в *августе* снова назначен президентом коммерц-коллегии. В *ноябре* назначен вторым министром при государственном казначействе и вскоре государственным казначеем; получил повеление присутствовать в императорском совете; переведен из межевого департамента в первый департамент сената. Введен в советы двух учебных заведений — Екатерининского и Смольного институтов.

1801 — освобожден от поста государственного казначея и оставлен в сенате.

1802 — назначен министром юстиции.

1803 — ушел в отставку.

1804 — занимался сочинением либретто театрального представления с музыкой «Добрыня». Издал сборник «Анакреонтические песни».

1805 — работал над стихотворениями и пьесами.

1806 — написал героическое представление «Пожарский или Освобождение Москвы», комедию «Кутерьма от Кондратьев», стихи «Облако», «Гром», «Радуга» и другие.

1807 — закончил трагедию «Ирод и Мариамна», стихотворения «Евгению. Жизнь Званская», «Атаману и войску Донско-

му» и другие. Работал над запиской «Мнение о обороне империи на случай покушений Бонапарта». Участвовал в собраниях кружка консервативных писателей во главе с А. С. Шишковым, будущей «Беседе любителей русского слова».

1808 — вышли из печати сочинения Державина в четырех томах.

1810 — представил проект «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи».

1811 — писал «Рассуждение о лирической поэзии или об оде». В литературном обществе «Беседа любителей русского слова» занял место председателя второго разряда.

1812 — сочинил поэму «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества», стихи М. И. Кутузову, написал «Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов». Составлял автобиографические «Записки».

1813 — поехал на Украину навестить В. В. Капниста.

1814 — работал над либретто оперы «Грозный или Покорение Казани».

1815 — на экзамене в Царскосельском лицее слушал стихи юного Пушкина.

1816, 8 июля — скончался в своем имении «Званка».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. СОЧИНЕНИЯ ДЕРЖАВИНА

Сочинения Державина, части 1—4. СПб., 1808; часть 5. СПб., 1816.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, тт. I—IX. СПб., 1864—1883.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е академическое издание (без рисунков), тт. I—VII. СПб., 1868—1878.

Стихотворения. Редакция и примечания Гр. Гуковского, вступительная статья И. А. Виноградова. «Библиотека поэта». Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Стихотворения. Редакция текста, примечания и вступительная статья Гр. Гуковского. «Библиотека поэта», малая серия. Л., изд-во «Советский писатель», 1936; изд. 2-е, Л., 1947.

Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и общая редакция Д. Д. Благого. «Библиотека поэта», изд-во «Советский писатель», 1957.

II. ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДЕРЖАВИНА

Аксаков С. Т., Знакомство с Державиным. Собрание сочинений в четырех томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1955.

Антокольский П. Г., Державин. В кн.: «Поэты и время». М., изд-во «Советский писатель», 1957.

Белинский В. Г., Сочинения Державина. Полное собрание сочинений, т. VI. М., изд. Академии наук СССР, 1955.

Благой Д. Д., Державин. М., Гослитиздат, 1944.

Благой Д. Д., Пушкин и русская литература XVIII века. В кн.: «Пушкин родоначальник новой русской литературы». М., изд. Академии наук СССР, 1941.

Благой Д. Д., Г. Р. Державин. В кн.: «Державин. Стихотворения», «Библиотека поэта», изд-во «Советский писатель», 1957.

Виноградов И. А., О творчестве Державина В кн.: «Державин. Стихотворения». Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Грот Я. К., Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, тт. I и II. М., изд. Академии наук, СПб., 1880.

Гуковский Г. А., Г. Р. Державин В кн.: «Державин. Стихотворения», «Библиотека поэта», малая серия. Л., изд-во «Советский писатель», 1947.

Гуковский Г. А., Литературное наследство Державина. В кн.: «Литературное наследство», т. 9—10. М., изд. Академии наук СССР, 1933.

Добролюбов Н. А. (Н Лайбов), Державин. «Русский иллюстрированный альманах». СПб., 1858.

Добролюбов Н. А., Собеседник любителей русского слова. Полное собрание сочинений, т. I. М., ГИХЛ, 1934.

Дмитриев И. И., Взгляд на мою жизнь. М., 1866.

Жихарев С. П., Записки современника. Редакция, статьи и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М., изд. Академии наук СССР, 1955.

Западов А. В., Гоголь о Державине. В кн.: «Н. В. Гоголь». Изд. ЛГУ, 1953.

Западов А. В., Державин. «Русские писатели о литературном труде», т. I. Л., изд-во «Советский писатель», 1955.

Китина А. Д., Литературное окружение Державина. «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. 10, вып. 3, 1948.

Полевой Н. А., Очерки русской литературы, ч. 1. СПб., 1839.

Тимофеев Л. И, Г. Р. Державин. В кн.: «Классики русской литературы». М., Детгиз, 1953.

Чернышевский Н. Г., Прадедовские нравы. Полное собрание сочинений, т. VII. М., Гослитиздат, 1950.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция серии «Жизнь замечательных людей» просит вас присылать отзывы о книгах серии, а также свои предложения по улучшению их содержания и оформления.

Напишите нам, о ком еще из замечательных людей вы хотели бы прочесть книги.

Наш адрес: Москва, А-55, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», серия ЖЗЛ.

Западов Александр Васильевич

ДЕРЖАВИН

Редактор *Г. Померанцева*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Л. Коробова*
А03014 Подп. к печ. 21/III 1958 г.
Бумага 84 × 108 $^{1}/_{32}$ = 3,75 бум. л. =
= 12,3 печ. л. + 6 вкл. 11,5 уч.-изд. л.
Тираж 45000 экз. (15000+30000—1-й завод от массового тиража).
Цена 5 р. 25 к. Заказ 2613

*

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

В СЕРИИ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

В 1957 году ВЫШЛИ:

А. Тимашев, Воейков, 287 стр., цена 5 р. 80 к.
А. Рыбасов, Гончаров, 372 стр., цена 7 р. 40 к.
А. Яковлев, Руал Амундсен, 222 стр., цена 4 р. 75 к.
Л. Позднеева, Лу Синь, 288 стр., цена 6 р. 10 к.
М. Яновская, Вильям Гарвей, 175 стр., цена 4 р. 35 к.
Н. Богословский, Чернышевский, 407 стр., цена 8 р. 20 к.
Л. Воронцова, Ссфья Ковалевская, 343 стр., цена 7 р. 15 к.
М. Ильин и Е. Сегал, Бородин, 416 стр., цена 7 р. 95 к.
К. Андреев, Три жизни Жюля Верна, 313 стр., цена 5 р. 80 к.
Н. Кальма, Джон Браун, 270 стр., цена 5 р. 25 к.
А. Дживелегов, Микельанджело, 256 стр., цена 5 р. 96 к.
В. Лебедев и К. Ананьев, Фрунзе, 317 стр., цена 6 р. 85 к.
Л. Островер, Петр Алексеев, 217 стр., цена 5 р. 15 к.
А. Лурье, Гарибальди, 283 стр., цена 6 р. 25 к.
Л. Хинкулов, Шевченко, 431 стр., цена 8 р. 70 к.
Н. Кочин, Кулибин, 237 стр., цена 5 р. 45 к.
В. Виргинский, Черепановы, 236 стр., цена 5 р. 40 к.
Н. Березов, Куйбышев, 286 стр., цена 6 р. 30 к.
Вл. Львов, Жизнь Альберта Эйнштейна, 320 стр., цена 6 р. 55 к.

В 1958 ГОДУ В СЕРИИ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫХОДЯТ КНИГИ:

И. Груздев, Горький.
Б. Кремнев, Моцарт.
Г. Ильберг, Клара Цеткин.
И. Александров и Г. Григорьев, Курако.
Л. Гроссман, Пушкин.
Г. Ревзин, Риэго.
С. Пророкова, Репин.
Н. Владыкина-Бачинская, Собинов.
Е. Патон, Воспоминания.
Н. Пияшев, Воровский.
Б. Карташев и Вл. Муравьев, Пестель.
М. Мендельсон, Марк Твен.
А. Стекольников, Васил Левский.
М. Рафили, Ахундов.
В. Прокофьев, Халтурин.
Б. Могилевский, Мечников.
А. Голубева, Киров.
И. Кунин, Чайковский.
А. Левандовский, Робеспьер

и другие.